ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 11 (4453)

13 марта 1974 г. СРЕДА

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА:

Целина — это люди беспримерного трудового энтузиазма

Фото В. ЯКОБСОНА

Двадцать лет назад по призыву партии передовой отряд советской молодежи шагнул в бескрайние целинные степи, чтобы освоить их — превратить в гигантскую житницу нашей страны. За эти годы неузнаваемо преобразился некогда пустынный край. Сегодня целина — это не только богатейший сельскохозяйственный район развитого земледелия и животноводства. На бывших целинных землях вырос и новый индустриальный район, занявший видное место в экономике страны.

Целина стала еще одним ярчайшим примером братской дружбы народов, в ее освоении приняли участие представители всех республик.

Современные целинные совхозы — это высокомеханизированные хозяйства, это удобные и красивые поселки городского типа. Целина — это расцвет культуры на огромных просторах освоенных земель. Покорение целины — исторический подвиг советского народа.

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

ПРЕОБРАЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Михайло СТЕЛЬМАХ, Герой Социалистического Труда

НА КОЛОСЕ, на седом колосе ржи и золотом колосе пшеницы, испокон веков держалась судьба человеческая. И заветная мечта о земле, о хлебе насущном всегда отзывалась в наболевшей душе народа песней и думой, когда выводил хлебороб на свою убогую ниву, сея с руки зерна пополам со слезою, пополам с грозою... Грустными были те песни, печальными — думы...

Осталась земля землею, небо — небом, а песни стали другими, и думы другими, потому что все на родной земле нашей, неузнаваемо преобразившейся, зацвело, засверкало невиданным цветом счастья и братства!

Не просто это добывалось. Кровью, когда отвоевывали, а потом защищали эту землю от врагов. И неутомимым, нелегким трудом. Но это уже наша история, хотя каждый раз вспоминаешь ее, не можешь не вспомнить, когда страна выходит на свои новые рубежи.

Вся история Советского государства полна примеров самоотверженных поступков его преданных сынов и дочерей. И все-таки для каждого поколения наступал час, когда эти порывы и поступки становились массовыми, когда не один и не несколько человек, а многие и многие тысячи проявляли то, что мы называем повседневным героизмом. Я уже не говорю о величайшем всенародном подвиге в период Великой Отечественной войны. Незабываемым подвигом 30-х годов были первые пятилетки. Героическим подвигом в 50-е годы стала целина.

Было много общего между теми, кто строил Днепрогэс и Магнитку, и теми, кто приехал двадцать лет назад в Кустанайскую степь. Разные поколения, но та же самоотверженность, та же преданность идеям коммунизма, то же благородное стремление все сделать для любимой Родины. Разве что одеты и обуты были нынешние получше, а эшелонах ехали поудобней, технику имели несравненно более могучую и разумную, да и сами были грамотнее, но начинали... с тех же колышков и палаток. Начинали, как говорят теперь, с нуля, с нетронутой, бескрайней земли, [illegible] ковылем...

Освоение целинных земель во все времена было связано с переселенцами. Здесь же были не переселенцы, а первопроходцы — сознательные и убежденные энтузиасты, всем сердцем откликнувшиеся на призыв Коммунистической партии. Где, в каких еще краях возможно было бы поднять такую огромную массу людей на подвиг во имя общего блага? Но ведь мы все делаем сообща, как говорится, всем народом, а если точнее — силами всех народов нашей многонациональной Отчизны. На том стоит Советская держава, и это происходит постоянно, ежедневно, ежечасно, становясь настолько привычным, что мы порой и сами не замечаем того. И только тогда, когда страна затевает новое масштабное дело, с особой отчетливостью и яркостью видится эта всенародность и общность усилий. Именно так было в дни покорения целины, когда на голые земли пришли мужественные люди из всех братских республик, представители всех народов СССР. Несколько лет назад, во время поездки по Казахстану я встречал немало земляков из моей родной Винницкой области и других украинских мест. Это уже старожилы-целинники, солидные люди, отцы семейств, приехавшие сюда двадцать лет назад безусыми мальчишками. Очевидно, пройдет какое-то время, и слова «комсомольцы пятидесятых годов» будут звучать не менее почетно, чем в наше время «комсомольцы тридцатых».

Думая о подвиге целинников, я вспоминаю прекрасного поэта Павла Тычину, сорок лет назад опубликовавшего в «Правде» свое бессмертное стихотворение «Партия ведет». Давно стали крылатыми эти слова. С ними связаны все наши победы — вчерашние и сегодняшние. Партия ведет, и мы продолжаем идти вперед, не останавливаясь ни на миг, ни на час.

У нас все новые и новые задачи. Остался позади третий год пятилетки, поднявший нас на ступеньку выше, сделавший страну еще сильнее и богаче. Мы бесконечно радовались и гордились, когда в прошлом году Украина впервые в истории сумела продать государству миллиард пудов хлеба. С таким же гордым чувством радовались мы трудовому успеху хлеборобов братского Казахстана, давшего стране и свой каравай весом в миллиард пудов.

А теперь пришла весна четвертого года пятилетки. Влажен мартовский ветер, пряны запахи пробуждающейся земли... Хлеборобы моей республики уже готовятся к новой битве за урожай, чтобы в нынешнем году собрать свыше 47 миллионов тонн зерна и снова продать государству не менее одного миллиарда пудов хлеба. Так они и идут чередой — годы трудовых побед советского народа, и этот славный путь будет вечным примером для грядущих поколений, для всех людей, избравших дорогу свободы и счастья!

КИЕВ

ПОДВИГ

Целина — это могучая современная техника

Фото ТАСС

ВО ИМЯ РОДИНЫ

ЧЕЛОВЕК ТРУДА — ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ОЧЕРК ПИСАТЕЛЕЙ А. НУРПЕИСОВА И А. КЕКИЛЬБАЕВА О КОМБАЙНЕРЕ АУТЕНЕ КУАНДЫКОВЕ

стр. 2

Целина — это новые поселки и сады в степи

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Репортаж «ЛГ»

ОТ ПЕРВОЙ ДО ДЕВЯТОЙ...

Дни советской литературы на кольской земле

ОДНАЖДЫ академик А. Е. Ферсман заговорил в кругу писателей о богатствах Хибин и настолько увлек слушателей, что ему сказали:

— Александр Евгеньевич, вам следовало бы написать поэму о камнях.

— О камнях я напишу. Вот вы о людях напишите, — ответил академик.

Писать о людях, показывать их трудовые свершения призывал литераторов С. М. Киров. По его инициативе в Хибинах побывала группа ленинградских литераторов, подготовившая сборник «Большевики победили тундру», посвященный ударной стройке. Так было положено начало традиционным связям ленинградских писателей с тружениками кольской земли.

И вот новая встреча. В гости к горнякам и строителям, школьникам и ученым приехали секретари правления Ленинградской писательской организации Ю. Рытхэу, Г. Горышин, литературовед А. Горелов, бывший когда-то первым редактором «Хибиногорского рабочего», поэты Л. Агеев, С. Давыдов, критик В. Бахтин, очеркист Ю. Помпеев.

Какой путь прошли Хибины от пятилетки первой до девятой? Как изменился знаменитый комбинат «Апатит»? Об этом ленинградские писатели и решили рассказать в новом сборнике. Такова одна из практических целей их поездки, конкретный вклад в «писательскую пятилетку».

Позади первые встречи, первые впечатления.

Вот несколько фактов.

— ...За годы пятилеток экономический потенциал кольской земли возрос в 500 раз, — говорит первый секретарь Кировского горкома партии Г. Г. Гильманов.

— ...Мы создали такой психологический микроклимат на комбинате, что текучесть кадров у нас снизилась до минимума, а прогулы практически изжиты, — это слова Героя Социалистического Труда, доктора технических наук, директора горно-химического комбината «Апатит» им. С. М. Кирова Г. А. Голованова.

В Хибинах все поражает своими масштабами. Суточный выем руды — четверть миллиона тонн. И 1200 вагонов ежедневно апатитового концентрата...

Цифры ошеломляют, если хотите... Как ошеломляют циклопические с первого взгляда сооружения рудоспусков на руднике «Центральный», по которым с полукилометровой высоты сыплется добытая руда прямо в вагоны, поданные по тоннелю в недра горы...

Ленинградские писатели вникают в проблемы, стоящие перед хибинцами. Их наблюдения и войдут в будущий сборник о Хибинах.

А пока мне удалось получить из писательского блокнота Л. Агеева стихи. Вот они:

КИРОВСК

Я и город — однолетки...
На руках большой страны
самой первой пятилетки
мы с ним вместе рождены.

Как росли мы — это сложно
между делом рассказать,
всю-то память не тревожа,
чей-то сон щадя опять.

Со своим погодком рядом
этой северной весной
все оцениваешь взглядом
в некой плоскости иной...

Е. ГАВИС, собственный корреспондент «Литературной газеты»

КИРОВСК—АПАТИТЫ

СРЕДИ КНИГ

РЕЦЕНЗИИ, РЕПЛИКИ

стр. 4–5

Алесь ЖУК

«ОСЕННИЕ ХОЛОДА»—РАССКАЗ

стр. 6–7

ЮБИЛЕИ

ПОТОМКИ—ВЕЛИКОМУ КОБЗАРЮ

Общественность Украины отметила 160-летие со дня рождения великого поэта, революционера-демократа Тараса Григорьевича Шевченко. На юбилейном вечере в Колонном зале имени Н. Лысенко слово о Кобзаре произнес лауреат Ленинской премии, член-корреспондент Академии наук УССР Евгений Шаблиовский.

В Канев для участия в торжествах выезжала группа деятелей литературы и искусства во главе с секретарем правления Союза писателей Украины П. Загребельным.

Вечер-концерт состоялся в республиканском Доме актера. Здесь звучали шевченковские стихи, положенные на музыку П. Чайковским, М. Мусоргским, С. Рахманиновым, Н. Лысенко, многими другими русскими и украинскими композиторами.

Уникальное издание готовит Главная редакция Украинской Советской Энциклопедии совместно с Институтом литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук УССР — своеобразный свод всех сведений о жизни, литературно-художественной и революционной деятельности великого Кобзаря, об отображении его творчества в литературе и искусстве народов СССР и в зарубежных странах. В подготовке двухтомной «шевченковской энциклопедии» участвуют около 500 авторов, в том числе ученые Москвы, Ленинграда, братских республик.

* *

Опубликовано постановление ЦК Компартии Украины и Совета Министров УССР о присуждении Государственных премий Украинской ССР имени Т. Г. Шевченко. В области литературы премия 1974 года присуждена прозаику П. Загребельному за романы «Первомость» и «Смерть в Киеве». Обе книги завершают начатый романом «Диво» цикл произведений о Киевской Руси — колыбели трех братских народов: русского, украинского и белорусского.

Шевченковской премии удостоены также авторы памятника великой поэтессе Л. Украинке (скульптор—народный художник УССР Галина Кальченко и архитектор—Анатолий Игнащенко).

(Наш корр.)

КИЕВ

ЗОДЧЕСТВО В ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ВЕК

КАКИМ БЫТЬ ГОРОДУ?

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ДОКТОРА АРХИТЕКТУРЫ М. БАРХИНА

стр. 10

ЦЕЛИНЕ — 20 ЛЕТ

Двадцать лет назад по призыву партии передовой отряд советской молодежи начал освоение целинных земель.

Уезжали комсомольцы...

Первый эшелон шел от «Киевский» на земле Казахстана.

1954-й | *По земле, не знавшей плуга (совхоз «Московский»)*

Фото ТАСС и С. КРОПИВНИЦКОГО

КОНКУРС «ЛГ» НА ЛУЧШИЙ ОЧЕРК

ЧЕЛОВЕК ТРУДА ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Абдижамил НУРПЕИСОВ,

Абиш КЕКИАЬБАЕВ

ДУМА АУТЕНА

После совещания он возвращался угрюмый. Только что ему в присутствии прославленных хлеборобов Кокчетавской области вручили орден. Люди от души аплодировали ему, а он, как всегда в таких случаях, еще больше смущался, переминался с ноги на ногу и не находил себе места на ярко освещенной сцене. По лицу струился пот. Язык точно одеревенел. От напряжения в горле пересохло. И он на виду у всех машинально тянулся к стакану с водой, не соображая, зачем он это делает. Потом он силился вспомнить что-нибудь из своей нескладной речи, но тщетно. Все слова, точно перепуганные воробьи, разлетелись. Только и вспомнил, как уже к концу речи овладел кое-как собой и, с трудом оторвавшись от старой кепки, которую мял, комкал в руке, посмотрел в притихший, как ему показалось, от любопытства зал и хриплым, блеклым от волнения голосом сказал: «И впредь обязуюсь работать честно, не щадя себя, не жалея сил».

Смешно. Как будто можно работать еще иначе. Как будто люди не знают, что только так — честно, не жалея себя — он и работает. Вот уже восьмой год он заведует животноводческой фермой, а ферма крупная, при ней имеется более четырех тысяч гектаров пахотной земли. И каждую осень в страду он садится за штурвал комбайна.

В этом году он вызвал на соревнование знаменитого на Кустанайщине комбайнера Сартая Тынымбаева. Шутка ли, не просто кого-то, а Героя Социалистического Труда. Обязался намолотить не менее пятнадцати тысяч центнеров зерна. Слово, к чести своей, сдержал: обмолотил шестнадцать тысяч. Что и говорить, трудиться он любил и умел. Досадно было только, что на торжественном собрании он опять осрамился, не смог толком связать двух слов. Что-то бубнил себе под нос, промямлил: «...обязуюсь и впредь...» Теперь, вспоминая эти слова, он морщился от стыда и досады и каждый раз хмыкал. Сказал тоже! Какой хлебороб-дехканин, приступая к очередной жатве, не отдавался работе всей душой, всем сердцем? Разве он знает кого-нибудь из хлеборобов, который щадил бы себя в неистовой буче? Разве не все комбайнеры работают в страду на пределе человеческих сил и возможностей? Бывало, к исходу дня руки будто прирастают к штурвалу, пальцы немеют, разжать их нет сил. Как говорится, днем про смех забудешь, ночью — про сон. Только и видишь перед собой безбрежно колышущееся хлебное поле, только и слышишь ровный, мерный стрекот комбайна. Прямо в поле подвозят обед, но тебе не до него — право, даже на еду жалко тратить время.

Особенно тяжело далась последняя страда. Сейчас и поверить трудно, с какими неимоверными усилиями удалось убрать небывало богатый урожай. Едва приступили к жатве, как пронесся слух: через пять дней пойдут дожди. Потом поговаривали о переходе дождя в снег. Комбайнеры теперь и вовсе с комбайнов не слезали. Когда-то, бывало, руководителям колхозов приходилось упрашивать народ выйти на работу. Нынче же они уговаривают людей в страдную пору: «Отдохните чуток! Вздремните!» Но люди, охваченные азартом, яростью труда, и слышать об этом не хотят. Конечно, силы человеческие не беспредельны: после нескольких бессонных дней и ночей подряд предутренняя сладкая дрема порой сваливает даже самых выносливых.

К счастью, он дольше других может обходиться без сна. Приятели подшучивают: «Он вынослив, как верблюд».

Приехал как-то писатель. Не отходил от него ни на шаг, следил за каждым движением. Вроде ничего примечательного. Движения медленные, походка вялая, речь — одна скука. Хотя во всем облике тяжелой квадратной фигуры и чувствовалась недюжинная сила какого-нибудь знаменитого палуана (борца), но только ничего такого, что говорило бы о знатном труженике. Писатель улыбнулся: он вспомнил предание. Сказочные скакуны в обычное время как будто бывают внешне невзрачными, неказистыми... Писатель, продолжая улыбаться, обратился к нему: «Дорогой Аутен, на целинной земле немало знатных людей. Но открой, пожалуйста, свой секрет: почему именно тебе удается каждый год быть впереди всех?»

Аутен не торопился с ответом. Наконец он сказал: «Откуда мне знать, может, весь секрет в том, что во время уборки я почти не сплю». В страду даже самые сильные джигиты, глядишь, уже через неделю не в силах сладить с усталостью. В предрассветный час отяжелевшие веки невольно смыкаются, в глазах начинает рябить, а бескрайнее пшеничное поле в причудливо зыбком свете фар вдруг закачается, и думаешь — вот-вот земля перевернется, опрокинется на тебя; и тогда остановишь комбайн, слезешь с него, шатаясь, сделаешь один шаг и тут же падаешь в мертвом сне на стерню. Но он и тогда не спит. И тогда над целинным жнивьем плывет ровный рокот, теперь лишь один его комбайн упорно вгрызается в стеной стоящую густую пшеницу.

Да, уж чем-чем, а силой и энергией природа его не обделила. Еще босоногим мальчишкой он выделялся среди сверстников своим квадратным, литым телом. Когда аксакалы аула устраивали борьбу, он, бывало, любого соперника мгновенно клал на обе лопатки. «Палуан-бала» («мальчик-силач»),— говаривали о нем в родном его ауле Жар-канне. Но из молчаливого мальчика, хмуро глядевшего из-под насупленных бровей, как видно, знаменитого героя ринга не вышло, но зато он стал знатным комбайнером.

...Он шел по обыкновению неторопливо, вразвалку, уверенной, твердой походкой делового человека и вдруг круто остановился. Сдвинул старую кепку со сломанным козырьком к затылку. Хмуро смотрел на по-осеннему стылое, скучное небо. Уже несколько дней беспрерывно яростно дует с севера пронизывающий ветер. Всюду, куда ни посмотри, чернеют распаханные под зябь поля. Первый снег, выпавший еще в конце жатвы, давно уже сдут карадаулем. У обочины дороги зябко дрожит на ветру ковыль. В здешних местах обычно в это время снег лежит по пояс. А нынче и влаги маловато. Холода нагрянули слишком рано, выморозили до звонкости почву. Аутена охватила извечная тревога: каким будет урожай в следующем году?

Скрывать нечего: целина Казахстана еще во многом зависима от капризов природы. В иные годы из-за недостатка влаги вообще не всходят посевы. Распахав и засеяв миллионы гектаров земли, хлеборобы с тревогой в душе ждут урожая: они еще до обидного зависимы от погоды, от влаги, от коварных повадок природы. Хорошо, если такая зависимость — явление временное. Стали поговаривать о целесообразности и необходимости повернуть сибирские реки в степи Казахстана. Что ж, тогда хлебороб вздохнул бы облегченно. За свою двадцатилетнюю практику полевода он убедился, что постоянный высокий урожай на целине можно получать только в том случае, если почва будет обеспечена достаточной влагой и своевременной подкормкой, удобрением. Тогда хлебороб обретет полную независимость, и урожайность будет определяться лишь объемом вложенного труда и затраченных средств.

...Аутен сошел на обочину, уступая дорогу подъезжавшему грузовику. Молоковоз его фермы возвращался из райцентра. Шофер подъехал, притормозил:

— Садись.

— Ничего... Езжай...

Шофер недоуменно пожал плечами и поехал дальше. Аутен снова вернулся к своим думам о целине, о родном колхозе. Его колхоз стал миллионером, одним из самых передовых в Кокчетавской области. Из года в год он сдает теперь более миллиона пудов зерна. Мало того, по сдаче хлеба государству колхоз пятилетний план выполнил уже в этом году — за три года. В центре усадьбы выстроен Дворец культуры — такого во всем районе не увидишь. Поэтому все торжественные мероприятия Чкаловского района стали проводиться в их дворце-красавце. Старики самодовольно поглаживают бороды, благодарят всевышнего за все благодеяния. Аутен улыбается: кто-кто, а он-то знает, чьими усилиями создано все вокруг, сколько пота и труда стоило это труженикам полей.

Когда началось освоение целинных земель, ему было девятнадцать. Помнится, в тот год он пошел помощником комбайнера. Все вокруг изменилось, все было внове, непривычно, все, что произошло так неожиданно и быстро на его глазах, поражало юношеское воображение. Он был сыном потомственного скотовода. Зимой, бывало, их аул жил на стойбище, видел он с детства заснеженную, бесконечную даль степи, видел белую пургу, еще видел, как свирепый буран за одну ночь заваливал низенькие дома скотоводов по самые крыши. Для детей и стариков была настоящим праздником весна. С первых ее дней уезжали они на благодатную летовку. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась зеленая раздольная шир тучных пастбищ. А вдали, у горизонта, сказочно синели в голубоватой дымке причудливые горы милого, родного края.

Так было раньше. Так было всегда. Все это было обыденно, с молоком матери вошло, проникло в плоть и кровь каждого кочевника. Что и говорить, люди привыкли к своей щедрой степи, к раздольям лугов, тишине, покою. Привыкли еще и к несметным табунам, к кумысу, ржанию лошадей — ко всему тому, что входило в искони заведенный уклад жизни скотовода. И вдруг все сразу изменилось. Люди не успели опомниться, прийти в себя, как стальные лемехи разворотили веками нетронутую дедовскую землю, вспахали, вспороли всю степь до порога домов. Какой же острой болью отдалось кто тогда в душе степняка! Будто по самому сердцу прошла та первая целинная борозда. Странные ощущения испытывал и Аутен.

Извечно прекрасная степь теперь всюду чернела, грубо развороченная, в бороздах, мгновенно лишившись своей былой дивной красы. Так казалось ему. Так думал он тогда.

А потом на этом гигантском поле дружно взошли зеленые всходы. С какой бы стороны ни дул вольный ветер Золотой степи, он отовсюду приносил приятные степняку запахи свежего кобыльего молока, чуть отдающего кисловатым, терпким духом полыни. То был запах начинавшей колоситься первой целинной пшеницы. И вот тут-то начала рассеиваться тревога. Разгладилась хмурь меж бровей степняков. Не много прошло времени, и зеленое поле побурело, потом позолотилось. Острый дух свежего кобыльего молока сменился ароматом хлеба — самым прекрасным, чарующим запахом на белом свете. И теперь с этого момента в течение двадцати целинных лет тучная нива стала новой, неотъемлемой красой и гордостью края Синих гор. Воспетая своими прославленными акынами, композиторами и гордыми бардами, некогда вдохновенная Конче теперь вошла в историю прежде всего как край народного блага, как щедрая житница страны. Теперь, пожалуй, трудно найти на земле человека, который не отведал бы даров с огромного казахстанского дастархана, с этой поистине сказочной скатерти-самобранки, отлично видимой даже с космических высот.

Да, освоение целины несказанно изменило облик нашей степи, ощутимо пополнило закрома Родины, стало огромным социальным явлением, оставившим незабвенные следы в культурном и духовном обновлении, возрождении народа. Благодаря целине потомки вчерашних чабанов и табунщиков овладели сотней новых специальностей. Освоили сложную технику. И один из них — ныне прославленный комбайнер Еркен Батенов. Он лет на шесть старше Аутена Куандыкова. Оба они уроженцы Жар-канна. Многие признанные мастера жатвы — ученики и воспитанники Еркена Батенова. Знаменитый Гарри Ветхер тоже считает его своим наставником и всем благодарным сердцем привязан к нему. Что касается Аутена, то и он во многом обязан Еркену. Прямо со школьной скамьи Куандыков попал к нему на комбайн. И Батенов впервые показал ему, как держать штурвал, терпеливо обучал искусству жатвы. С тех пор прошло двадцать лет — немало скошенных гектаров... Нет, он нисколько не жалеет, что не стал борцом на ринге. Собственно, все его двадцать целинных лет прошли в сплошной борьбе. В этой борьбе не всегда ему доставалась честь победителя. Но что бы ни случалось, он даже в горестные дни поражений умел находить в себе силу и мужество. Самые тяжкие испытания не могли его согнуть. В засушливые лета, глядя на опаленные суховеем посевы, на выжженные поля, он внутренне содрогался от боли. Однако даже виду не подавал и в тяжкие минуты становился разве только еще более молчаливым. Помнится, знойный ветер иссушал последнюю влагу распаханных полей и поднимал черную пыльную бурю, заволакивал все небо. Сотни гектаров посева оставались засыпанными, замурованными песком, землей, легкой, словно порошок, неустойчивой, бесплодной. Из-под золистого мертвого слоя, точно рука утопающего ребенка, еле выглядывали чахлые стебельки. При виде этой неотвратимой беды, гибели труда он впервые в своей жизни завлекал...

Что и говорить, изначальный путь великих свершений всегда тернист, всегда многотруден. Освоение целинных земель тоже достигнуто ценой огромных усилий и напряжения. Слава и почет пришли потом. А тогда, вначале, до первых радостей, до трудовых побед было еще ой как далеко. Кто из целинников не испытал и всех горестей, и всех радостей? Летопись целины стала летописью личной жизни каждого...

Передовые земледельцы и ученые боролись за будущее целины. Достаточно вспомнить Всесоюзный шортандинский институт зернового хозяйства, руководимый академиком Бараевым. Именно его институт разработал и осуществил впервые на практике метод безотвальной вспашки земли, позволяющий сохранить влагу почвы от губительных знойных ветров. По существу, метод Бараева спас пахотные земли от разрушительной эрозии.

Знойное небо отныне стало чистым. В хозяйствах урожай в среднем по четырнадцать центнеров с гектара стал ныне твердым. Производственные показатели отдельных передовых хозяйств, конечно, значительно выше. Так, прославленный хлебороб Михаил Довжик уже сколько лет подряд собирает по двадцать центнеров с гектара.

Аутен с гордостью вспоминал последние два года, когда Казахстан особенно отличился, засыпав в закрома Родины по миллиарду пудов зерна. Широкое, добродушное его лицо вдруг осветилось улыбкой. Ему захотелось петь, как все предки, гордые бароды-рыцари степи. Но он не знал ни одной песни. И не умел петь. Даже когда женился на своей Мафрусе, на свадьбе, помнится, вначале принялись к нему, точно к ножом к горлу, упрашивали, умоляли спеть хоть раз по такому случаю, а он, закутав детина, мучился, сидел рядом с невестой, обливался потом, смущенно краснел. В такие минуты Аутен злился на себя.

А сейчас он улыбался, и лицо его делалось еще приветливее. Он только теперь заметил, как тучи на небе, особенно далеко на западе, мрачно сгущались, наливаясь свинцовой тяжестью. Аутен отметил перемену в погоде. Это обрадовало его. Обычно всегда спокойный, невозмутимый хлебороб, должно быть, после недавнего совещания все же был взволнован, что-то всколыхнулось в душе. А может, по-осеннему голое, пустынное поле располагает к раздумью, настраивает на беседу с самим собой, как это часто случается с людьми в пути. В самом деле, во всем, что попадалось ему сейчас на глаза и о чем бы сейчас он ни думал, ему, как никогда, отчетливо виделись следы великой, всенародной борьбы. Существуют приборы, точно, до единого зернышка определяющие урожай, снятый с этих земель. Но каким прибором измерить пролитый хлеборобом за эти двадцать нелегких целинных лет трудовой соленый пот?

Он постоял, подумал немного, уверенный в душе, что на этот вопрос не то что он — ни один ученый не ответит. Странно, однако, какие только мысли не приходят в пути человеку. Аутен покачал головой, чуть улыбнулся. Он шел не спеша по обочине широкой, засыпанной гравием дороги. По этой дороге еще недавно днем и ночью сплошным потоком шли машины с зерном. Трепыхавшиеся под ветром жухлые травы по обе ее стороны чернели теперь в копоти от дыма и гари. Сухие стебли потрескивали под ногами Аутена. Самая главная проблема, думал он, мешающая резко увеличить производство зерна,— конечно, неблагоприятная погода северных областей Казахстана. Уж больно здесь мало погожих летних дней. Весна приходит поздно, а осень, как назло, излишне спешит. Пшеница не успевает созревать. Дождливая осень из года в год доставляет непомерные трудности в уборке выращенного урожая. Правда, в последние годы хлеборобы республики приобрели богатый опыт. К началу страды спешно приводится в абсолютную готовность вся уборочная техника, а людские резервы и энтузиазм спрессовываются в единый согласованный организм.

Титаническое напряжение людских сил и энергии во всенародной битве за урожай не должны быть единственной гарантией в решении проблемы непредвиденных условий погоды. Проблемы эти могут быть рассмотрены и решены лишь в едином комплексе. Прежде всего надобно вывести такие морозостойкие сорта пшеницы, которые бы созрели за максимально короткое время, не боялись бы града и обвальных ливней, а колосья рано набирали бы силу. Тогда бы мы не столько говорили о количестве скошенных гектаров, сколько гордились бы высоким урожаем, снятым с каждого гектара.

Аутен еще знал, что матушка-земля, извечная наша кормилица, хотя вот уже в течение двадцати лет щедро дарует людям свои блага, но постоянно нуждается в поддержке своего плодородия. Были годы, когда не хватало удобрений. А ведь плодоносящая земля — тот же дойный скот. Она также нуждается в повседневном внимательном уходе, ее нужно подкармливать, подпаивать, иной раз ей необходима передышка, покой, в противном случае она, земля наша, зачахнет, ей неминуемо грозит истощение. Правда, нынче хлебороб не тот, что прежде. Нынче он не ждет милостей от природы. В нелегкой битве за урожай он научился многому. Казахстанская целина выпестовала новый тип хлебороба. За двадцать лет появилось и окрепло новое поколение земледельцев. Михаила Довжика и его сына нынче знает вся страна. Династия Довжика не единственная. Сколько молодых парней выросло на глазах Аутена Куандыкова — казахи, русские, украинцы, немцы, латыши.

Да, думал Аутен, душа человека не стареет. То, что годы бегут, осознаешь лишь тогда, когда видишь подрастающее поколение. Оно идет вслед за тобой, оно настигает, стоит тебе чуть замедлить темп, как тут же за спиной слышишь его быстрый, легкий топот. Последнее время на хлебном поле Аутену все чаще стали встречаться не по годам рослые, крепкие парни — как ни странно, вчерашние босоногие мальчишки. При виде их, конечно, ты невольно взгрустнешь, вспомнив неумолимый закон природы.

А бывает хуже. В горячую пору страды вдруг тебя с лихим озорством обгонит какой-нибудь шустрый юнец, которого, быть может, в первую целинную жатву ты видел в ползунках. Что ж... делать нечего. Приходится посторониться, уступить дорогу. Волну сменяет волна. Отныне, видимо, такие юнцы становятся законными хозяевами вот этих бесконечных полей, бездонного голубого неба — вообще всего дорогого и ценного на земле.

Вдруг затарахтел трактор. Аутен очнулся. Перед ним раскинулся родной аул. С детства, с малых лет знакомая, милая картина: беленькие дома, уютно расположившиеся на берегу речки, стаи уток и гусей, так важно расхаживающих по улицам. Где-то на той стороне речки мычала корова. Аутен еще не видел трактора. Видимо, он был далеко отсюда, за скотной базой. Мафруся, которая неизменно руководила фермой в отсутствие мужа, должна была в эти дни организовать людей вывозить с дальних участков сено заблаговременно, пока не повалил снег, не ударил холод. Хотя уже вечерело, но видно было, что жена не вернулась с работы, не топилась печь, дома, небось, холоднее, чем на улице.

Привычная, милая жизнь его аула. И Аутен успокоился. Ему хотелось быстрее дойти до дома, прижать детей к груди, приласкать, обрадовать всех подарками, к приходу жены истопить печь. Аутен ускорил шаг. И тут вдруг осенила его неожиданная мысль. Пораженный своим открытием, он стоял на окраине родного аула несколько в растерянности, улыбаясь во весь рот. «Вот-те раз! — едва не воскликнул Аутен, так живо вдруг представив свои долгие раздумья в пути о целине, о себе, о своих товарищах.— Ведь, наверное, обо всем этом и хотелось народу услышать от меня? Ведь... ведь именно об этом, должно быть, и обязан я был рассказать на собрании. Вот черт... До чего же, выходит, все просто, а...»

АЛМА-АТА

Перевел с казахского Герольд БЕЛЬГЕР

СТРОКА

В. КОКАШИНСКИЙ

Целине — двадцать лет.

Совершеннолетие.

Зрелость.

Взрослость.

Я помню ее детство. Первые шаги. Первые колышки. Не только будущих новых совхозов, зерновых гигантов. Первые колышки целинной нови, совершенно другого, необычного, непривычного уклада деревенской жизни.

Я помню рождение гордого понятия «целинник».

«Целинник» — понятие менее всего географическое, земляческое, как, скажем, туляк. Это понятие моральное. Это новый тип крестьянина. Не переселенец столыпинских времен, грезивший на новом месте отхватить себе ломоть побольше, заделаться кулаком. Нет, первопроходец, созидатель, коллективист!

Не помню, кто уж сказал мне тогда, в первые годы покорения новых земель:

— На целине нет «серых».

Это верно. Сюда приезжали люди беспокойные, жаждущие активного, деятельного самоутверждения. Целина открывала для этого неограниченный простор.

Вспоминаю Виктора Ладыгина. Мало кто, должно быть, знает, что казахстанская целина покорялась в несколько этапов. В 1954—1955 годах были заложены первые десятки новых совхозов. Потом еще десятки и десятки. Многие ветераны по нескольку раз перебирались из, казалось, уже обжитых мест снова в пустынную степь, в палатки — для нового созидания. Среди них и Виктор Ладыгин. У него было две любви — к земле и к машине. Нет, не к личному автомобилю. К государственной машине, на которой он работал. Комбайн Жатка. Сколько лет я его знаю, столько лет он непрерывно совершенствует уборочную технику. Одной только широкозахватной жатке, которая колесит сегодня по совхозным полям, он посвятил годы. Конструировал, изготовлял, снова садился за расчеты, переделывал.

Как-то ему понадобилась консультация опытных специалистов. В очередной отпуск он поехал в Ростов-на-Дону на «Ростсельмаш». Консультации затянулись. Отпускные деньги вышли. Он ночами разгружал вагоны на станции, а днем работал с консультантами на заводе. По этому поводу можно совершенно справедливо заметить, что отпуск дается человеку не для того, чтобы бочки грузить, а чтобы поправлять свое здоровье где-нибудь на Черном море. Иной, может быть, понимающе хихикнет: рационализаторство дает Виктору гораздо больше барыша, чем заядлому деревенщику клубни картошки с персонального огорода. Погодите завидовать. Ладыгину с этой точки зрения «не везло». Над широкозахватной жаткой параллельно с ним работали заводские конструкторы. Он знал это, но своей работы не бросал. Другие запустили широкозахватную в серийное производство. Ладыгин автором серийной машины не стал.

Был, помню, год, когда заводских жаток не хватало. В том году Виктор со своим другом Валиуллой Касимовым изготовил для совхоза несколько жаток своей конструкции. Началась жатва, и шесть ладыгинских агрегатов вышли в поле, укладывая валки на 70—80 гектарах в сутки: это значит, можно заработать 15—20 рублей в день. Но косили-то другие механизаторы. А Виктор с Валиуллой продолжали делать жатки, чтобы их было побольше в совхозе. За сто рублей в месяц.

Это типичный целинный парень, типичный целинный характер. Я знал таких ребят несчетное число. Кстати, в самые трудные годы освоения на целине было больше всего рационализаторов. Почти в каждом совхозе был чем-то

За эти годы неузнаваемо преобразились некогда пустынные степи: здесь вырос новый развитый экономический район

На центральной усадьбе совхоза «Каскеленский»

Калачи целинные!

1974-й | *Ровесники целины — комсомольцы совхоза «Самарский» с первым директором Н. Г. Лихобабой*

Фото ТАСС, Ю. КЕЛЬДИНА, А. ХРУПОВА

В конце прошлого года я прочел повесть Галины Черноголовиной «Июнь без дождей». В ней писательница рассказывает о первых днях покорения целины, о том, как росли вместе со степными хозяйствами люди, как складывались их жизни и судьбы. Интересно, продолжает ли работать над этой темой Г. Черноголовина? Если так, то не могла бы она выступить с материалом о людях нынешней целины?

А. НОЛЕГАНОВ, техник

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЯ

НИКОЛЕНКО-ОТЕЦ, НИКОЛЕНКО-СЫН

ДВАДЦАТЬ лет назад, хмурым февральским днем, в степи появился трактор с вагончиком. Он шел без дороги, пробиваясь в глубоком снегу. Куда он двигался? Впереди ни села, ни аула. Шел и остановился посреди степи, будто выдохся. Но люди, высыпавшие из вагончика, знали: они прибыли к месту назначения.

— Выдолбили хлопцы неглубокую яму, поставили шест и подняли красный флаг. Сняли шапки, постояли полминуты, а может, минуту: «Вот это наш флаг, это наш дом. Сюда нас послала партия». И взялись ставить палатки.

Мы беседовали с Марком Павловичем Николенко в директорском кабинете. Здесь много цветов, а в полстены — макет главной усадьбы совхоза «Ждановский», какой она должна быть по генеральному плану застройки. Вначале я думала, что это макет будущего села, но потом оказалось, что уже многое в настоящем: и Дом культуры, и прекрасная школа, и столовая...

Долгие годы Марк Павлович был директором совхоза, а когда его проводили на пенсию, хозяйство принял Владимир Маркович, его сын, работавший до этого в соседнем совхозе главным агрономом.

Приняв от отца бразды правления, Владимир Маркович менял все осторожно, с умом... Появились новые проблемы, открылись новые перспективы. Главная перемена заключалась в резком скачке урожайности. Но хозяева совхоза, бывший и настоящий, не делят славы. Отец и сын...

— Смотрю, как он дело ведет, как с людьми беседует, вопросы решает,— думаю, так бы и я поступил,— сказал Марк Павлович.— Никогда не забуду утро, когда провели мы на целине первую борозду. Вышел я спозаранку в степь и замер: колышется под восходящим солнцем ковыль, как волны серебристые бегут по степи,— красота...

Исполнилось Марку Павловичу в том году пятьдесят лет — за плечами полувековой жизненный опыт, богатые знания агронома. Он-то понимал, что так просто целина, вроде и плодородная в первые годы, человеку не покорится.

Покорилась! В совхозе есть и сад. В столовой меня угощали чаем с вареньем из целинной клубники. Круглый год сюда, а также в детские учреждения поступают из теплиц редиска, зеленый лук, укроп. Собираются эти теплицы расширить, тогда и огурцы, и помидоры можно будет иметь круглый год. У совхоза поливной огород — овощи возят продавать в соседние хозяйства. И малину, и смородину черную, и яблоки из совхозного сада продают, и мед с пасеки.

— Начало целинной эпопеи характеризовали не трудности, нет... настоящий героизм, иначе не назовешь,— говорит Марк Павлович.— И как ценишь людей, в то суровое время проявивших советский характер! На мой взгляд, народ наш на более высокую ступень поднялся с целиной... Конечно, вместе с трудностями и радости были. Приехала семья Тресневых — первая с ребятишками, да сразу с четверыми. Растащили детишек по палаткам. Радовались, когда школу первого сентября открыли в одноквартирном домике... Перерезали ленточку, и учительница Клава Головко вошла туда со своими шестью учениками. А ныне их у нас шестьсот!

...Расцвел целинный совхоз. Зерна собирает столько, что девятую пятилетку выполнил в три года. «Правильно Володя дело ведет»,— вспомнились слова отца...

Галина ЧЕРНОГОЛОВИНА

АЛМА-АТА

БИОГРАФИИ

ИЗ ЦЕЛИННОГО БЛОКНОТА

известный по всей округе рационализатор. Вернее даже сказать, изобретатель, ибо под рационализацией мы обычно понимаем какие-нибудь мелкие усовершенствования, а жатку Виктора Ладыгина или радиоуправляемый трактор Ивана Логинова никак к мелким усовершенствованиям не отнесешь. И что любопытнее, может быть, всего — это то, что многие из этих «целинных Кулибиных» прежде и представления не имели о деревенском труде, о современной сельскохозяйственной технике — они были городскими парнями.

...СОВХОЗ «Днепропетровский» называют глубинным: от Целинограда — больше двухсот, от Атбасара — больше ста километров. Само название совхоза, по целинной традиции, говорит о его основателях. Новые земли здесь покоряли парни и девчата из Днепропетровска. Годы сделали их мастерами земледелия — опытными механизаторами, животноводами, кукурузоводами. Но по укладу жизни это был и остался рабочий коллектив, в котором каждый понимает, что без заботы об общем не сделаешь и свою жизнь хорошей, привлекательной. Как здесь гордятся именно своими общественными учреждениями! Как лелеют и прихорашивают их! В центре поселка — детский сад и детские ясли. Самый светлый, самый нарядный дом. Во дворике сверкают свежей краской «грибки» и навесы, расставлены скамеечки, качели и другие забавные устройства для детворы. Может, это не такое уж достижение, но не вздумайте сказать, что вы видели где-то лучше.

— А теперь поедем посмотрим нашу баню,— неожиданно сказал мне директор.

Баня есть баня. Но ею, оказывается, тоже можно гордиться. Отделанная кафелем, с душевыми, с парной. Тут же прачечная. Пока мы ее осматривали, в помещение набилось человек тридцать. Ждут отзыва. Ведь ее строили сообща, в нерабочее время.

Все совхозное здесь свое, и притом самое дорогое. В ту пору в поселке был еще плохонький клуб — просто перестроенное общежитие. Кто-то из ребят сказал, что пора бы уже иметь клуб получше. Кукурузовод и клубный активист Ваня Соколов тут же «замял» разговор.

— У нас лучшая в районе художественная самодеятельность. Не в стенах дело,— сказал он.

В бригадной столовой я заметил, что хорошо бы кормить ребят разнообразнее. В столовой было много механизаторов. Мое замечание встретили неловким молчанием. Я понял: бестактность. Столовая — своя, повариха — своя дивчина, и председатель рабкоопа — тоже свой парень. Если что не так, сами разберемся. Мое же замечание равносильно тому, что прийти в гости и сказать, будто хозяйка плохо готовит.

А неподалеку — другой совхоз. В нем есть могила, всегда украшенная цветами. Здесь погребен первый директор Виктор Авдеевич Спиридонов. Он был тяжело болен, но приехал на целину с первым эшелоном. Работал, уезжал лечиться, снова возвращался в совхоз. И опять работал, пока болезнь не сделала свое дело. О нем рассказывают с восхищением. О нем вспоминают как о герое. И дивятся его скромности. Строились дома, а Виктор Авдеевич все жил в землянке как «менее нуждающийся». Тоже целинная традиция: все равны перед трудностями.

...ГОДУ на пятом или шестом на целине стал замечаться некоторый отток кадров. Это естественно: молодежь непоседлива, а первопроходческий период в общем-то завершился. Стали поговаривать, что надо обживаться на новом месте, покрепче врастать. Но обживаться можно по-разному. Можно так, как в «Днепропетровском». Без заборов и псов на железных цепях. Три-четыре двухквартирных дома с общим двором, обнесенным штакетником. Во дворе на песочке играют ребятишки. И здесь же хозяйки готовят обед. Из продуктов, купленных в магазине, в совхозе. Ребятишки (да и взрослые) жуют сочные яблоки, выращенные в совхозном саду.

Впрочем, тот, кому нравится, заводит и огород, и личный скот. Курица или поросенок не помешают сельскому жителю. Но в массе свой целинник иначе понимает слово «обживаться». Он любит широко жить. Любит, скажем, отправляться ежегодно в путешествие по стране в специальных туристских поездах. Очень многие побывали за границей, посмотрели разные страны. Сотни целинников уезжают зимой в отпуск в Москву, Ленинград, Киев, ходят в театры, музеи.

Скажут: какая же разница? Каждый тратит свои деньги на себя и так, как ему нравится. А никто и не призывает на личные сбережения чинить дороги и строить плотины. Но разница велика. Человек живет большими интересами, старается больше увидеть, больше узнать, большему научиться. Это одно. И совсем другое — окопаться в своей берлоге и видеть смысл жизни в том, чтобы набить ее полнее всяким барахлом. И не нужно тут читать мораль, что лучше. Целинник давно сделал выбор. Еще в 1954 году, когда приехал сюда строить действительно новую деревню. И ему не нравится, если сегодня созданный его руками поселок порой встречает человека не традиционным целинным «Добро пожаловать», а корявой надписью на заборе: «Осторожно, злая собака».

Постепенно складывался на целине свой стиль жизни, какого нигде нет, отличный от традиционно деревенского, — стиль молодой, общительный, задорный, немножко показушный, но гордый первопроходческим сознанием все-таки покоренной этой земли. Складывались свои, каких нигде нет, традиции. И формировались традиции пропаганды и передачи новых традиций новому поколению.

Я и сейчас помню их, эти первые уроки в совхозных школах на восьмом году целинной жизни. На восьмом, потому что именно в этом году впервые пошли в класс ровесники целины, девочки и мальчики, которых метрика уже не связывала с местом рождения их родителей, а связывала с совхозом имени Гагарина, или имени Гастелло, или имени Пушкина. Для этих детей поселки со звучными, героическими именами навсегда останутся их родиной, где бы они потом ни жили, кем бы, выучившись, ни стали. А что они знают, дети, о своей родине, которая сама не старше их, которой восемь лет «от роду» — от первой палатки и первого колышка? Что знают они, сидя в новой школе за новыми партами? — спрашивали себя и родители, и педагоги. И пошла по всей целине традиция такая, что первый урок в первом классе проводит не учитель, а ветеран-целинник. Один из их отцов. Тот, кто был здесь от начала. Заслуженный и уважаемый. Я помню, как проводили такой урок механизатор Герой Социалистического Труда Михаил Довжик или директор целинного совхоза Евдокия Зайчукова. В классе или в совхозном клубе, если класс оказывался маловат, на первом уроке сидели первоклашки вместе со своими родителями и слушали волнующий подробностями рассказ о том, как здесь все это было и стало. Дети слушали о подвиге своих отцов и матерей, сидевших рядом, гордились ими. То были уроки патриотического воспитания на всю жизнь.

Сегодня ровесникам целины уже двадцать. Сегодня они сами держат в своих руках штурвалы комбайнов... Дело отцов.

К НОВЫМ УСПЕХАМ В БРАТСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ!

ПРАГА: ЗАВЕРШИЛАСЬ XI ВСТРЕЧА РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОЮЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

КАК УЖЕ сообщала «Литературная газета», 5 марта в Праге открылась очередная XI встреча руководителей союзов писателей социалистических стран.

Вчера из столицы Чехословакии редакции «Литературной газеты» по телефону сообщили:

5—7 марта 1974 года в Праге проходила XI встреча руководителей союзов писателей социалистических стран. В ней приняли участие делегации

Союза болгарских писателей — председатель союза академик Пантелей Зарев (руководитель делегации), главный секретарь союза Слав Христо Караславов, секретарь союза Георгий Струмский;

Союза венгерских писателей — генеральный секретарь союза Имре Добози (руководитель делегации), его заместитель Габор Гараи, председатель Иностранной комиссии Иван Фельдеак;

Союза писателей ГДР — заместитель председателя союза Макс Вальтер Шульц (руководитель делегации), первый секретарь союза Герхард Хеннигер, член президиума союза Иоахим Новотный;

Союза писателей ДРВ — члены Постоянного комитета союза Нгуен Ван Бонг (руководитель делегации) и Нгуен Кхай;

Союза писателей и деятелей культуры Кубы — председатель литературной секции союза Анхел Аухьер (руководитель делегации), директор литературной секции национального Совета по культуре Адольфо Марти, член бюро секции союза Сигифредо Альварес Конеса;

Союза монгольских писателей — заместитель председателя союза Лодонгийн Тудэв (руководитель делегации), секретарь союза Гомбын Жамсранжав;

Союза польских писателей — заместитель председателя союза Ежи Путрамент (руководитель делегации), секретарь союза Ян Мария Гисгес, член Главного правления и председатель Иностранной комиссии союза Ян Копровски;

Союза писателей СРР — первый заместитель председателя союза Лауренциу Фулга (руководитель делегации), генеральный секретарь союза Константин Кирицэ, секретарь союза Ион Хобана;

Союза писателей СССР — первый секретарь правления СП СССР Г. Марков (руководитель делегации), секретарь правления СП СССР Ю. Верченко, председатель Иностранной комиссии СП СССР А. Косоруков;

Чехословацкого комитета союзов писателей — председатель комитета, председатель Союза чешских писателей Ян Козак, первый секретарь Союза словацких писателей Ян Солович, заместитель председателя Союза чешских писателей Йозеф Рыбак, член президиума Союза словацких писателей Владимир Минач, главный секретарь Союза чешских писателей Донат Шайнер, член президиума Союза словацких писателей Павол Койш, член президиума Союза чешских писателей Олдржих Рафай, член президиума Союза словацких писателей Владимир Рейсел.

В течение трех дней участники встречи делились опытом творческой и организационной работы союзов писателей социалистических стран в 1973 году, рассматривали вопросы дальнейшего развития сотрудничества социалистических литератур в свете решений Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве, обсуждали формы помощи писателям Вьетнама и Чили.

XI встреча руководителей союзов писателей социалистических стран открылась вступительным словом Яна Соловича. Затем с сообщением о деятельности в истекшем году Союза чешских и Союза словацких писателей выступил Ян Козак. Выступившие потом Пантелей Зарев, Анхел Аухьер, Имре Добози, Лодонгийн Тудэв, Герхард Хеннигер, Ян Мария Гисгес, Константин Кирицэ, Георгий Марков, Нгуен Ван Бонг нарисовали широкую панораму развития своих литератур, содержание и пафос которых отражают достижения и проблемы социалистического строительства в братских странах, его огромный размах — от восстановления хозяйства и залечивания глубоких ран, причиненных вьетнамскому народу агрессорами США, до построения коммунистического общества в СССР. Все братские союзы писателей придают первостепенное значение укреплению связей литераторов с жизнью своих народов, более глубокому и широкому освоению ими современной проблематики.

Участники встречи с большим вниманием выслушали выступление Г. Маркова, который рассказал о развитии современной темы, особенно темы рабочего класса, в советской литературе, о формах связи и сотрудничества советских писателей с трудовыми коллективами страны, о помощи, которую советским писателям в этом оказывают партийные, профсоюзные, комсомольские и другие организации. Г. Марков особо остановился на проблеме повышения профессионального мастерства писателей и познакомил участников встречи с характером и содержанием литературных дискуссий, творческого обсуждения важнейших вопросов литературного процесса в Советском Союзе.

В своих выступлениях участники встречи делились опытом работы своих союзов писателей по подготовке и социалистическому воспитанию литературной смены, отмечая необходимость углубления знания жизни молодыми литераторами, укрепления их связи с народом.

В обсуждении вопросов дальнейшего совершенствования сотрудничества писателей социалистических стран приняли участие Д. Шайнер, Г. Струмский, А. Аухьер, С. Конеса, Г. Гараи, Л. Тудэв, М. Шульц, Я. Копровски, И. Хобана, Л. Фулга, А. Косоруков, Нгуен Кхай. В выступлениях делегатов были выражены полная поддержка итогов Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве, стремление братских писательских союзов разрабатывать и осуществлять конкретные предложения по борьбе за мир и сотрудничество с литературами других стран. Участники встречи неоднократно подчеркивали мысль о необходимости единства социалистических литератур в борьбе за создание на планете климата доверия и дружбы между народами, в борьбе против антидемократических, агрессивных сил империализма, за социальную свободу и национальную независимость народов.

Заместитель председателя Союза монгольских писателей Лодонгийн Тудэв сообщил участникам встречи о фактах непрекращающихся провокационных действий маоистов по отношению к Монгольской Народной Республике.

На встрече было высказано немало ценных конкретных предложений, направленных на дальнейшее совершенствование сотрудничества между союзами писателей социалистических стран, на более полное использование новых возможностей глубокого познания современных братских литератур, более оперативного взаимного перевода лучших произведений литературы. Выступавшие подробно рассказывали о планах писательских организаций в связи с предстоящим празднованием освобождения от фашизма европейских социалистических стран и 50-летия образования МНР.

Рассмотрение третьего вопроса, в сущности, было продолжением разговора о борьбе писателей за мир на примере солидарности прогрессивных литераторов планеты с борьбой вьетнамского народа против империалистической агрессии, с борьбой народа Чили против фашистской хунты. В обсуждении этого вопроса приняли участие А. Аухьер, А. Марти, Г. Жамсранжав, И. Новотный, Е. Путрамент, Г. Гараи, И. Хобана, Ю. Верченко, Нгуен Кхай, П. Койш. Все ораторы решительно высказались за активную помощь народу и литераторам Вьетнама на новом, послевоенном этапе его истории, за разоблачение провокационной политики сайгонского режима, стремящегося при поддержке агрессивных кругов США сорвать Парижские соглашения.

Делегация писателей Кубы внесла на обсуждение участников встречи проект Декларации в поддержку чилийских демократов, борьбы народа Чили против фашистской хунты, преступно узурпировавшей власть в стране. Текст Декларации, в которой с гневом и возмущением осуждается фашистская, антинародная политика хунты по отношению к демократическим силам страны, к лучшим представителям культуры, литературы Чили, был единодушно принят участниками встречи.

Дружными аплодисментами делегаты приветствовали предложение кубинских писателей о проведении очередной, XII встречи руководителей союзов писателей социалистических стран в 1975 году на Кубе.

С заключительным словом выступил Ян Козак, который кратко подытожил трехдневную дискуссию и пригласил участников встречи совершить поездку по Южной Чехии.

После закрытия встречи состоялась пресс-конференция для чехословацких журналистов, а также для представителей печати других социалистических стран, аккредитованных в Праге. Перед корреспондентами выступили руководители всех делегаций, участвовавших в XI встрече, и члены чехословацкой делегации Йозеф Рыбак и Донат Шайнер. Выступавшие на пресс-конференции дали единодушную оценку хода и итогов встречи. Они подчеркнули, что работа ее участников проходила в весьма благоприятных, созданных хозяевами встречи условиях, в сердечной, дружеской атмосфере; обмен опытом развития братских литератур и литературной жизни в 1973 году носил плодотворный, конструктивный характер; были внесены новые предложения для дальнейшего совершенствования сотрудничества союзов писателей. Все выступления участников встречи характеризовались единством в подходе к основным вопросам развития литератур при социализме и интернационального сотрудничества прогрессивных литераторов всех стран.

8 марта руководителей писательских делегаций, участвовавших во встрече, приняли член Президиума, секретарь ЦК КПЧ Васил Биляк и секретарь ЦК КПЧ Ян Фойтик. Сердечная, дружеская беседа была посвящена сотрудничеству писателей социалистических стран и развитию современного литературного творчества. От имени делегатов на этой встрече выступили Ян Козак и Георгий Марков. На приеме присутствовал зав. отделом культуры ЦК КПЧ Мирослав Миллер.

В тот же день заместитель председателя правительства ЧССР Матей Лучан устроил товарищеский ужин в честь участников XI встречи руководителей союзов писателей социалистических стран.

* *

8—10 марта участники встречи посетили города Ческе-Будейовице, Табор, Индржихув Градец, Тршебонь. Здесь они встретились с рабочими заводов, рыбаками государственного хозяйства, а также с членами сельскохозяйственного кооператива «Верхний Радоунь».

* *

11 марта Чехословацкий комитет союзов писателей дал обед в честь участников XI встречи руководителей союзов писателей социалистических стран.

СТЕНОГРАММА «ЛГ»

...СРОДНИТЬСЯ С ЗАВОДОМ

На недавно прошедшем пленуме правления Союза писателей Грузии с докладом «Рабочий класс в грузинской советской литературе» выступил главный редактор журнала «Мнатоби» Г. НАТРОШВИЛИ. Вместе с писателями в обсуждении этой важной темы приняли участие секретарь Руставского горкома партии В. ЖГЕНТИ, директор Тбилисского электровагоноремонтного завода А. МАСХАРАШВИЛИ, руководитель комсомольско-молодежной бригады фабрики «Крцаниси» М. АБУЛАДЗЕ, Герой Социалистического Труда, доменщик А. ДЗАМАШВИЛИ и другие.

Предлагаем читателям отрывок из стенограммы выступления на пленуме знатного токаря, депутата Верховного Совета Грузинской ССР Г. ГАЧЕЧИЛАДЗЕ:

— Вопрос, рассматриваемый пленумом, кровно затрагивает каждого из нас. Его обсуждение продиктовано самой жизнью. Все мы знаем, что великие задачи девятой пятилетки, выполнение которых приведет к новому подъему благосостояния советского народа, решаются совместным трудом рабочих, крестьян, представителей интеллигенции. Потому, на мой взгляд, так своевременны и насущно необходимы меры, направленные на более тесное сближение советских писателей с жизнью народа.

Я не принадлежу к числу тех, кто считает, что писатели нашей страны, в том числе грузинские, посвятили рабочему классу мало произведений. Такие произведения всем известны, они пользуются популярностью. Но это не значит, что с рабочей темой сегодня все в порядке. Время выдвинуло новые вопросы, новые требования. Рабочий класс даже за последние десять—пятнадцать лет сильно изменился. У сегодняшнего рабочего вырос кругозор, объем знаний, интеллект, выросло социальное самосознание. Именно это рождает наши постоянные требования — создавать произведения о сегодняшнем рабочем.

Овладеть рабочей профессией, любой рабочей специальностью может каждый. Но советским рабочим в наше время может называться лишь тот, кто честен, кто любит свой труд, свой народ.

Журналисты нередко мучают нас расспросами, им хочется чего-то особого, необыкновенного. А необыкновенного в нас ничего нет. В нашей жизни есть радости, есть заботы и волнения, как у всех. Потому и хотим мы, чтобы писатели были ближе к нам, чтоб они приходили на завод не на экскурсию и приезжали не в краткосрочную командировку, а сроднились с заводом... Мы вправе ждать от ваших романов или поэм ответа на главные вопросы, которые волнуют рабочий класс сегодня.

СЕМИНАРЫ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ГАЗЕТА

В Ереване состоялся семинар литературных рецензентов республиканских и областных газет Закавказья и Северного Кавказа, организованный Союзом журналистов СССР. Вступительным словом семинар открыл заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Армении К. Даллакян.

Доклад о литературной критике на современном этапе сделал первый заместитель главного редактора журнала «Вопросы литературы», председатель секции литературных критиков и рецензентов Союза журналистов СССР Е. Осетров. Он подчеркнул, что постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» — документ, имеющий огромное значение для развития нашей литературы.

С докладами — о литературно-художественной критике в газете, о типе рецензий, о стиле газетной рецензии — выступили обозреватель «Литературной газеты» К. Серебряков, заведующий отделом теории литературы журнала «Вопросы литературы» С. Ломинадзе и заместитель главного редактора журнала «Литературное обозрение» В. Хмара.

Состоялся широкий обмен мнениями по докладам, в котором приняли участие работники республиканских и областных газет Закавказья и Северного Кавказа, а также армянские критики.

Итоги семинара подвел председатель правления Союза журналистов Армении А. Хачинян.

(Наш корр.)

— ЕРЕВАН —

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

Прошло...

...юбилейное занятие литературно-творческого коллектива «Голос юности». Объединение было создано двадцать пять лет назад при ленинградском Доме культуры профтехобразования. За время существования «Голоса юности» его воспитанники опубликовали свои произведения в различных изданиях общим тиражом два миллиона экземпляров.

Удостоен...

...премии Ленинского комсомола Грузии поэт Мирза Геловани (посмертно), героически погибший в годы Великой Отечественной войны, за стихи, посвященные комсомолу и воспитывающие у молодежи верность коммунистическим идеалам, любовь к Советской Родине.

Состоялся...

...вечер К. Симонова в Политехническом музее. Сбор от продажи билетов передан по просьбе писателя в Фонд мира.

Присвоено...

...звание лауреата республиканской литературной премии имени Леси Украинки 1974 года за лучшие произведения для детей известной украинской писательнице Оксане Дмитриевне Иваненко за повесть «Родные дети», роман «Пути Тараса», «Лесные сказки», собранные в пятитомнике, вышедшем в издательстве «Веселка».

Юрий Казаков. «Северный дневник». Издательство «Советская Россия». М. 1973.

«Товарищ Москва». Литературные портреты современников. Издательство «Советская Россия». М. 1973.

Борис Панкин. «Время и слово». Издательство «Детская литература». М. 1973.

Матс Траат. «Ориент и р ы». Стихи. Издательство «Ээсти раамат». Таллин. 1972.

Пауль - Эрик Руммо. «Стихи». Издательство «Ээсти раамат». Таллин. 1973.

Арви Сийг. «Си р е н е в ы е сигналы». Издательство «Молодая гвардия». М. 1973.

П. Мовчан. «Летящее дерево». Издательство «Советский писатель». М. 1972.
П. Мовчан «Зело». Издательство «Молодь». Киев. 1973.

СРЕДИ КНИГ

А. НИНОВ

ЛЮДИ СЕВЕРНОГО КРАЯ

ПЕРЕД НАМИ — последняя книга Юрия Казакова «Северный дневник». Появилась она после продолжительной паузы в публикациях писателя, лет десять назад утвердившегося в читательском мнении, получившего признание по сборникам рассказов «На полустанке» (1959), «По дороге» (1961), «Голубое и зеленое» (1963), «Запах хлеба» (1965), «Двое в декабре» (1966).

Новая книга Ю. Казакова венчает давнюю его работу. Начат был «Северный дневник» еще в конце пятидесятых годов, первая часть его вскоре же была опубликована, а вот последние очерки, замыкающие книгу, — «Белуха», «Долгие крики», «И родился я на Новой Земле (Тыко Вылка)», — написаны совсем недавно и помечены 1972 годом.

Почти полтора десятилетия не расставался Ю. Казаков со своим дневником, почти вся его литературная биография до сих пор так или иначе была связана с этой книгой. Теперь многолетняя работа закончена и существует как целое. И хотя в книге отстоялись впечатления разных лет, разных маршрутов и разных встреч, она воспринимается как единый очерковый цикл, связанный внутренне и местом действия, и ощущением времени, и устойчивостью авторского внимания к облюбованному северному материалу.

Нужен достаточно пристальный взгляд, чтобы внутри «Северного дневника» по отдельным очеркам и мотивам распознать Ю. Казакова прежнего и нового, чтобы определить логику его творческого движения и развития. Движение это не слишком отчетливо во времени и по стилю, но оно, несомненно, есть, и чтобы понять его направление, стоит вспомнить о первых шагах Ю. Казакова как рассказчика.

Молодого писателя интересовала не столько социально - производственная сфера человеческих отношений, сколько область эмоциональная, психологическая; в том числе и психология возраста, и стремление к счастью — как черты вполне естественные и реальные для человека.

В этой направленности интересов, даже при некоторой односторонности, было нечто существенное, необходимое, без чего Ю. Казаков не определился бы и не встал на ноги как писатель. Иные из его ранних рассказов («Манька», «Запах хлеба», «Арктур — гончий пес») до сих пор остаются лучшими из всего написанного автором и надолго сохранят свое литературное значение.

И все же Ю. Казакову грозила опасность лирического эгоцентризма, повторов из литературы и из самого себя. Нужен был очень решительный шаг, чтобы предотвратить эту опасность и обрести содержание, достойное более зрелой писательской поры. Ю. Казаков понял это вовремя, понял сам, без подсказок со стороны. Путь к самому себе прошел для него через русский Север. Тут он открыл заветную область, на освоение которой потратил многие годы. Не экзотика, а устойчивые основы национальной жизни больше всего увлекли его на пространствах между Архангельском, Мурманском и Новой Землей.

«...Мне почему-то всегда хотелось, — признается Ю. Казаков, — пожить не на временных становищах, не на полярных зимовках и радиостанциях, а в деревнях — в местах исконных русских поселений, в местах, где жизнь идет не на скорую руку, а постоянная, столетняя, где людей привязывает к дому семья, дети, хозяйство, рождение, привычный наследственный труд и кресты на могилах отцов и дедов».

Чтобы написать «Северный дневник», Ю. Казакову понадобилось не экскурсии совершить к Полярному кругу, а прожить часть жизни рядом со своими героями — моряками современных сейнеров, охотниками, рыбаками, оленеводами, жителями старинных поморских деревень и ненецких чумов. Вот где пригодился писателю совет А. Твардовского о необходимости поворота к живой «прозаичности», к реальным подробностям жизненной деятельности героев, высказанный им в редакционном отзыве на первые рассказы Ю. Казакова (А. Твардовский. «О литературе». Издательство «Современник», М., 1973). В «Северном дневнике» это стало непременным требованием жанра. Смысл очерка в том и состоит, что внимание автора перемещается к реальным особенностям быта, к повседневным обстоятельствам борьбы со стихией, к производственным, материальным и нравственным основам трудовой человеческой жизни.

Жизнь на Севере требует постоянного, каждодневного вли, как пишет Ю. Казаков, «тихого» мужества; этим качеством писатель особенно дорожит и особенно ценит его в своих героях.

Поворот к деловой и предметной очерковой прозе, обращенной прежде всего к «тихим» героям северного края, оказался вполне естественным для Ю. Казакова, нисколько не противопоказанным направлению его таланта. Напротив, сам талант открылся в движении новыми сторонами — обострением наблюдательности, усилением аналитической мысли, большей внутренней свободой публицистического комментария.

В «Северном дневнике» не осталось места и повода для заемных литературных мотивов и интонаций. Если Ю. Казаков на кого-нибудь и похож в этой книге, то только на самого себя из своих лучших прежних рассказов. В своей очерковой прозе он сохранил и пластичность изображения людей, и красочность описания северной природы, казалось бы, столь однообразной по колориту, и умение мастерски передать живую человеческую речь со всеми ее местными, профессиональными и индивидуальными оттенками.

На самом месте в книге стал очерк «Нестор и Кир», опубликованный когда-то в журнале и вызвавший, помнится, споры в критике. По лепке характеров это одно из лучших созданий Ю. Казакова. Нестор — мужик хозяйственный, умный и сильный, и в то же время собственник до мозга костей, злой и своекорыстный. Автор ни в чем не идеализирует своего героя; темные краски его натуры выявлены определенно и резко. Сын Нестора Кир — красавец, силач и, так уж вышло, слабоумный дурачок по рождению — еще больше усиливает смысл художественного контраста, последовательно и тонко проведенного в повествовании. Всей системой образных соотношений Ю. Казаков раскрывает неполноценность, ущербность жизни, потраченной на стяжательство. И вместе с тем он отдает должное Нестору, когда его устами говорит одаренный работник, трезво мыслящий и сметливый в хозяйстве человек, негодующий против расточительства, безрукости и всяческой лени.

Правда — даже в чужих и неприятных устах — сохраняет свой смысл и силу. И надо иметь мужество ее выслушать. Автор поэтому и не спешит ослабить двойственность впечатления, вынесенного им из встречи с Нестором. В этой двойственности нужно еще разобраться, нужно еще понять, что ценное и что дурное заложено в человеке. Вот с таким неоднозначным итогом покидает Ю. Казаков своего героя.

На равных правах с изображениями людей, рассказами об охоте и рыбной ловле, подробными описаниями переходов по северным морям и рекам вошли в книгу Ю. Казакова размышления об искусстве, о карело-финском народном эпосе «Калевала», о рисунках художника-ненца Тыко Вылки.

В последних очерках Ю. Казакова, завершающих «Северный дневник», особенно таких, как «Белуха», «Долгие крики», «Ночь на «Веге», ощущается стремление сказать заново, лучше о том, что когда-то уже промелькнуло через его рассказы. Ю. Казаков стремится свободнее соединять элементы автобиографии и путевого очерка, точнее фиксировать свое внутреннее состояние, не упуская многообразных подробностей окружающей жизни. Здесь ощущаются подходы к новым, более сложным замыслам и задачам.

Работа писателя никогда не идет по прямой восходящей линии. В работе писателя бывают подъемы и бывают спады, и только он сам может определить истинные причины наступающих затруднений. Только он сам и может справиться с ними, если сохранит работоспособность и мужество. Об этом с большой силой сказано в «Северном дневнике»: «Нужно держаться, нужно быть мужественным, чтобы начать все сначала. Нужно быть мужественным, чтобы терпеть и ждать, если талант твой вдруг уйдет от тебя и ты почувствуешь отвращение при одной мысли сесть за стол. Талант иногда уходит надолго, но он всегда возвращается, если ты мужествен».

Т. ДУБИНСКАЯ

ТОВАРИЩ МОСКВА

«ЛЮДИ разных возрастов, литераторы разных жанров, они собрались здесь «под одной природой» — обложкой, для того чтобы рассказать о своем современнике — друге, товарище, соседе — о своем земляке!» — представляет книгу двадцати трех московских писателей Сергей Наровчатов.

Предисловие поэта к сборнику очерков более чем оправданно. Весь сборник — вдохновенный, поэтичный. «Я знаю, что такое труд: это источник всех радостей, всего лучшего в мире», — говорил М. Горький рабочим Балахны в 1928 году. Отсюда и постоянная забота Алексея Максимовича о том, чтобы героями литературных произведений были люди труда. Он считал, что этому хорошо послужит жанр очерка, коллективный труд писателей над сборниками очерков. «Вот и этот сборник наш — «Товарищ Москва» — представляется нам, — пишет С. Наровчатов, — продолжением горьковской традиции».

В сборнике — художественные очерки о строителе Владимире Затворницком и академике Иване Петровском, ткачихе Марии Иванниковой и народном артисте СССР Сергее Образцове, мастере производственного обучения Владимире Филиппове и архитекторе Игоре Покровском, вальцовщике завода «Серп и молот» Викторе Джеве и директоре зоопарка Игоре Сосновском, слесаре ЖЭКа Василии Крылове и учительнице Лидии Филипповой, официанте Якове Ускове и участковом враче Галине Квашниной, летчике Николае Шапкине и хлебопеке Геннадии Страмнове. Всего их, как и авторов, двадцать три.

При всей разности профессий и жизненных интересов есть общее, что объединяет всех героев: неослабевающая любовь к своему делу, радость бытия. Радость, которую действительно может дать только вдохновенный труд. Пользуясь словами Ю. Нагибина (очерк «Человек из ресторана»), это люди состоявшейся жизни.

«— Трудно сказать, где сейчас Крылов...» — говорит председатель местпома ЖЭКа Шустрова писателю Н. Вирлинскому (очерк «Именинник ко дню рождения»). Он обслуживает участок, где по штату положено двое слесарей. Больше шестидесяти квартир. И Комитет по кинематографии. Правда, он еще вчера, в воскресенье, кое-где побывал и сегодня заявился спозаранку. Это его привычка — приходить на работу раньше всех, часов в семь утра. И в двенадцать ночи его здесь можно встретить. По правде говоря, начав работать в ЖЭКе, я удивлялась, как жена терпит, что мужа ни днем, ни вечером нет дома. Однажды прямо спросила ее, она ответила: «Я привыкла». Иногда и ее можно здесь увидеть: ждет-ждет мужа и приносит под вечер обед в узелке, как раньше, в страду, бывало, приносили на покос...

Знаете, что она мне рассказала, когда он лежал со сломанной ногой? Это было большое несчастье для всех нас и для жильцов, когда Крылов сломал ногу. Двойной перелом. Жена спрашивает его: «Сильно болит?» — «Болит, терпеть можно — лежать невтерпеж. Я не могу без людей. Я должен быть с людьми». Немного поправился, на костылях стал приходить на работу... Иные нелаленые люди удивлялись: «Зачем ему надрываться? Звание Героя получил давно». Не понимали, что у таких людей дело не в звании, а в характере. Сейчас декабрь, а посмотрите, как Крылов ходит на работу: без пальто, даже без пиджака. Занят так, что и мерзнуть некогда. Удивительный человек».

По-своему счастлива и медицинская сестра Людмила Васильевна Загорайчук (очерк Матильды Юфит «Счастье, что вы пришли...»). Людмиле [illegible] уже трудно работать операционной сестрой и надо уходить. Пока еще не на пенсию, всего лишь в «приемный покой». Деликатно, с большим тактом писательница рассказывает о переживаниях Загорайчук. Ей кажется, что все уже в прошлом, она перебирает свой ар- [illegible] хирург, служа- [illegible] со вни- [illegible] А что [illegible] захо- [illegible] среди людей. [illegible] на кото- [illegible] человек, она переступает порог. Никто из медицинского персонала не удивляется ее приходу: все в [illegible] И она вся [illegible] сигналил автомобиль «скорой помощи», санитары вносили или вводили [illegible] Обычная ночь в [illegible] большого города. Работы хватало всей ночной бригаде — и хирургам, и сестрам, и санитаркам...

...И только когда наступило небольшое затишье, ближе к рассвету, хирург заметил Людмилу Васильевну.

— У нас не заскучаешь, — сказал он. — Работы хватает... — И спросил: — Вы теперь наша, говорят?

Людмила Васильевна ответила:

— Ваша.

— Это очень хорошо, — продолжал хирург, — случаи у нас разнообразные, от простого до сложнейшего, нужна самостоятельность, опыт, сметливость, все то, что у вас есть... Это просто счастье, что вы пришли к нам...»

Почти все авторы сборника встречаются с одной и той же трудностью: герои не хотят рассказывать о себе. [illegible] выполняют разумную и честную работу — что же в этом особенного?

Для того чтобы «разговорить» ткачиху текстильной фабрики имени Фрунзе, депутата Верховного Совета СССР, члена Центрального Комитета партии Марию Николаеву, писателю Сергею [illegible] (одноименный очерк). Так постепенно выясняется, как она живет изо дня в день, откуда черпает силы и в цехе работать, и план выполнять, и нести нелегкие партийные, государственные обязанности. Атмосфера, в которой она живет, [illegible] — вот в чем дело.

В ином [redacted] Дмитрия [redacted] [illegible] которому не чужды ни театральная жизнь, ни кино, ни литература, ни спорт.

Не все в сборнике одинаково равноценно в смысле художественного . [illegible] столь [illegible] в яркого жизненного материала. Некоторые встречи с героями труда могли быть полнее, интереснее, но они всегда радостны. Они дают наглядное, убедительное представление о Москве и москвичах. Подсказывают, с кого «делать жизнь», каким примерам следовать.

Надо надеяться, что добрая инициатива московских писателей получит достойное продолжение. И не только в Москве.

Георгий РАДОВ

С ТОЧНЫМ АДРЕСОМ...

ЭТА КНИГА хорошо написана, лишена суесловия и той подчас наукообразной казенщины, которой, увы, грешат иные литературоведческие работы. «Семь публицистических очерков из жизни и литературы» — так обозначил жанр своей книги Борис Панкин — и содержательны, и занимательны.

И соль тут, полагаю, не только в профессиональном умельстве автора. Очевидно, сыграла роль и направленность книги. Она адресована молодому читателю, а автор — «молодежный», как он говорит о себе, журналист... Доверие к читателю определило и стиль книги, и ее интонацию: дружескую, откровенную. Написано, что называется, всерьез, без недомолвок и упрощений...

А речь в книге — на примерах из жизни и литературы — идет как раз о нем самом, молодом читателе, вернее — вообще о молодом человеке, о его идеалах, о формировании характера. И еще о тех нравственных обязанностях, которые выполняет по отношению к молодежи старшее поколение. Каждое старшее!

Об атом, впрочем, то есть о воспитании молодежи и той идеологической борьбе, которая на сей счет идет в мире, автор толкует и расширительно, так сказать, глобально, и конкретно, на «личном» плацдарме нескольких биографий. Образцы избираются намеренно исключительные, не рядовые. Раскрываются судьбы людей, проверенных огнем испытаний серьезнейших Николай Островский, ставший легендой еще при жизни, и Сергей Чекмарев, чьи стихи и богатство личности мы оценили двадцать лет спустя после его гибели. И — Марк Щеглов, талантливый критик, которому болезнь отпустила всего три года, и он использовал их до минуты. И еще алтайский журналист-целинник Виктор Головинский, который так и не проявил свой талант, но «как много им было уже накоплено, какой запас энергии, которого надолго хватило бы людям!» И, наконец, еще один герой — уже буквально из сегодняшнего дня — тракторист Анатолий Мерзлов, о чьем подвиге так хорошо было сказано в очерке К. Симонова...

И вот в жизни этих людей, каждого из них, «наступал самый момент, когда он оказывался перед необходимостью выбора... Между смирением и бунтом, между благополучием и неустройством, между уготованным и рывком в неожиданность, между жизнью и смертью, наконец... Конечно, значимость решений, их нес были как будто и несравнимыми. Но каждый в своем случае выбрал шаг вперед...»

Однако публициста интересует не одно лишь поведение людей в часы беды, опасности. Подчеркивается богатство натур, цельность личностей, целеустремленность всей жизни героев. Мир, в котором, допустим, жил Чекмарев, «не назовешь одномерным, и он отнюдь не розов. Но ни одна из темных красок, как бы ни была она крупно и резко положена, не способна исказить общий колорит. Социальный оптимизм, сливаясь... с поэтической одушевленностью, и дает Чекмареву те крылья, которые... вздымают его над тем, что «заедает» жизнь «обыкновенного человека», всё обыкновенность которого прежде всего и состоит в [illegible] новой [illegible]

Да, эта книга — [illegible] с открытым забралом выступает против обывательщины, бездуховности и ханжества, социальной инфантильности. Все очерки пронизаны заботой о завтрашнем дне, и не случайно в поле зрения автора оказывается фигура народного Учителя (именно так, с большой буквы он и обозначен).

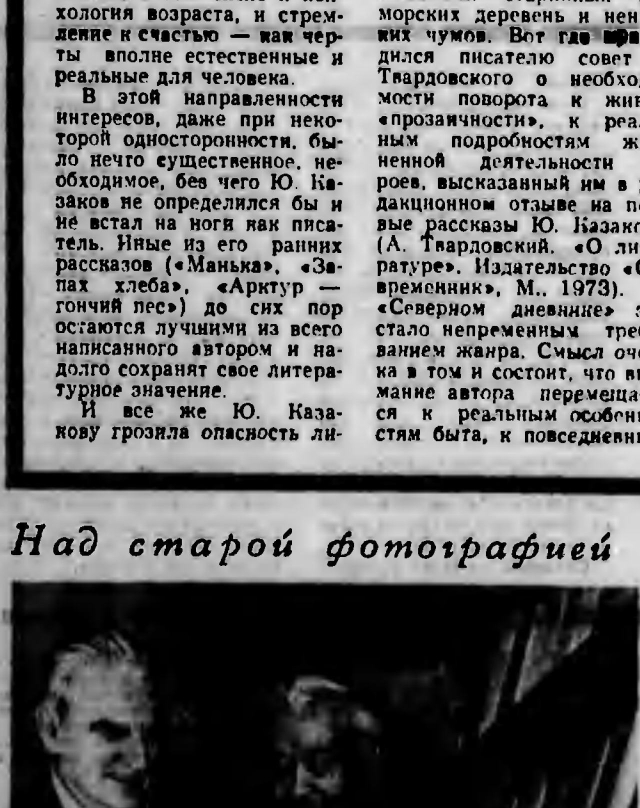
Поначалу, правда, кажется, что автор просто-напросто анализирует повести и фильмы, посвященные учителям, делает, так сказать, тематический их обзор. Впрочем, так оно отчасти и есть: повесть Ч. Айтматова «Первый учитель» и одноименный фильм, картина «Доживем до понедельника», повесть В. Голунчикова «Тихая заводь» разбираются убедительно, автору нельзя отказать в мастерстве эстетического анализа. Но не в эстетическом анализе тут все дело...

В последнее время у нас немало пишут о недостаточной публицистичности критики — и, как бы желая заполнить этот пробел, иные авторы начиняют свои статьи «примерами из жизни», то есть случайными фактами, которые будто бы должны подтвердить, что «так бывает в жизни» или, напротив, «так в жизни не бывает». Не трудно догадаться, что эти «довески из жизни» не могут прикрыть ни бедности авторской мысли, ни отсутствия в статьях общественного темперамента. Очерк «Жизнь Учителя» — дополнительно публицистика, хотя и строится только на материале прозы и кинематографа. Автору нет нужды фабриковать свои «примеры» [illegible] и «примерами из жизни», так как именно она, сама — жизнь! — и является предметом исследования. Именно в жизни идут споры о месте и роли учителя в век научно-технической революции, и Б. Панкин самим очерком вторгается в этот спор, занимает в нем определенную общественную позицию. Предметное знание жизни учительства позволяет критику выдвинуть перед читателем не только те проблемы, которых уже коснулась литература, но и те нерешенные еще вопросы, которые буквально стучатся в дверь нашего общества.

Еще книга «Время и слово» тем ценна, что дает читателю глубокое — и опять-таки без недомолвок — представление о тех произведениях литературы, которые в свое время вызывали полемику. Я говорю об айтматовской повести «Белый пароход» и романе Ф. Абрамова «Две зимы и три лета». Не уклоняясь от разговора о сложностях самих произведений и тех явлений, которым они посвящены, Б. Панкин поверяет их жизнью, историей. Добавлю, что и Мишка и Лизка Пряслины, и Егорша, и Подрезов, и другие герои абрамовского романа изображены критиком так, что читатель наверняка захочет вернуться к ним, перечитать роман...

Повторяю, хорошо написана книга «Время и слово». Она еще раз подтверждает, как обогащают и публицистику, и критику неизменное, глубинное знание жизни, острое чувство современности и сознание своего постоянного общественного долга перед тем точным адресатом, на которого ты рассчитывал. В данном случае — перед молодым читателем.

Над старой фотографией



Берды КЕРБАБАЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ВЕСНУ

ЭТОЙ фотографии без малого 20 лет. А возвращает она меня в еще более раннюю пору, от которой, к сожалению, у меня фотографий не сохранилось, — в весну 1930 года. Именно тогда я увидел этого порывистого, страстного человека с взлохмаченными бровями, будто их вечно вихрит ветер.

Он приехал в первой (ударной, как ее тогда называли) бригаде русских писателей, отправленной из Москвы в наши знойные края по инициативе Алексея Максимовича Горького. В этой бригаде были Николай Тихонов, Петр Павленко, Леонид Леонов, Всеволод Иванов, Григорий Санников и он — молодой еще в те времена Владимир Луговской. Ему тогда не исполнилось и тридцати — весенний возраст, если глядеть с моих сегодняшних седых вершин. Я был немного старше его, лет на семь, что, впрочем, не помешало нам сдружиться так же крепко, как и с Николаем Тихоновым, с Леонидом Леоновым, с которыми и по сей день мы тесно связаны.

Сложное и боевое было время. На литературном фронте не утихала борьба. Не каждый из туркменских литераторов смог сразу определить свой путь, свое место в общем строю. Русские друзья оказывали большое влияние на молодую туркменскую советскую литературу, которая, в сущности, лишь зарождалась, делала первые шаги, — и влияние это было поистине революционизирующим.

В самых дальних уголках республики побывали мы тогда, познакомились с «будниями великих строек»: только что завершилась земельно-водная реформа, уравнявшая в правах всех тружеников, мужчин и женщин, начиналась коллективизация, шло наступление на старый быт. И именно московские писатели первыми рассказали широкому советскому читателю о тяжелом прошлом моего народа, о радости побед в борьбе за новую жизнь.

Мы ездили всюду вместе и жадно учились у них — отбору материала и искусству типизации, созданию образов, лепке характеров героев.

А наши друзья влюблялись в поэтую [illegible] Туркмению, в наших людей — «большевиков пустыни и весны», как великолепно назвал их позже Луговской. И с тех пор многие русские литераторы не раз бывали у нас, посвятили нашему краю немало прекрасных строк. А для Владимира Луговского этот край стал поистине второй родиной, «страной его души», как признавался он сам.

Луговской вновь и вновь возвращается в Туркмению, которой он отдал часть души, стал истинным ее другом. Русский поэт был участником всех знаменательных торжеств, происходивших в нашей республике. Весной тридцатого года мы создали первую творческую организацию, объединившую писателей Туркмении, — Всетуркменское литературное объединение. Четыре года спустя Луговской со своими московскими коллегами К. Паустовским, Г. Санниковым, П. Скосыревым и другими помогает нам проводить окружные конференции литераторов и участвует в первом съезде писателей республики, где был создан Союз советских писателей Туркменистана. И сегодня мне кажется, что Луговской всегда был с нами — неуемный, страстный, влюбленный в жизнь, в горячий ветер странствий.

И в каждый его приезд к нам мы непременно встречались, как и всякий раз, когда я бывал в Москве.

Эта встреча совпала с большим событием — Декадой туркменской литературы и искусства в Москве в 1955 году. Мы с Луговским побывали в Центральном Доме литераторов на выставке книг, изданных в Туркмении. Там, у одного из стендов, и сделан этот снимок. Помнится, мы разглядывали сборник Луговского «Стихи о Туркмении», выпущенный Туркменгосиздатом. Кстати, на этой выставке экспонировалось немало переведенных произведений туркменских литераторов — Амана Кекилова, Беки Сейтакова, Чары Аширова, Керима Курбаннепесова, Нармиана Джумаева, Тоушан Эсеновой и др.

Вот о каких событиях напомнила мне эта фотография. И я взял с полки книгу Луговского — последнюю, которую он готовил при жизни, — «Синяя весна» и вновь перечитал строчки, будто совершая путешествие в ту далекую весну:

Пусть
Любая мне радость
Приснится,
Настигнет любая
невзгода, —
Никогда не забуду
Друзей и товарок
Тридцатого года.
Тех, кто жили
В горячей бессоннице
От напряженья,
В каждый день
Выходили упрямо,
Вон идут в сраженье.

ИСТОКИ И ОРИЕНТИРЫ

Петр ВЕГИН

ПРЕДПРИМЕМ путешествие по сегодняшней Эстонии с помощью книг трех современных поэтов — Матса Траата, Пауля-Эрика Руммо и Арви Сийга.

Первое, что бросается в глаза, когда читаешь их новые сборники, это общий герой, наш современник — хирург, водитель трамвая, рыбак, каменщик или даже трубочист, изредка еще встречающийся на улицах эстонских городов и приносящий, по неумирающему народному поверью, счастье. Герой этот любит старые народные песни и органную музыку, он интеллектуал, родом с далекого хутора или из рыбацкого поселка, но он не болен ни урбанизмом, ни ностальгией по родным сельским просторам. Вересковая трубочка, доставшаяся ему в наследство от деда, — не единственная его связь с отчим краем. Есть песни, греющие его с детства, одинаково прекрасно звучащие и в каменном городе, и над вечерним озером.

В том, что стихи Матса Траата, Пауля-Эрика Руммо и Арви Сийга столь популярны в Эстонии, сыграли роль и ориентация на народную поэзию, в частности на народную песню.

В «Ориентирах» Матса Траата много поэтических удач. Пронизанные токами сегодняшнего дня, полные нежности, боли и доброты, стихотворения «Бегущие строки», «За лесами», «Вечер в общежитии», «Автобиография», «Поэма зимнего дня», «За синей дверью» дают нам яркое представление об авторе, который видит свое предназначение в том, чтобы приготовить «больше добротной земли... для светлых мыслей». Матса Траата друзья в шутку зовут между собой «великим выпрямителем». Высокий и прямой, он подойдет к товарищу, скажет: «Выпрямись! Не горбись!» Это «выпрямление» человека в полной мере свойственно его поэзии.

Поэзия Матса Траата дышит тем нравственным здоровьем, которое и позволяет человеку держаться прямо и гордо. Матс Траат славит радость, но не избегает печали. Он строг в своей любви к городу, но не плачет в тоске по природе, как это любят в последнее время делать иные поэты, вышедшие из деревни и живущие ныне в комфортабельных городских квартирах. В его отношении к теме деревни и города сквозит и ирония, и добрая улыбка. Можно сказать, что это проблема для него прежде всего нравственная, этическая, но только не литературная.

Нет во мне философской
основы!
[illegible] лошадей и травы.
Рос в деревне.
Теперь с коровой
разговариваю «на Вы».

Да. Матс Траат тесно связан с жизнью современного села, здесь его естественное начало, и он демонстрирует это вполне открыто. Так, в одном из стихотворений он предлагает поэтам, которые стегают «маленьких пегасов своим академическим кнутом», пустить в стихи работягу-тракториста. Даже более того — «если повезет, хотя б на лето в колхозные податься пастухи».

Одно из важных для М. Траата стихотворений — «Автобиография»:

Мои ребяческие сны
Глушились грохотом войны.
Над юностью моей вчера
Отгрохотали трактора.
Мужчиной сделался едва,
Как стали грохотать слова.
Все грохот, гром,
из года в год...
Послать к чертям!
Но не дает
Поэзия, что в нас живет.

Эти строки можно поставить эпиграфом к творчеству всех трех поэтов.

Пауля-Эрика Руммо сформировали и воспитали песенное творчество, народная поэзия, и в этом он прямой продолжатель замечательного эстонского поэта Юхана Лийва, которому посвящено одно из лучших стихотворений сборника. Присутствие и влияние народной поэзии в стихах Пауля-Эрика Руммо видится не только в прямом обращении к старым песням, но и в сходстве построения стиха. С первого же стихотворения, которое служит музыкальным ключом к книге, Пауль-Эрик Руммо открыто говорит об этой связи, а во многих последующих («Воскресенье», «Игра») даже выделяет курсивом строки, инкрустирующие его поэтическую речь: «А тетушка все вяжет а клубочек скачет а ежики все бродят взяв друг дружку за руки...» Но, думаю, что никто не обвинит поэта в стилизации, если он естествен:

Ой смерть
ты глупа-слепа
смерть военная
ты жестокая
ты горошка молольщица
как росточек обломится
широко горошины
раскатятся
слезы горькие так
и покатятся.

Это из стихотворения «Игра», где

Мальчик в мальчика
выстрелял
из игрушечного ружья
Тот зажал рукой рану
как в кино
и упал
он упал замертво
ну совсем замертво
ведь он был солдат...

И девочка-мама плачет настоящими слезами-горошинами, в которых отражаются «все солдаты, что были убиты когда-то».

Обращение к старой народной поэзии для Пауля-Эрика Руммо — средство, способ говорить о сегодняшнем. Поэт, перу которого доступны самые глубинные состояния души, наделен счастливой способностью быть современным и силой своего дара возвышать личное до общественного, частное — до общего.

Поэзия Пауля-Эрика Руммо непроста и непривычна. Подчас возникает ощущение некоторой переусложненности. Разными читателями иные его стихи будут восприняты по-разному. Одни придут в восторг, другие покачают головой, третьи... Я далек от мысли поучать или давать какие-либо рецепты. Но, читая в сборнике П.-Э. Руммо такие стихотворения, как «Импровизация с Яном Саулем» или «В память и по следам Артура Алликсаара», явственно ощущаешь, что поэт «переусложнил» в форме настолько, что она заслоняет саму тему, ради которой написаны стихи. Руммо словно запахнулся плащом таинственности, он так старательно что-то прячет, что, кроме этого плаща, ничего больше не видно. Мне кажется, что более сложные и серьезные вещи (например, цикл стихов о матери, к сожалению, не вошедший в сборник) Пауль-Эрик Руммо решает успешней именно тогда, когда он обращается непосредственно к жизни. Точно так же Траату и Сийгу удача сопутствует чаще всего в тех случаях, когда они оперируют земными, жизненными образами, а не логическими абстракциями.

Всякий раз, сталкиваясь с переводными произведениями, задаешься вопросом: насколько это близко к подлиннику, насколько поэтически правдиво? Нам повезло в каждом из трех случаев: переводчики М. Траата и П.-Э. Руммо — С. Семененко и В. Штейн — знают язык, давно живут в Эстонии. Александр Зорин, переводивший стихи А. Сийга, много времени провел в тех краях, в той языковой среде, откуда вышел сам поэт. Но работу Светлана Семененко хотелось бы выделить особо. Переводы его — одно из доказательств неограниченных возможностей русского языка, свидетельство преодоления языковых барьеров, после которого все меньше верится в существование «непереводимых стихов».

«Полуправда непереводима», — пишет Арви Сийг. Его «Сиреневые сигналы» — одна из удач издательства «Молодая гвардия». Правда, выпуск книжки в серии «Молодые голоса» несколько сомнителен, и в большей степени Арви Сийга можно включить в эту серию по актуальности, «молодежности» его стихов, чем по опыту и возрасту. Первую книгу на родном языке «Соло на трубе» он выпустил десять лет назад. Сегодня он автор уже семи стихотворных сборников.

Арви Сийг громче и публицистичней многих своих поэтических сверстников.

...Дети, собирая цветы,
мужчины,
ворочая камни на полях,
женщины,
пропалывая брюкву,
кланяются,
кланяются,
кланяются.

Спасибо — фиалке,
спасибо — распаханной
земле,
спасибо — ведру воды
из колодца.

Герой А. Сийга — труженик, пахарь и мореход. Он подчас суров и строг, но за этим таится много тепла и нежности: «...В северных краях мы ведь почти одно: большие валуны и нежные мужчины».

Арви Сийг современен не только по форме стиха, но и по его наполненности пафосом созидания. Пафос этот убедителен, ибо он проистекает не из декларации, а из всего пережитого народом:

Строй же, Сарема,
щит городов
и дороги победную ленту...
Капли пота,
где капала кровь,
Капли пота,
как гравий цементу...
В теплом свете огней
воплоти
на груди твоей пашни
роты...
В сокрушительном ритме
работы
не забыть тех,
кто пали в пути...

Одно из лучших стихотворений Арви Сийга «Воспоминание о бабушке» исполнено такой любви к своей земле, что, прочитав его, понимаешь: быть современным — значит любить Родину, ибо эта любовь современна всегда. Таким современным поэтом и представляется мне Арви Сийг, сравнивший свою родину с каменной глыбой,

на спине которой,
словно птичье гнездо,
выдолблено
пронзенное стрелой
сердце.

ДВА МНЕНИЯ

О КНИГАХ ПОЭТА П. МОВЧАНА

Л. АННИНСКИЙ

ЗВОНКИЙ ВСАДНИК...

ПЕРВАЯ книжка Павла Мовчана десять лет назад на Украине пробивала себе дорогу сквозь споры; называлась почти вызывающе: «Нате!».

Теперь споров нет. На всесоюзную арену Мовчан является почти триумфально: сборник его стихов в переводах Юрия Ряшенцева, вышедший в Москве год назад, — «Летящее дерево» — встречен доброжелательно поэтами и критикой.

Кажется, Мовчан уже входит в «цитатный фонд»:

И твердь земную
под копытом
открыть, как истину,
и — чтоб
дыханьем жадным
и открытым
взахлеб крепчайший пить
галоп...

Что увидели теперь в этом азартном галопе? Суммируя отклики, рискну сказать так: увидели силу, темперамент, полнокровие — и ни малейшего намека на браваду силой. После возвышенных городских мечтателей, которым отвечали в нашей лирике тяжелые «земные» оппоненты, Мовчан проскакал звонким всадником, стремительным и уверенным, одержимым и динамичным, крепко чувствующим землю и — устремленным ввысь к небу. Тонкая символика и полновесная плоть соединились для нас в его «Летящем дереве». Корни и небеса. Сила и культура. Мечта и прочность.

Два обстоятельства смущают меня во всем этом.

Во-первых, сомнительно, что пастернаковский интонационный ритм, с помощью которого Ю. Ряшенцев нашел Мовчану эквивалент в русской стиховой ткани, так уж органичен для украинского поэта. Мне кажется, что в нем больше от Тычины и от старой украинской музыкальности, от мелодики дум, от наива народной поэзии, чем от смятой и смятенной ритмики наших двадцатых годов.

И во-вторых: даже при условии, что ранний Пастернак действительно повлиял на Мовчана, — это в прошлом. Только что вышедшая в Киеве новая книжка Мовчана «Зело» ясно показывает, что он уже другой. Так что «Летящее дерево» прилетело в наши российские пределы с опозданием лет на пять. Но все-таки: если оно попало в точку, то ответило же на какой-то внутренний вопрос! Это первый пункт интереса. И второй: как же свидетельствует Павло Мовчан о судьбе той самой, громкой, яркой, бурливой волны в украинской лирике, которая в свое время (когда и было выкрикнуто: «Нате!») наделала такого шуму?

Их многое роднило с русскими «мечтателями» и «романтиками» той поры, но украинские поэты были, пожалуй, полнокровнее. Писали яростнее, сочнее, наивнее. В них было больше всесокрушающей полудетской веры в себя и меньше полудетской робости. Рядом с Борисом Олейником Роберт Рождественский выглядел стилистически весьма строгим; в Винграновском чудится такая земная тяга, до какой не доходил и Цыбин; Вознесенский с его черными безднами — утонченная графика рядом с солнечным, щедрым, неистовым Иваном Драчом.

Павло Мовчан — последователь Драча, именно в языческой жизнелюбивой страсти, в непосредственной пластичности, в «ткани». Это пластичное «осязание стихий» Мовчан довел до предела. То, что у Драча все же в какой-то степени сдерживалось напряжением высокой учености (помните его «Лесю»?), у Мовчана оказалось доведено до апофеоза:

И вот уж ветром
плоть прошита,
и, [illegible] прочерке одном,
вдруг [illegible]:
лопнули копыта
под разлетевшимся конем...

Сквозь романтическую скачку можно прослушать в стихах Мовчана и эмпирическую биографию его героя, достаточно характерную для послевоенного парня с Киевщины: деревенское детство, память о казненных в Отечественную войну партизанах, жизнь сегодняшних лесорубов, гнев поэта против войны во Вьетнаме... Но суть поэзии Павла Мовчана не в приметах. Суть — в потоке страстей. Суть — в том хаотическом, незавершенном, наглядном, вздыбывающемся, тяжком, стремительном, пышном орнаменте, который выявляет в поэзии Мовчана особый склад личности лучше, чем любые попавшие в этот водоворот приметы. Как сказал в своей интересной статье о Мовчане украинский критик Леонид Череватенко, здесь жизнелюбивая энергия изливается на любой попавшийся предмет: «тема» «падает камнем» в лирический поток, — все дело в том, как, расходясь и сшибаясь, идут круги...

Белизна снега, синева неба, зелень травы и — солнце, солнце! Тяжесть зерна, тяжесть ветки, тяжесть слова. Щедрость красок, щедрость форм, чувств, порывов. Украинское барокко.

Мир осязаем. Поэт — «руками слышит». Теснота образов, густота красок, тугая, запутанная, задыхающаяся образность, сплетенье узоров, столкновенье масс, взаимный плен естества, все весомо, даже паутина тяжела, как медная проволока, нет, как жила, как жизненная тугая жила.

Хмель весенний. Броженье сил. Властный, языческий напор жизни — слепой, природный, жестокий, мудрый, яростный. Накатывает — и уходит: циклами, природным колесом, является и умирает, и об этом — без сожаления, ибо что может быть естественнее умирающей и возрождающейся природы?

Вся красота — именно в этой смене форм, обличий, в природе — каждый раз — новой силы и нового естества.

В этой природной ярости, в этой любви к вечно обновляющемуся «естеству», в этой неизменной тяге к «первозданному» началу, в котором — здоровая сила и чистота красок, — во всем этом природном полнокровии есть что-то языческое, уходящее в фольклорную толщу. Хотя это «язычество» — компонент весьма современной и утонченной поэтической системы.

Мовчан — не певец языческой борьбы, силы, сокрушительности (как у нас когда-то Цыбин). Мовчан — певец языческой красоты мира. Певец безмерной щедрости его форм. Певец непохожести, праздничной своеобычности всего живого, природного... Мовчан видит, как и поэтическое украинское кино, — только несхожее: несхожи травинки, деревья, люди, звезды. Прихотливая своеобычность, неповторимый абрис вещи — пароль его поэтического мира.

Теперь я спрашиваю: зачем все несхоже? Какой смысл в этом бесконечном развертывании жизненной плоти, материи? Итог, венец, последняя цель?

На этот вопрос нет ответа.

Нет венца. Несхожесть — самоцель. В живой природности куда слабее ощущается духовный план. Есть боль. Нет оправдания. Нет строя, нет космоса в хаосе, нет «логоса».

Мовчан это чувствует. Он пытается уйти от своей стилистики в тот самый момент, когда критики хвалят его за нее. Это беспокойство Мовчана — признак его большой чуткости. Когда смотришь в его новой, киевской книжке новые стихи, видишь, как пытается он преодолеть собственную манеру. Вместо щедрого раската красок — концентрированное вглядывание: в ниточку, в клеточку жизненную. Вместо бароккальной весомости форм — паутинка. Вместо весеннего возрождения — красивое увядание осени, безвозвратность потерь: «и ягода в пальцах... да только не та». Есть акварельная прелесть в новой строчке Мовчана: «Панує скрізь напевна певнота» — здесь просвечивает столь неожиданная для него умиротворенная гармония, и утеряно многое: напор, дерзкая решительность, наив жизнелюбия. Жаль, если так хорошо разлетевшийся конь Мовчана надолго замешкается на распутье, но сам факт, что он пытается найти новый путь, — благо. Не потому, что лишенное «логоса» языческое пиршество страстей и красок не близко мне — оно мне не близко, но дело не в этом. Просто я верю, что орнаментальный динамизм преодолевается и должен преодолеваться в нашей поэзии.

...НА СУВЕНИРНОЙ ЛОШАДКЕ?

В. ТУРБИН

...Живи, как пишешь, и пиши, как живешь... Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы.

К. Н. БАТЮШКОВ

МНЕ кажется, что о поэзии мы вообще говорим архаично, рецензируя ее от сборника к сборнику, от книжечки к книжечке. Но, изощрившись в рецензировании книжечек, не просматриваем ли мы чего-то огромного — сдвигов, скрытых в социальных условиях нашей жизни? Поэзия... Книжечки ли это — пусть даже заглавия их становятся все эксцентричнее, а оформление ярче? Только ли в тетрадках стихов да в журнальных подборках живет сегодня поэзия? Не вступаем ли мы в эпоху поэтизации самой жизни? Об этом стоит подумать. Но даже и на первый взгляд ясно: топливный кризис в Европе, встречи прогрессивных политических деятелей, дискуссии в ООН — я беру события достаточно рядовые, не говоря уже про кровавое, страшное — не суть ли все это какие-то ожившие... поэмы? А успехи науки? А живые легенды — фигуры гениальных изобретателей?

А поэты? Неровен час, мне припишут, что я жажду устранить книжечки, их тетрадки. Нет, не жажду. Да и не под силу мне это, даже если бы и возжаждал. И пусть книжечки будут. Но поэзия перестает исчерпываться, завершаться поэтическим текстом, — в этом дело, по-моему. Текст — только завершение чего-то другого. Образа жизни прежде всего. И образ жизни поэта незаметно начинает восприниматься нами в качестве литературного явления: поэт сегодня публичен во всех проявлениях своего индивидуального бытия. И то, как он живет, не менее существенно, чем то, о чем он пишет. Поэзия есть там, где деятельность есть. Деятельность, во-первых, общезначимая, то есть политическая прежде всего; и, во-вторых, всенародная. Открытая для всеобщего обозрения.

Драма многих послевоенных поэтов в том, что они... обречены на сборники. На те самые — с интригующими названиями и с эксцентрическими рисунками. Их образ жизни не виден: видны только тексты, которые мы и рецензируем. Вслепую. Не замечая невольных мистификаций: декларируется одно, а на деле соприкасаешься с чем-то другим совершенно; и размеренный образ жизни поэта никак не соответствует его словам — как правило, буйным до чрезвычайности.

У Мовчана — язычество! И — такие-то и такие-то примеры из текста. Допустим, язычество. Но странное какое-то язычество: «М., «Советский писатель», 1972. 72 стр. План выпуска 1972 г. № 258. Редактор... Худож. редактор... Техн. редактор... Корректор...» Как-то не верю я в язычество, включенное в план под номером 258. «Бумага 70×108 1/32. № 2... Заказ № 220». Номеров-то сколько понаставлено на этом язычестве! А были же еще и внутренние рецензенты — имена же их, ты, господи, веси! И заявку поэт писал на машинке, и ее согласовывали, утрясали, пока-то дошло до № 258. Словом, сличишь текст удалых, отчаянных стихов поэта с последней страничкой его книги, за изнанку заглянешь и сразу же видишь, как вся древнекиевская вольница его аккуратно обрамлена современным, упорядоченным, индустриальным. И весь этот планомерно живущий мир неумолимо проникает в его языческие видения.

Поэтому с неменьшим успехом, чем язычество, можно найти у Павла Мовчана и традиции позднесредневекового индивидуалистического протестантизма, лютеранства. Все — «Я». И «Я» — человек, индивидуум — волен трактовать мир так, как «Я» его вижу и чувствую: «Я» самоценен.

Смотрит поэт в ведерко чистой воды, и в очах поэта мелькают видения: камень, конь, уснувший бык, водяной, хоровод ведьм.

...Когда у тихого ведра
я вновь застыл, согбенный,
то, словно посреди Днепра,
в нем плавал лебедь белый.
...И сжал ведро я, как орех,
и наклонился ближе,
и тотчас понял, как на грех,
что сам себя я вижу...

Вещный мир в общем-то заменим: поэт мог увидеть не водяного, а фуникулер в Киеве, не лебедей, а теплоходы. Важно-то другое: важно, что мир — это он, Поэт. Что в Нем, в Поэте — и лукавство водяного, и чистота лебедя. Автоуниверсализация какая-то: «Я» — все, и все — «Я». И что «Я» возжелаю, то «Я» с миром и сделаю. Инерция подобного возвеличивания «Я» будет наблюдаться еще до-о-о-олго-предолго, хотя, как известно, оно даже и оскомину набило, «обридло», як то кажуть на Украине. Археологичность, «старинность» того, о чем пишет Мовчан, не должна вводить в заблуждение: язычник, мол. Скифский кувшин, мифические лесные девы-мавки, челнок — неотъемлемая принадлежность украинского пейзажа; цветущий подсолнух, калина и «древний лес». Да, это — поэзия природы: [illegible] даже [illegible], а пастушеского труда: рыбу ловят, [illegible] пасут, лес рубят. Но [illegible] все [illegible] воспроизводит в своем сознании наш современник. Очень искренний. Очень прямодушный. И внутренне очень встревоженный: не потеряться бы в окружающем его шумном мире. Напомнить бы людям: «Я» существую, «Я» вижу мир удивительным.

Что поделаешь: такова уж форма «самообороны» индивидуальности от стандарта! И остается апеллировать к водяным и русалкам, доказывая окружающим, что от необратимой индустриальности этой вполне можно спастись в собственную свою Индивидуальность. И появляется протестантская аккуратность. И пафос сбережения, сохранения собственной неповторимой Личности. Отсюда — тема возраста, через все стихи Павла Мовчана проходящая: «Воспоминания о детстве», «Полнолетье». Расписаны года. А внутри годов все расписано, так сказать, поквартально. Осень: «Вересень», «Жовтень», «Листопад» — «Сентябрь», «Октябрь» и «Ноябрь» и т. п.

Язычество — это, по-моему, вечная готовность к неожиданному. А тут — календарь. «Все врут календари», — сказал пусть и дурной человек, но мы-то знаем, что календари составляют ученые люди, что вне науки не может быть истины. И у поэта все по календарю: за детством приходит юность, за нею — полнолетье. За полнолетьем же... Уж известно, что:

Настанет время
превращений,
и стану стеблем
средь травы,
сверчок совьет свой дом
весенний
в дупле пустынной головы.

Бежим от планомерности. Бравируем язычеством. А до чего же, если вникнуть, раз-ме-рен-но жи-вем! Совьет сверчок дом... Наляпают на дощечке очередной номер. Все размеренно. Но как-то не вяжется эта покорность календарю с тем образом жизни, по которому тоскует Мовчан: всадники по степи мчатся; рысь гложет оленя, хотя, впрочем, аллегория это: рысь — буйная плоть, терзающая дух наш (борение чистого духа и греховной плоти, дуализм их — никак не языческий образ: и не капищем веет от него, а проповедью в кирхе). И язычество поэта — лабораторно, сувенирно оно.

Приходит кто-нибудь из нас в магазин «Подарки». «Это что, кони? Ой, славненько! Заверните мне во-о-он того, вороного. И беленького! Конь бледный, конь вороной, право же, мило! А это? Гуцульский топор? И топор заверните. Сколько я вам должен?» Дома мы раскладываем сувениры на полированном столике. И верим, что мы дикие, лесные: древляне да кривичи. И нам тоже верят: таковы условия «игры в язычество» («Давай так: я буду язычником, буду про русалок писать, ну, там про водяных, леших, а ты...»). А есть еще игра в неославянофильство — тоже увлекательно: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. И все-таки лучше в сувениры играть, чем просто плакать о том, что стираются наши великолепные, неповторимые «Я» под натиском индустрии. Но существуют еще и иные пути: быть собою самим и таким, каков ты есть, явиться людям, раздаривая им душу и ум и стремясь прозреть в каждом из них ценность более высокую, чем твое несравненное «Я». «Познай самого себя!» — было сказано некогда. Ныне, по-моему, необходимо и большее: «Сотвори, создай самого себя!» — на то ты и стал Поэтом. А великому искусству быть оригинальным нельзя научиться, не овладев искусством быть таким же, как все.

И пока сотворить себя сумели лишь единицы. На Украине — умно, степенно — сотворил себя Драч: деревенский подросток, превратившийся в рафинированного и энергичного интеллигента: плоть от плоти нашей современности; носитель урбанистических тенденций украинской поэзии — таков, в схеме, образ его, им же созданный. Такова основная линия его образа жизни. Но Мовчан и Драч принципиально несоизмеримы; и тут не «лучше» и не «хуже»: просто разные [illegible].

Свой образ жизни Павло Мовчан ищет. Найдет ли? Но ведоме мне одно: только сотворив себе жизнь, не храня себя, не лелея, а, напротив, пригоршнями раздаривая себя другим и не страшась раствориться в их толпах, ты станешь подлинным участником великого произведения искусства, имя которому — XX век.

ОТ РЕДАКЦИИ

Павло Мовчан выпустил на Украине три сборника стихов. Его книга «Летящее дерево» в переводе на русский язык вышла в прошлом году в Москве и сразу же привлекла внимание критики.

Чем интересны стихи молодого украинского поэта, который до сих пор был известен всесоюзному читателю лишь по отдельным переводам, появившимся в московских журналах? В чем сильные и слабые стороны его дарования? Мы попросили ответить на эти вопросы критиков Л. Аннинского и В. Турбина.

«Суть поэзии Павла Мовчана не в приметах. Суть в потоке страстей», — настаивает Л. Аннинский. Предположим, что это так. Ведь П. Мовчан действительно умеет «схватить» и воспроизвести тончайшие движения человеческой души, раскрыть ее сокровенные глубины. Но можно ли этот «поток страстей» отгородить от примет нашей действительности? Не является ли это оправданием камерности, ухода поэзии в область умозрительных обобщений? Кстати говоря, на такого рода реальную опасность, подстерегающую П. Мовчана, и указывает В. Турбин, когда пишет о чрезмерном увлечении поэта собственным «я».

«Хмель весенний. Броженье сил. Властный, языческий напор жизни — слепой, природный, жестокий, мудрый, яростный» в поэзии П. Мовчана увлек Л. Аннинского, хотя надо сказать, что диапазон эмоций украинского поэта гораздо шире, драматичнее. И вряд ли его должно удовлетворять лестное, с точки зрения критика, определение «певец языческой красоты мира».

Однако следует отметить, что талантливой, щедрой на краски, психологически напряженной лирике П. Мовчана еще недостает жизненной наполненности, [illegible] внешних [illegible]. Она обращена [illegible] интерьер сознания, [illegible] социальн[illegible] проблемати[illegible] эпохи со всеми [illegible] приметами. [illegible] жется, [illegible] поэта [illegible] воспева[illegible]. Отрадно, [illegible] украинск[illegible] П. Мовчана «[illegible]» проявилось отчетливее, чем раньше.

РЕПЛИКА ЧИТАТЕЛЯ

КОГДА ГЕРОЙ СХОДИТ НА БЕРЕГ...

«Автор этой книжки — Иван Ильич Зубарев — моряк, капитан рыболовного судна базы «Океанрыбфлот», — говорится в предисловии к сборнику рассказов «Зеленый анис» (издательство «Лиесма», Рига, 1973).

И естественно, что более удались автору рассказы о море и моряках. Написанные со знанием темы, с юмором, они дают основания думать, что Зубарев — литератор не без способностей. Но стоит герою Ивана Зубарева сойти с палубы на землю, очутиться в городе или на побывке в родной деревне, как простую матросскую душу уже не узнать. Вот герой знакомится с девушкой (рассказ «Город тополиный»). «...Сжавшаяся фигурка Анюты создавала впечатление, что она, раздетая, простояла на ветру и озябла», и тотчас в отзывчивом сердце героя шевельнулась нежность: «захотелось обнять девушку, отогреть».

Затем молодые люди идут в парк, на танцы. Анюта стыдится, что плохо одета, герой ее успокаивает:

«— Е-рун-да, — сказал я, отступая от Анюты. — Кофточка — пускай не модная, но чистая, голубенькая и идет. Юбчонка — милая! Туфли — поношенные и запылились?.. Зато крепенькие ровные ножки...

На танцплощадке — то ли мой костюм с чуть расклешенными брюками, то ли заграничные туфли на пятисантиметровом каблуке были тому причиной — на нас смотрели во все глаза.

Анюта растерялась совсем. Доверчиво, словно ребенок среди чужих людей и матери, жалась ко мне. Щеки ее горели, блестели глаза, яркими и сочными стали губы...»

Герой приглашает Анюту в лес: «— Это очень просто: берем такси и говорим шоферу, чтобы он отвез нас в ближайший лес...» Шофер «вроде бы понял все и нехорошо улыбнулся...» Правда, в лесу ничего «такого» не происходит, просто героя опять заполняет «необъяснимый настой нежности...».

«— И попало ей из-за тебя... Губы у нее к утру раздулись, а мать заприметила... в чулан запарла. Выпустила только, когда сама удостоверилась, что ты уехал». Это уже из рассказа «Архипова балка».

Согласитесь, читатель, что все эти «пассажи» — на грани пошлости.

Небрежен язык книги. Писатель некстати употребляет областные словечки, а порой просто коверкает язык: «не лотошни», «отволглая трава», «узрослая», «неантилегентная», «Уж дюжа они сложныя» (это про городских женщин. — В. З.).

Не хотелось бы во всех недостатках книги обвинять только автора: ведь нельзя забывать, что «Зеленый анис» — первый литературный опыт И. Зубарева. Думаю, не ошибусь, если большую часть замечаний адресую редактору сборника.

Вл. ЗИМА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Когда я в последнее время спрашиваю в магазинах сборники стихов некоторых любимых поэтов, меня нередко отсылают в отдел прозы. И серьезно: там обнаруживаются сборники рассказов, повестей, даже роман, а то и книга статей, написанные поэтами. И невольно задаешь себе вопрос: кто же они теперь — поэты или прозаики?

Меня лично огорчает, когда поэт перестает писать стихи. В чем дело? Что дает прозе приход в нее поэтов? Проза поэтов — явление, мимо которого пройти никак нельзя. И критикам нашим, по-моему, не грех об этом явлении подумать!

А. НЕВЕРОВ, студент-биолог

НА ВРЕМЯ РАССТАВАЯСЬ СО СТИХОМ...

Всеволод САХАРОВ

ПРОЗА ПОЭТОВ

ЧиП

Да, А. Неверов говорит о явлении действительно серьезном — о широком обращении наших поэтов к прозе. Но сама постановка проблемы в его письме не совсем верна. Проза и поэзия друг друга не вытесняют, друг с другом не соперничают. Проза поэтов — явление особого рода, хотя явление и не новое; эта проза чрезвычайно интересна, и серьезный разговор о ней становится настоятельной необходимостью.

...Недавно довелось мне слушать перевод с листа стихов одного поэта. С внушительного дерева стиха облетали постепенно все его веточки и сучья — созвучия, рифмы, ассонансы, аллитерации и прочие элементы звукового одеяния поэзии. Волшебство поэзии улетучилось. Но остались и даже еще четче обозначились уникальное поэтическое мышление, способность занять лишь этому поэту доступную точку зрения на мир и человека, по-своему переосмыслить бытие. Получилась проза. Но она не имела ничего общего с обычной прозаической продукцией. Это была поэтическая проза — проза поэта. Процесс преображения поэзии в прозу и происходит в книгах, о которых пойдет у нас речь.

Поэты и раньше обращались к прозе — вспомним хотя бы «Дневные звезды» Ольги Берггольц. Но теперь проза эта стала, несмотря на все ее разнообразие, неким стилистическим единством, превратилась в своеобразное литературное явление. Константин Ваншенкин в своих «Набросках к роману» отметил: «В последние годы некоторые поэты... стали писать прозу, и с непривычки очень хорошую, пронзительно точную, со знанием дела, совершенно игнорируя законы жанра — сюжет и прочее».

Недавно появившиеся прозаические книги Расула Гамзатова, Эдуардаса Межелайтиса, Василия Субботина, Владимира Цыбина, Константина Ваншенкина и других поэтов говорят о том, что отнюдь не лета клонят их авторов к суровой прозе. Тут иная, несравненно более весомая причина: стремление высказать в прозе то, что не могло воплотиться в поэзии. В то же время поэты сознательно отказываются от традиционных жанров повести, романа, очерка. Такие книги возникают на грани прозы и поэзии и, при всем несходстве творческих индивидуальностей, образуют некое художественное единство.

Легко заметить, что проза наших поэтов весьма нетрадиционна. В ней нет привычного сюжета и сквозных героев, не соблюдаются жанровые границы. Художественный материал строится по принципиально иным законам, и разобраться в них очень непросто.

Проза поэтов — вещь многожанровая, но система жанров зависит здесь от поэзии, а не от прозы. Недаром Р. Гамзатов говорил с иронией, что половина критиков найдет «Мой Дагестан» ни на что не похожим, а другая половина — похожим на все. И действительно, как подступать к таким книгам с привычными мерками «повесть», «роман», «очерк»? Думается, что такой подход непродуктивен, да и не нужен. Проза эта порождена принципиально иным типом художественного мышления — поэтическим творческим сознанием. И судить ее нужно по законам поэзии.

Расул Гамзатов, рассказывая об истории создания «Моего Дагестана», заметил: «Но если я решил на время расстаться с песней, то она не хочет расставаться со мной». Действительно, как расстаться поэту с поэзией, с поэтической мыслью? И Гамзатов идет в прозе тропой своей песни, дорогой своеобычнейшей, ярко национальной поэзии. «Мой Дагестан» — это не повесть, не роман, не путевые очерки. Это именно песнь, поэма в прозе, эпос об органичном и многоликом мире родины поэта, о ее настоящем, прошлом и будущем. В книге Гамзатова через личное восприятие автора дана широкая историческая перспектива, показаны основы национального бытия целого народа. Такая задача по плечу лишь эпосу.

Думается, эта книга — достаточный ответ читателю А. Неверову, интересующемуся, «что дает прозе приход в нее поэтов».

Люди, не читавшие стихов Расула Гамзатова, немного поймут в «Моем Дагестане». Здесь мир поэзии и мир прозы слиты неразрывно и в отдельности немыслимы. Гамзатов не был бы Гамзатовым, не был бы поэтом, если бы в своей прозе он стал мыслить «прозаически». Вчитайтесь внимательнее в книгу — и вы увидите, что это своеобразный поэтический сборник в прозе. В нем легко можно отыскать и притчу, и легенду, и различного рода надписи и эпиграммы — словом, почти все жанры, встречающиеся в сборниках стихотворений Расула Гамзатова.

Каждый поэт на свой лад проделывает этот непростой путь от поэзии к прозе. Талант Расула Гамзатова светел, весел, непосредствен. А вот поэзия Эдуардаса Межелайтиса по своей природе философична, раздумчива, проникнута элегическими нотами. И эта философичность перекочевала в его сборник лирической прозы «Контрапункт». Как и в лирике, в «Контрапункте» происходит глубокое осмысление современного мира и места в нем человека, превращающееся в раздумье о природе творчества. Межелайтис писал в одном стихотворении:

Я начинаю свой
мир творить —
собственноручный космос.

И в прозе поэта продолжается это сотворение художественного «космоса», в процессе которого бытие по-новому переосмысливается, а человек высвечивается поэтической мыслью. Не случайно эта прозаическая книга как бы «прошита» поэзией, органически включает в себя стихотворения Э. Межелайтиса. Проза Межелайтиса потому и стала лирической, что в нее перекочевал лирический герой его поэзии: «Поэт может оживить и опоэтизировать предметы и явления мира лишь одним способом: пропустив их, словно сквозь фильтр, через свое «я».

«Контрапункт» пронизан размышлениями о современной литературе, и эти мысли далеко не всегда безоблачны и лиричны. Правда, в этих размышлениях Э. Межелайтис подчас излишне категоричен и противоречит сам себе (об этом уже писал Ал. Михайлов в статье «Мастерская поэта» в «ЛГ», № 27, 1973). Поэт требует усложнения, философизации поэзии и прозы, а сам создает вещи эмоционально ясные, проникнутые тонким лиризмом. Он и в «Контрапункте» стремится к достоверности, точности и поэтичности прозаического слова и мысли, к поэтизации каждой детали. Здесь волшебство поэзии изнутри освещает и преобразует прозу.

Этот взгляд на свою прозу как на эксперимент, как на нечто своеобразное и нетрадиционное характерен для многих поэтов. С самого начала они пишут не роман, не повесть, а именно поэтическую прозу, творят в особом жанре. В прозаических вещах Владимира Цыбина вроде бы и сюжет есть, и привычные герои присутствуют, но все же автор не подчиняется законам традиционной прозы. Цыбин так и пишет в своем «Лирическом дневнике»: «Я предпочел следовать здесь за самим собой, за теми мгновениями, которыми проверяется вся прожитая жизнь». По этому же пути идет и Василий Субботин в своих книгах «Проза поэта» и «Силуэты», составленных из изящных лирических миниатюр, маленьких стихотворений в прозе. Уже само название книги — «Проза поэта» — подчеркнуто полемично, свидетельствует о желании поэта четко определить свою литературную позицию, сказать о своеобразии своей прозы. И о войне Субботин пишет как поэт, как лирик. Его лирическая летопись «Как кончаются войны» поэтически переосмысливает суровое время. То же стремление превратить прозу в своего рода лирический дневник-автобиографию, в поэтическое раздумье о времени и о себе заметно и у белорусского поэта Максима Лужанина.

Любопытнейшую эволюцию от стиха к прозе проделал белорусский писатель Янка Брыль. Его книги «Горсть солнечных лучей» и «Мир далекий и близкий» — блистательный пример подлинно поэтичной прозы. Они подчеркнуто фрагментарны, представляют собой собрание маленьких лирических миниатюр, притч, историй, путевых заметок и афоризмов. И в то же время каждая книга Янки Брыля отнюдь не мозаика, а удивительно цельный художественный организм. Недаром он писал: «Не для экзотики записываю, а улавливая здоровое ощущение связи с родным, с мудрой народностью».

Во всех прозаических книгах наших поэтов видно вполне естественное желание преобразовать, обогатить язык прозы.

В то же время проза наших поэтов, возникающая на стыке между поэзией и прозой, хотя и имеет немалую самоценность, отнюдь не стремится вытеснить традиционную прозу, противопоставить себя ей. Декларации и творческая практика поэтов свидетельствуют о том, что их проза являет собой своеобразную лабораторию.

Разумеется, в прозе поэтов есть и свои неудачи и просчеты. Конечно, ей попросту не по плечу те крупномасштабные художественные задачи, которые решаются нашими писателями в романах и повестях.

Константин Ваншенкин верно подметил одну закономерность: первая прозаическая книга поэта обычно бывает яркой, а потом его проза иногда бледнеет, становится неплотной, непоэтичной. После первой удачи друзья и критики убеждают поэта в том, что он сильный, оригинальный прозаик. И воодушевленный автор пишет повесть, а то и роман. Результаты легко угадать: поэтическое мышление не всегда может совладать с большой прозаической формой. Поэзии хватает на пол-листа, а затем начинается откровенное, заранее обреченное на неудачу заимствование из творческого арсенала традиционной прозы.

Может быть, в этом случае прав А. Неверов, «огорчаясь, когда поэт перестает писать стихи»? Вряд ли, хотя иногда приходится слышать жалобы самих поэтов на прозу, мешающую им писать стихи. Владимир Солоухин в «Осенних листьях» («Москва», № 9, 1973) так и сказал: «Когда поэт пишет прозу, то она бесспорно мешает ему писать стихи... Поэт, пишущий прозу, перестает думать стихами, вернее, только одними стихами, но начинает думать прозой». Но думаю, что эту «бесспорную» истину опровергает сама творческая практика Солоухина. Он достаточно интересно работает и в поэзии, и в прозе. Проза Солоухина растет из его стиха, черпает оттуда и свою философичность, и публицистический пафос, и образность. Поэт идет к прозе через верлибр. И оттого язык его прозаических вещей ярок, гибок, афористичен. Возьмите его стихотворения «Цветы», «Ягоды», «Букет», «Имеющий в руке цветы...», и вы увидите в них своеобразный поэтический конспект написанной прозой «Травы».

Да, каждый поэт находит в прозе новые пути и возможности, по-своему обогащает ее художественные средства. Именно этот бесспорный факт обогащения, поэтизации прозы нуждается во внимательном изучении критиков. Наша критика много и интересно писала об отдельных прозаических книгах поэтов. Но эта проза как целостное литературное явление еще не исследована должным образом. И хотелось бы предостеречь от возможных упрощений.

Поэтическая проза не отрицает, не вытесняет традиционную прозу, но указывает на ее новые возможности. Владимир Солоухин как-то заметил: «Поэзия есть искусство в его чистом виде, экстракт, квинтэссенция искусства, то золото, которое в других видах искусств может присутствовать, как в сплавах, лишь в виде примеси». И добавление изрядной доли поэзии в художественный сплав современной прозы только обогащает нашу литературу.

ЯЗЫК МОЙ — ВРАГ МОЙ

НЕ НАЗВАТЬ ЛИ КОШКУ КОШКОЙ?

Размышления по поводу «поэток», «джайфов», русской орфографии, а также этимологии — научной и фантастической.

«Что-то внутренне протестует против укоренения слова «сериал», — размышляет в одном из недавних номеров «ЛГ» М. Хуциев. — Не хотелось бы, чтобы оно получило право гражданства. Это звучит слишком терминологически-научно и одновременно многозначительно-торжественно — кафедрал, мемориал, империал. Впрочем, может быть, это чисто индивидуальное, изъян слуха».

Конечно, дилемма «нравится — не нравится» содержит элемент индивидуального. Но дилемма «правильно—неправильно» поддается объективному решению. Всякий или не всякий многосерийный фильм можно назвать сериалом? Не всякий. В английском языке, из которого заимствовано это слово, есть два названия для многосерийных фильмов. «Терминологически» они разграничены: сериал (serial)—это многосерийный фильм, представляющий собой последовательный рассказ о событиях, фильм «с продолжением», а «серия» (series) — это фильм, в котором каждая часть представляет собой законченный эпизод. Другими словами, «Семнадцать мгновений весны» — это сериал, а «Следствие ведут Знатоки» — нет. Придирка? Не думаю. Раз уж нам понадобилось заимствовать термин, давайте пользоваться им терминологически, а не как бог на душу положит. Иначе для чего им пользоваться? Чтобы, как чеховский антигерой, «свою образованность показать»?

Вспомним, что В. И. Ленин предостерегал не только против употребления иностранных слов без надобности, но и против неправильного их употребления. Кроме общеизвестного примера с глаголом «будировать», можно процитировать также письмо Владимира Ильича к А. М. Горькому и М. Ф. Андреевой: «Я кстати по-итальянски начал учиться и, как учащийся, сразу набросился на написанный Марией Федоровной адрес: expresso вместо espresso! Девать сюда словарь!»

«Иностранцы» проникают к нам по двум основным каналам — научному и бытовому. Между ними есть существенная разница. Заимствованные научные термины вводятся в русский язык сознательно и поэтому преимущественно в правильной форме. Слова бытового круга проникают, или, скорее, вламываются, в наш язык нередко с помощью недостаточно грамотных людей, которые поистине не ведают, что творят. Иногда эти каналы курьезным образом пересекаются.

Одно и то же английское слово «nylon» (произносимое найлон) вошло в научно-техническую терминологию в форме «найлон», а в конфекционно-бытовую — в форме «нейлон». Орфографический словарь с академическим беспристрастием фиксирует обе формы, причем с ударением на последнем слоге: найлон, нейлон. В трехтомном Энциклопедическом словаре дается только «найлон» (простим нашим энциклопедистам пренебрежение чулочно-носочными изделиями!), но с ударением на первом слоге: найлон. Итак, у нас есть два написания и три произношения для названия одного и того же предмета, что приводит к странному положению, когда деталь машины и деталь женского наряда, сделанные из одного и того же материала, оказываются сделанными как бы из разных.

Еще пример из бытовой лексики. Такой удобный предмет одежды, как колготки, не имеет ничего общего с глаголом «колготиться». Слово это пришло к нам из чешского языка, где оно имеет форму «калготки». Хочется тоже закричать: «Девать сюда словарь!» Но увы! Орфографический словарь безмятежно фиксирует написание «колготки».

Интересно слово «э(к)спандер». Название этого гимнастического снаряда для растягивания происходит от латинского глагола со значением «расширять, растягивать». Его мы видим в таких словах, как экспансия, экспансивный и т. п. Но вот передо мной две коробки из-под этих снарядов. На коробке рижского завода стоит — «экспандер», на коробке московского — «эспандер». В нашей печати прочно утвердилось неразумительное написание «эспандер» — вероятно, по контаминации со словом «эспадрон», с которым оно не имеет ничего общего. Орфографический словарь хранит благоразумное молчание, видимо, по принципу «от греха подальше».

Как-то перед Новым годом я читала советы женщинам, как лучше одеться к этому торжеству. «Нарядно выглядят платья, — вещала статья, — украшенные поэтками». Поэтками? В смысле — поэтессами? Как известно, многие представительницы этой профессии весьма орнаментальны, но все же... Смущение рассеялось, когда я сообразила, что речь идет о блестках, которые по-французски называются «пайет» (paillettes). При желании можно назвать их «пайетками», но никак не «поэтками». С. Маршак спрашивал: «Не назвать ли нам кошку кошкой?..» Не назвать ли нам блестку блесткой?

Еще пример: читателю сообщается радостная весть: в Могилеве введен в эксплуатацию «комплекс филиментного производства» как часть первой очереди комбината синтетического волокна. Элемент «фило» («phileo» от греческого «любящий») хорошо известен: философия (любомудрие), библиофил (книголюб) и множество других. Но к «филименту» он не имеет никакого отношения. Речь идет о «филаменте» (filament), а это слово означает — что бы вы думали? — волокно. Филаментное производство (производство волокна) на комбинате синтетического волокна. Все законно, кроме орфографии.

По сообщению «Недели», в Научно-исследовательском институте физкультуры разработан метод прослушивания звуков, издаваемых работающими мышцами, — метод, который получил название «меофония». Меофония? Ну, хорошо, «фония» — это понятно, от греческого «phone» — «звук», как в «фонетике» или «какофонии». Но «мео»? Что такое «мео»? В словарях ничего подходящего. Единственное слово, связанное со звуком и начинающееся на «мео», нашлось в английском языке, и означает оно «мяукать». Мяукающие мышцы? Зарница! Мышцы. На «тео» надо искать, а «myo» — от греческого слова, означающего «мышца». Не меофония, а миофония. Мио, как в инфаркте миокарда, который можно легко получить, видя такие ученые словечки.

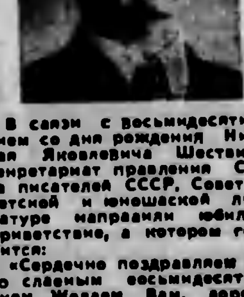
Заведующий кафедрой хореографии Московского института культуры жалуется на то, что на танцплощадках процветают «шейки» и «джейфы». Что за «джейф»? Вероятно, имеется в виду «джайв» (jive). Насколько я могу судить по словарю, это не танец, а стиль джаза. Но не будем спорить с кафедрой хореографии.

Для чего все это пишется? Для того, чтобы побудить наших ученых занять в вопросе о заимствованных словах более активную позицию. Не пора ли позаботиться о том, чтобы апробированная форма заимствованных слов устанавливалась не случайными людьми, а учеными и на основе научной, а не фантастической этимологии. Передадим и «колготки», и «эспандер» на вечное хранение в тот склеп, где вкушают вечный покой «спинжек» и «полуклиника».

Анастасия ПЕТРОВА, доцент

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Н. Я. ШЕСТАКОВУ — 80 лет

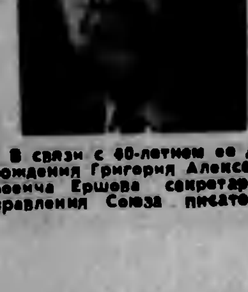


В связи с восьмидесятилетием со дня рождения Николая Яковлевича Шестакова секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по детской и юношеской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас со славным восьмидесятилетием. Желаем Вам, дорогой друг, здоровья, долгих лет, творческих радостей».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

Г. А. ЕРШОВУ — 60 лет



В связи с 60-летием со дня рождения Григория Александровича Ершова секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, критика и литературоведа, со знаменательной для Вас датой. Вы принадлежите к поколению тех, кто, едва закончив вуз, был вынужден взять в руки оружие для защиты Родины от фашистских полчищ.

Мы ценим Ваш многолетний труд по изучению и пропаганде творчества ряда крупнейших представителей советской литературы, среди которых — М. Пришвин и Н. Вирюков. Немало сделано Вами для популяризации и других современных писателей. Партийный подход к исследуемым Вами явлениям литературы, умение в своих критических работах соотносить произведения писателей с жизнью народа, живое, интересное изложение материала, публицистическая заостренность темы — это достоинства Вашего творческого почерка. Как вдумчивый редактор и опытный текстолог Вы принимали участие в подготовке многих изданий, составляющих золотой фонд нашей литературы.

Ныне в Союзе писателей СССР вы вновь по своим служебным обязанностям связаны с практической деятельностью издательств и печатных органов.

Вы постоянно участвуете в подготовке крупных литературных мероприятий и в повседневной общественной жизни аппарата правления Союза писателей СССР.

Скромный и отзывчивый товарищ, пользующийся уважением коллектива, принципиальный коммунист, писатель, сочетающий свой творческий труд с работой организатора, Вы счастливо встречаете свой шестидесятый день рождения.

Желаем Вам, дорогой друг, доброго здоровья, бодрости и новых успехов в работе и литературно-творческой деятельности».

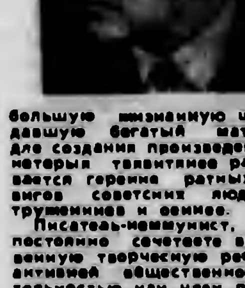
Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

И. И. РЯДЧЕНКО — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по украинской литературе и Комиссия по военно-художественной литературе направили Ивану Ивановичу Рядченко приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Горячо поздравляем Вас, известного поэта и драматурга, публициста, с 50-летием со дня рождения.

Участник Великой Отечественной войны, журналист, помощник капитана на судах Черноморского флота, ответственный работник Одесской киностудии и писательской организации, Вы прошли



большую жизненную школу, давшую богатый материал для создания произведений, в которых талантливо раскрывается героика ратных подвигов советских людей — тружеников и воинов.

Писатель-коммунист, Вы постоянно сочетаете вдохновенную творческую работу с активной общественной деятельностью как член правления СП УССР и председатель правления Одесской писательской организации.

От всей души желаем Вам, дорогой друг, крепкого здоровья, новых творческих успехов, большого личного счастья».

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Приношу сердечную благодарность всем товарищам, поздравившим меня с семидесятилетием и награждением орденом Октябрьской Революции.

Михаил СОКОЛОВ

Интересная молодая проза подрастает в Белоруссии!

В последнее время мне пришлось ознакомиться с книжными и журнальными публикациями Г. Давидовича, В. Карамазова, А. Жука. Радует в них пристальное внимание к народной жизни, к новым, социалистическим, общесоветским качествам человеческих характеров. Одобрения и поддержки заслуживает стремление молодых авторов к добротному, психологически верному, согретому лирическим чувством реализму, сочетающему точные жизненные наблюдения с беспокойными раздумьями о времени и человеке. Разумеется, при всем этом они — разные по манерам, кругу тем, к которым они обращаются (вернее было бы сказать — пока что обращаются, потому что этот круг, безусловно, нуждается в дальнейшем расширении).

Алесь Жук — самый молодой из них по литературному опыту: совсем недавно (в 1973 году) в Минске вышла первая его книга «Асеннія халады». Первая, им написанная уже достаточно уверенной рукой. Рассказ, давший название сборнику, дает хорошее представление о сильных сторонах дарования этого новеллиста. Заключаются они, как мне кажется, прежде всего в умении, видя естественную сложность и «пестроту» жизни, выделить и убежденно утверждать в ней то, чем по-настоящему сильны и славны наши люди, наше советское общество. Глубокая вера в нравственные силы человека труда позволяет автору сохранить светлость общего тона, высоту поэтического жизнеутверждения и там, где он, ничего не смягчая, изображает очень нелегкие, трудные случаи и драматические ситуации.

«Дебют» такого прозаика, как Алесь Жук, — заметная и знаменательная примета литературы наших дней.

Леонид НОВИЧЕНКО

Алесь ЖУК

Рассказ

ОСЕННИЕ

В КОНЦЕ ноября после непрестанных дождей нагрянули морозы: дни стояли солнечные, холодные и просторные, а ночами постреливали колья в заборах.

В среду после обеда Виктор Переход привез из больницы свою Вольку — Волечку, как говорили по-деревенски, которая родила близнецов — двух хлопчиков. А вечером почтальонка Таня, горбатенькая, в порыжевшей и вытертой плюшевой жакетке, принесла Виктору телеграмму от старшего сына — Павла, он работал в Литве на прокладке газопровода: приезжает на три дня перед уходом в армию.

— Что ж мы, Витик, делать будем? Надо бы людей собрать, проводы хлопцу устроить, да и отведки и родины справить... Я ж слаба еще...

— Почем знать. Не пропадем. Поеду завтра телка достану. Василь зарезать поможет, а Стефка с теткой Ганной состряпают. Нехай заодно будут и отведки, и родины, и проводы...

— Надо бы у тетки Ганны разузнать, а то, может, что не так.

— Спрошу.

— Чтобы не хуже, чем у людей. Ты ж, как звать будешь, к тетке Антосихе зайди, не забудь!

— Так она ж никуда уже не ходит. Агата ей и печь топит.

— Все равно зайди. Никто ее никогда не забывал.

В пятницу к вечеру старая Антосиха слезла с печи, потопала в сени, открыла зеленый, обитый по углам поржавевшим железом сундук, достала черную сатиновую юбку, белый фартук с оборкой внизу, бумазейную, в клеточку кофту и черный с выцветшими васильками вдоль каемки платок — весь самый лучший свой наряд, кроме, конечно, отдельно завернутого в узелок — на случай смерти. Там и новенькие тапочки, и материя, чтоб гроб обить, холсты, чтоб было на чем гроб опустить в могилу, и деньги, чтоб и кутью сделать, и поминки справить. Незачем Агате тратиться.

Она и так каждый день ходит Антосихе печь топить, варит обед, молоко приносит. А забирать себе пенсию, что дает старой колхоз, не хочет. И ее жизнь сложилась, как у Антосихи: Агатин муж на фронте пропал без вести. После войны все ждала, все надеялась, женихов отправляла, постарела, так и осталась одинокая.

Антосиха вышла в кухню, старательно умылась, переоделась, завязала платок, посмотрелась в осколок толстого, немного поцарапанного зеркала, лежавшего на столе и ровно покрытого пылью — давно не трогали.

Антосиха не ждала и не гадала, что Переходы пригласят ее на беседу, — она было захворала, да так, что на поправку и не надеялась. Поначалу Антосиха и не собиралась идти к Переходам, однако потянуло к людям, с которыми она прожила весь свой век, уважали они старую, дорожили ею. Захотелось посмотреть на Волечку — а то больше и не приведется, — Волечку, которую когда-то любил ее сын Петрок.

Волечка не забывала про Антосиху, пригласила ее и на свою свадьбу после войны, бедную угощением да и весельем — свадьбы тогда были без музыки, — так себе, посидели, потолковали...

Собралась идти Антосиха уже в сумерки, когда заманчиво-тепло засветились окна, вспыхнули в небе далекие острые звезды. И метался в обнаженных ветвях осин и вязов неумолимый осенний ветер, затихший было перед закатом солнца, а теперь бушевал, гудел, разгуливал вольготно по улице, подмерзшей и побелевшей, закручивал колючей пылью и снова подвывал, крутя в верхушках деревьев и устремляясь ввысь, и потом больше ничего не было слышно, пусто и глухо, и лишь легонькая ореховая палочка в руках у старушки гулко стучала по настывшей тропинке.

Окна Переходов светились неимоверно белым светом — должно быть, ввернули на вечер лампочку-«двухсотку»: еще с улицы она услышала, как шумит застолье, — успели уже гости не один раз поднять чарку, и той скованности, которая поначалу бывает за столом, как не бывало. Теперь каждый норовит что-то сказать соседу, говорили наперебой, а самые неугомонные не забывали себя — еще и еще подливали в рюмку.

Антосиха пошаркала, вытирая ноги о большой плоский камень, что лежал перед крыльцом, нащупала щеколду, приоткрыла дверь и, придерживаясь рукою за притолоку, тяжело переступила порог сеней, прислонила в уголок свою палочку, осмотрелась.

Сквозь приоткрытую дверь в хату она увидела, что и на кухне накрыли стол, — стало быть, большая собралась беседа. На кухне оставались те, кто совсем запоздал, да мужики — большие любители выпить: там-то, в хате, не разгуляешься. А тут, на кухне, вольготнее.

Сколько Антосиха помнит, так на каждой беседе выпивакн завсегда одни и те же. Их и прозвали «кухонниками».

Стефка, соседка Переходов, толстая, как печь, баба лет под пятьдесят, на диво подвижная и болтунья, выбежала из хаты с пустыми тарелками. Она, как никто, мигом может разнести по деревне любую сплетню, а еще ловчее накроет стол и беседу поведет, потому в деревне и не обходится без нее ни одно застолье.

— А мы уж думали, что вы и не придете, бабка! Добрый вечер! Заходите в хату, за стол садитесь! Волька, а Волька! Иди же сюда! — позвала Стефка и грузно, но проворно засеменила в кладовку.

Волька, что вышла на клич, обняла старую, поцеловала.

— Пошли в хату, мама! Чего ж вы тут стоите?

Волька помогла Антосихе раздеться, положила на кровать кожушок. Еще бледная с лица, по-девичьи тоненькая и хрупкая в своем свободном платье со сквозной застежкой, она выглядела удивительно слабенькой.

— Ты еще и не окрепла, голубка моя, в столько хлопот. Погоди же, покажи-ка мне сперва хлопчиков твоих, а тогда и за стол поведешь, — попросила ее Антосиха.

Волька помогла старой влезть на полок, где стояла покрытая байковым одеялом колясочка. В полутьме Антосиха с трудом разглядывала одинаковые нежненькие, еще

ВИЖУ МАЯКОВСКОГО

1. Последняя фотография, сделанная в Мексике перед въездом в США.

2. Маяковский у Бруклинского моста. На этой фотографии, которая сохранилась в архиве Д. Бурлюка, Маяковский написал: «Маяковский и Бруклинский мост — на родственных чувств и маму».

3. Маяковский на фоне небоскреба торговой фирмы «Вульворт» — тогда самого высокого здания (57 этажей). Один из последних докладов Маяковского в Нью-Йорке назывался: «Что я привезу в СССР». Маяковский говорил: «Мы приезжаем сюда учиться тому, что нужно, и там, как нужно для России... Америка для России — лозунг устройства советской индустрии, но американизм, как уклад жизни, для Советского Союза неприемлем».

6. Маяковский обозревает Нью-Йорк с крыши здания газеты «Уорлд». В этой газете 9 августа было опубликовано интервью с Маяковским, взятое писателем-коммунистом Майклом Голдом. В частности, в нем говорилось: «Индустриальный век — вот что хотел увидать Маяковский, приехавший несколько дней назад в Нью-Йорк. Маяковский — самый известный поэт Советской России за последнее десятилетие, голос ее новой бури...» В другом интервью Маяковский говорил: «Мы только начинаем. Каждый новый трактор для нас — целое событие... Новая электростанция — чудо из чудес. За всем этим мы пока еще приезжаем сюда. И все же — здесь скучно, а у нас — весело. Здесь все пахнет тленом, умирает, гниет, а у нас во всю бурлит жизнь, за нами будущее...»

«Писателям советую купить фотографические аппараты и научиться ими снимать». Это слова Маяковского. Он любил фотографию за ее оперативность, строгую документальность, видел большую возможность в использовании ее как средства массовой агитации, как художественную иллюстрацию. Однако при этом, прочитал я как-то в одной книжке, фотографироваться Маяковский не любил. Это, конечно, не так: любил и умел, то есть умел сохранять свою всегдашнюю естественность даже в те сложные моменты жизни, когда на человека направляется объектив.

Сегодня известно свыше 300 фотографий Маяковского. Правда, многие из них чрезвычайно низкого качества и не поддаются пересъемке и воспроизведению в широкой печати, есть и такие, которые не получили еще достоверной атрибуции. И все же по сохранившимся фотодокументам можно не только представить внешность Маяковского, но и увидеть его привычки, манеры, душевный настрой. Иначе говоря, глубже проникнуть в тот не только биографический, но и художественный образ, который мы называем «Владимир Маяковский».

Это и побудило меня после работы над книгой «В. И. Ленин в фотоискусстве» попытаться сделать фотомонографию о Маяковском. Сейчас работа над книгой «Вижу Маяковского» уже близится к завершению. Перед читателями и зрителями книги пройдет вся жизнь Маяковского, заключившаяся между первой его фотографией 1896 г. и последней прижизненной, снятой на выставке «20 лет работы».

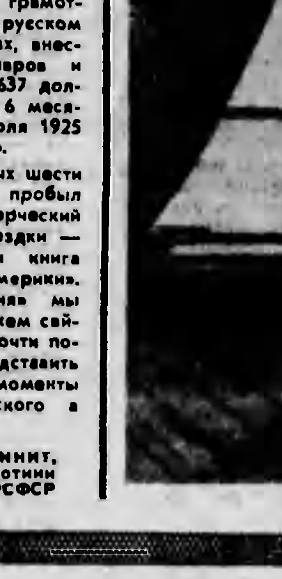
Трудную и увлекательную задачу представляет собой выявление фотографий Маяковского в иностранной периодической печати. Иной раз мы даже знаем, что, например, выходившая в Чикаго на чешском языке газета «Delnik» опубликовала в 1925 году перевод на чешский язык «III Интернационала», сопроводив его фотопортретом Маяковского. Знаем — а до сих пор не имеем. Что уж говорить о любительских снимках, хранящихся в частных коллекциях за границей!

До сих пор не известны широкому читателю и некоторые фотографии, связанные с поездкой Маяковского в Америку.

24 июля 1925 г. я консульстве США в Мексике Маяковский заполнил «заявление иностранца - неиммигранта» для временного въезда в Соединенные Штаты. Разрешение Иммиграционного отдела Департамента труда, по которому Маяковский въехал в США, гласило: «Маяковский Владимир, 30 лет, мужчина, художник, ростом 6 футов, крепкой комплекции, обладающий коричневыми волосами и карими глазами, принадлежащий к русской расе, родившийся в Багдади (Россия), проживающий постоянно в Москве (Россия), грамотный, говорящий на русском и французском языках, внесший залог 500 долларов и имеющий при себе 637 долларов для жизни на 6 месяцев, — может 27 июля 1925 года въехать в USA».

Вместо разрешенных шести месяцев Маяковский пробыл в США — три. Творческий итог заокеанской поездки — 22 стихотворения и книга «Мое открытие Америки». «Искусству мгновения» мы обязаны тем, что можем сейчас, по прошествии почти полувека, зримо представить себе некоторые моменты пребывания Маяковского в США.

Л. ВОЛКОВ-ЛАННИТ,
заслуженный работник культуры РСФСР



Вс. ИВАНОВ:

«ВСЕ ДЕЛО В ТАЛАНТЕ»

Вс. Иванов в течение долгого времени был преподавателем Литературного института имени А. М. Горького. Отзывы писателя на работы студентов Литинститута, хранящиеся в ЦГАЛИ, уже привлекали внимание исследователей точностью и своеобразием критических суждений.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей небольшую подборку «мемуарных» отрывков, извлеченных из развернутых критических отзывов Вс. Иванова. Подборку подготовил литературовед Е. ЦЕЙТЛИН (Омск).

Мемуары пишут, думая об итогах жизни. Может, потому Всеволод Иванов оставил нам так мало воспоминаний. До последних дней он жил в «настоящем времени», думал о новом: о новых романах, повестях.

А жизнь была прожита — удивительная, яркая. И воспоминания порой приходили сами собой, не давали покоя памяти. Так появились его грустноватые и мудрые «Встречи с Максимом Горьким», автобиографическая «История моих книг».

Иногда же воспоминания «врывались» в разговоры, письма, рецензии.

Вс. Иванов рассказывает о том, как впервые познакомился с тем или иным автором или книгой. И эта личная, почти интимная интонация проходит потом через весь отзыв, становясь своеобразным камертоном, гарантией искренности критика.

Иванов, например, пишет:

«Мне стихи А. К. напомнили стихи поэтов «Кузницы». И это приятно.

Мне всегда казалось, что «Кузница» должна иметь своих учеников. Авторы ее, — я был знаком почти со всеми, а с некоторыми и дружил, — были писателями, страстно влюбленными в жизнь, — и в заводскую жизнь в том числе. Разумеется, не все у них получалось хорошо, да и не могло получиться, — очень уж было велико задание, и мал опыт, и малы знания. Но стремления у них были похвальные...»

Сквозь призму лет все видится с поразительной ясностью...

В феврале 1921 года он приехал в Петроград с необычной командировкой сибирской газеты: «Направляется в распоряжение Горького». Приехал и своей шумной, почти не виданной тогда славе. Писал на обороте географических карт знаменитые «Партизанские повести». Новые знакомства, новые друзья. И вот через четыре десятилетия Иванов с удовольствием читает статью критика Л. О. об Илье Садофьеве:

«Я близко знал поэта Илью Садофьева в 1921—1922 гг. Я с ним часто выступал на ленинградских фабриках и заводах. Читал он великолепно — металлический, громыхающий голос, великолепная дикция, умение владеть аудиторией — успех он имел огромный. И с тех дней я сохранил об Илье Садофьеве самые прекрасные, самые возвышенные воспоминания».

Всеволод Иванов был редактором, литконсультантом, помогал многим молодым авторам. Сотни писательских судеб оказались в поле его зрения. И нередко старый мастер размышлял о закономерностях, парадоксах становления литературной индивидуальности.

В отзыве, с которым познакомится сейчас читатель, Иванов говорит о своей работе в созданном в 1922 году в Москве кооперативном издательстве писателей «Круг», где он был членом правления и редактором. Мало известно о деятельности Иванова в «Круге». Только упоминания об этом в «Истории моих книг», в письмах. Но в одном из черновиков мы встречаем такую запись:

«В «Круге» ко мне отнеслись хорошо, и я вообразил, что литература — это торжественно, а то и вприсядку радостный танец» (запись хранится в личном архиве Вс. Иванова).

Итак, спустя четыре десятилетия:

«Я закрыл рукопись В. К. с чувством глубокого разочарования.

В годы нэпа был такой писатель К. Он печатался в издательстве «Круг», и так как я был членом правления издательства, то познакомился с ним, читал его рукописи и кое-что даже правил в них. До литературной работы он был профессиональным боксером, рассказывал он о своей работе превосходно. Но, рукописи... читаешь его, бывало, и спросишь в негодовании:

— Как же это?! Рассказываете вы прекрасно, а пишете черт знает как.

Он разведет толстыми, мощными руками, весь покроется потом и ответит:

— Неучен. Поучиться бы мне.

В. К. — человек ученый, оканчивает Литературный институт, знает быт современных боксеров не хуже К., а результат тот же.

Быт изменился, а литература нисколько. [...]

В чем дело?

Думаю в том, что В. К. плохо учили и он сам плохо учился.

Раскрываю рукопись наугад.

Страница 89-я.

«Она свернула в сквер. Падал мягкий, пушистый снег. Нежно-серебристыми звездочками садился он на лицо, руки, кружился в воздухе. Было тихо и красиво. И с этой сказочной тишиной совсем не вязался суровый рассказ Соловьева...»

Штамп, штамп, штамп.

И так в каждом абзаце.

Рассказ постоянно сбивается на штамп сухого очерка, который мы называем «газетным».

Нет и попыток выйти из рамок этого очерка.

А между тем автор не без способностей. Кое-где у него даже наблюдается ритм. Правда, этот ритм похож на Чехова, не очень самостоятельный, но все же — это попытка найти что-то свое. Если б эти попытки были развиты, если бы автора научили бороться со штампом, унылыми, заезженными словами и фразами, если б ему разъяснили, что такое слог и язык писателя, может быть, он и смог бы написать тогда интересную и нужную повесть о советских боксерах и о советском боксе.

А пока «Легкая профессия» — только доказательство того положения, что профессия писателя отнюдь не легка».

Великая Отечественная война: недолгая пора эвакуации, будни фронтового корреспондента. Чем были эти годы для Иванова? В его дневнике мы встречаем записи, свидетельствующие о мучительных раздумьях, о трудной «переоценке ценностей». И вот одна из рукописей — повесть Цезаря Голодного «Одиссея Витьки Григорьева» — неожиданно возвратила писателя в то время. Пронзительно всколыхнула память.

«Читая повесть, — пишет Иванов, — я вспомнил дни эвакуации 1941—1942 гг., проведенные в Ташкенте, и легкая грусть овладела мною.

Бродя по заводам, которых тогда много было переброшено в Ташкент, по цехам этих заводов, которые были размещены как попало, собирая «материал» для статей, я много видел вот таких Витек Григорьевых, наблюдал их «Одиссеи».

Мне кажется, что Ц. Голодный хорошо справился со своей задачей. Конечно, хотелось бы, чтоб картина эвакуации была шире, краски гуще, — Ташкент тогда был очень своеобразен, — но надо принять во внимание, что само по себе положение Витьки с его несложным и простым кругозором не позволяет ему столь широко видеть жизнь, столь широко показывать ее, как нам это хотелось.

Ц. Голодный показал кусочек жизни — и показал талантливо. Очень трогает, например, сцена чтения письма от отца. Она вызвала у меня слезы. — Может быть, и оттого, что мои дети, жившие в те дни в Ташкенте, получали от меня такие же вот письма: торопливые, несвязные, полные любви, которую, в таких случаях, всегда трудно выразить. Кроме того, я знал поэта М. Голодного, — может быть, прототипа Витькиного отца, — знал его на первых шагах его поэтической жизни, — как и на поздних; знал и любил. Поэтому-то повесть и наполнила меня особым волнением...»

«...Вспоминаю случаи из литературы, — пишет он в рецензии на повесть Ю. И. — Однажды на заседании «Серапионовых братьев» выступал З. и читал нам доклад о Чехове. Он считал его плохим писателем. Он говорил, что мальчик в «Степи» совершенно не так видит мир, как описывает его Чехов. Он доказывал нам это с такой тонкостью, что я хотя и любил Чехова, но подумал: «Боже мой, как же я не видел, что Чехов не умел писать!»

Пришел домой, взял Чехова — оказывается, он все правильно написал! Все дело в таланте».

Иванов всегда восхищался волшебной, преобразующей силой таланта. Не без некоторого удивления он думал о том, что всякий настоящий писатель создает свой мир и эти миры часто различны или даже резко не похожи один на другой.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

В. А. ЖУРАВЛЕВУ — 60 лет

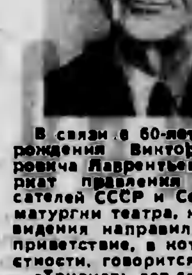
В связи с 60-летием со дня рождения Василия (Вильгельма Андреевича) Журавлева секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного советского поэта, с 60-летием. Вот уже 40 лет в нашей поэзии звучит Ваш задушевный лирический голос. Ваше творчество постоянно обращено к современности, мы высоко ценим Ваше умение своевременно откликаться на актуальные темы нашей жизни. Сколько поездок Вы совершили по стране, чтобы привезти лирические репортажи с новостроек и колхозных полей! Красота души трудового человека воспета в Ваших стихах, песнях и поэмах. Добрых слов заслуживает Ваша многолетняя, плодотворная работа в области перевода на русский язык поэзии наших братских республик.

Желаем Вам доброго здоровья, творческого горения, новых талантливых книг».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

В. В. ЛАВРЕНТЬЕВУ — 60 лет



В связи с 60-летием со дня рождения Виктора Владимировича Лаврентьева секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по драматургии театра, кино и телевидения направили юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Тридцать лет своей литературной деятельности Вы посвятили драматургии. Ваши пьесы снискали любовь многочисленных зрителей и получили высокую оценку художественной критики. Поднимая актуальные, жизненно важные проблемы сегодняшнего дня, Вы в своих произведениях стремитесь показать людей высокой нравственности и большого внутреннего богатства...

С уважением относимся мы к Вашей общественной деятельности, которую Вы вели на протяжении многих лет как член правления Союза писателей СССР, главный редактор журналов «Сибирские огни» и «Театр».

Примите наши искренние пожелания здоровья и новых творческих радостей».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

* *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ХОЛОДА

красненькие личики двух спеленатых малышей, у которых самая неотложная работа — спать крепко и сладко, причмокивать слабенькими губками да потягиваться, чтоб расти, расти! Антосиха нагнулась, перекрестила малышей:

— Хай іх бог сцеражэ, і добрую долю дае!

Она положила к ногам близнецов небольшие сверточки в пожелтевшей газете.

— Троха паркалнку малым. Ім же траба.

В горнице, как только вошла Антосиха, на миг затихли, а потом наперебой дружно загалдели в ответ: «Вечар добры!» И из гостей никто не думал, что придет Антосиха, которая, кажется, и сама не помнит, сколько прожила я пережила, чистая перед совестью и людьми, работящая и благожелательная.

Кто-то из молодых уступил ей место за столом.

— А я уже и помирать было собралася, да прослышала, что вы все разом сошлись, да и меня, старую, не позабыли, спасибо вам! Боялась не дойду, но пошла — малых благословить, большенькому счастья пожелать, да и вас всех не обидеть

Антосиха поклонилась, присела на лавку, смахнула слезу, растрогалась, что так ее встретили, усмехнулась благодарно и виновато:

— Будь она неладна, эта старость! Старое, что малое.— Оглянулась на Волечку, что сидела рядышком и всхлипывала. — А ты, голубка моя, чего эдак загоревала? Или деткам малым не рада, или старшой обидел, что высокий да статный вырос?!

Антосиха встала, подняла дрожащей рукой стопку:

— Не плачь, не горюнься, голубка! Пусть твои детки растут, как цветки, и людям на радость, и тебе на утеху, чтоб инженерами стали и родителей своих почитали! А твоему старшому усердно служить да генералом быть! И я за это выпью с вами, может, и напьюсь, но с ног не свалюсь, а то и еще буду пить и вас веселить!

Все выпили и разом заговорили, безалаберно, бурно, и забыли про старую и про то, что говорила она. И может, только назавтра на трезвую голову похвалят, а все равно вряд ли кто догадается, что благословляла она мысленно всех, кто собрался за праздничным столом, всех, кому еще дай бог жить—сколько ходить по земле и весной, и поздней осенью и видеть, как под окнами сначала зажелтеют рябиновые грозди, потом закраснеются, и на них ляжет после первой снежной ночи белый и легкий, как воздух, снег. Сколько лет глядела она на рябину под окном! А нынче она не зацвела и теперь стоит сухая и мертвая, с покинутым старым птичьим гнездом в когда-то густой кудрявой кроне.

— Спасибо вам, мама! Век бы вам с нами жить, и нам бы хорошо было! — тихо проговорила Волька, утирая слезы.

— Нет уж, голубка моя, до весны еще погожу, а то в мороз намучаются люди, пока могилу выкопают и хату навек построят. Весной до бога и пойду, по солнышку, в воскресенье, чтобы людям заминку не делать.

Антосиха говорила, а сама глядела на Вольку, глядела ясными глазами и думала: была б она ей невесткой, растила б внуков, и не было бы этой одинокой долгой старости, пустой и неприветливой хаты.

А женщины тем временем тихо и протяжно, как издалека, затянули такую старую, известную с давних девичьих лет песню, под которую печально плакалось и радовалось, а теперь хорошо и спокойно вспоминалось.

Сягоння тут, а заўтра ўеду
Будзеш, міла, прыпадаці да маего следу.
— Я й не прыпадала, прыпадаць не буду,
Я й не гаравала, й гараваць не буду.
Ой, на гары грачна, а ў даліне жыта.
Там ляжыць мой міланькі, там ляжыць забіты,
Там ляжыць забіты, ой, ляжыць забіты,
Чырвонаю кітайкай вочанькі закрыты...

...Муж Антосихи умер после николаевской войны — застудился в окопах, захворал, полтора года пролежал в Слуцком госпитале, с полгода дома, но так и не оправился после болезни. От него у Антосихи остались два хлопца, старший Андрей и младший Петрок.

С горем пополам перебивалась она с детьми, пухла с голоду, зимою ходила ломать забор на дрова: не на чем, да и некому было привезти на зиму топливо — все сама. И только когда начались колхозы, она воспрянула, зажила, как люди, и совсем легко вздохнула, когда стал трактористом ее Андрей — падкий до работы, а все волчком смотрит, как будто зло затаил на всех за обворованное детство.

Работал он споро, и достаток в хате был — дай бог каждому. А потом подрос и Петрок, окончил школу, дома остался, в бригаде. Был он красив: тонкий, высокий, кудрявый, веселый и на гармошке играть хваток был. Любили они друг друга с Волечкой Апанасовой — и на проводах, когда в армию уходил, Волечка сидела с ним рядом...

Не прошло и года, началась война. Андрей так и остался при доме. Убирал урожай, а потом колхозное добро делил, хоть Антосиха сильно бранилась за это. Взял он себе коня, корову с телушкой, отрастил бороду, гнал и носил продавать в Грезак самогонку, взялся возить лес на новую хату, да так и не навозил: полицаи цепляться стали, почти каждый вечер наезжали. Андрей сначала поил их, потом пристрастился — напивался и сам.

Однажды уехал он вместе с ними, вернулся домой через день пьяный, со связанными в простыне полушубками и дублеными овчинами. С того разу начал тащить в дом все — и материю, и сапоги, и одежду — и прятать в яме, которую выкопал в чулане под полом.

А тут пошли слухи про партизан: налеты на полицаев под Асавцом, у Буды устроили засаду — участкового коменданта убили. Ходили слухи, что и у них в деревне несколько раз побывали партизаны, хотя и была она далеко от леса, в поле.

В ночь под пасху кто-то тихонечко постучал в окно. Антосиха подумала, должно быть, Андрей — с тех пор как заговорили о партизанах, домой он стал наведываться тайком, по ночам. Она открыла сени и быстро шмыгнула в хату, зажгла коптилку и увидела прихрамывающего на правую ногу в черном полушубке и шапке ушанке мужчину.

И только когда свет упал на худое обросшее лицо с настороженными глазами, узнала в пришельце своего Петрока, заголосила и упала на колени, прижавшись к сыниным ногам...

После этой встречи Петрок стал чаще приезжать домой, оставляя коня на огороде в ольшанике. Случалось, с Андреем сталкивались, сидели за столом, ели — один из миски, другой прямо из чугунка — и ругались. Один звал отсидеться дома — не наше это дело воевать, другой — в партизаны, а Антосиха металась по двору — не нагрянули бы немцы или партизаны, то бежала в хату: боялась — перестреляются. Потом ходила кругом гумна, куда они шли спать — один в одном углу, другой — в другом. И там они не успокаивались, ругались насмерть, а она все ходила, ходила вокруг, упрашивала помириться — упаси господи, кто услышит!

В начале зимы Петрок приехал на санях, забрал все награбленное Андреем добро и увез в лес, своим.

А где-то через месяц, после февральской вьюжной ночи, Гришкова Ганка, которая ходила в Грезак к сестре, осторожно, с оглядкой направилась к двору Антосихи.

— Петрок-то твой, Антосиха, на Брановицких в кустах лежит, весь в снегу! И конь тут же топчется, мордой тычет!..

У Антосихи аж сердце оборвалось: вечером Андрей с дружком своим приехал, Михневичем, жалким рыжим человечком с вечно красными слезливыми глазами. Михневич до войны работал с Андреем в МТС, ездил на стареньком тракторе. У него была большая семья и на редкость сварливая жена. Михневич первым пошел в полицаи, сказывали, сам стрелял по ночам людей...

Он не лез в ссору братьев, пил самогонку и недобро посматривал на Петра — была и его доля в том тряпье, что прятал Андрей.

...Смеркалось. Антосиха вышла к хлеву, долго ходила вдоль стены, покуда не нащупала под снегом саночки, откопала их, сходила в хату, надела кожушок, перекрестилась и отправилась к Брановицким. Еще до колхоза там был хутор, теперь же лежат три громадных камня-валуна да буйно разрослись кусты крушины, барбариса и калины.

Она издали увидела коня: оседланный, он топтался на одном месте.

Петрок сидел в снегу, припав плечами к колючему барбарисовому кусту, без шапки, голова и лицо запорошены снегом, но не таял снег, не стекал капельками воды. Автомат так и висел на груди, зажатый одной рукой, другая держала за поводок уздечки, как будто присел отдохнуть, и только снег не таял, не таял на лице. И были истоптаны, изломаны кусты, тускло, недобро и печально блестели выбитые из-под снега лошадиными копытами стреляные гильзы.

Она не помнит, как втащила отяжелевшее сыновнее тело на саночки, откуда взялась сила дотянуть их по заснеженному полю до хаты. Останавливаясь передохнуть, видела, как спокойно, точно как когда-то маленький, сидит ее Петрок, только ноги тянутся по снегу, оставляя два глубоких следа, да мертвая рука не отпускает повода, и конь послушно идет следом, дрожа и всхрапывая от холода...

Вечером затопила печь, поставила греть воду, чтобы омыть сыновнее тело, хоть и не знала, как осилит одна, как будет хоронить...

Она не услышала, когда вошли в хату трое мужчин, не помнит, как старший осторожно отвел и посадил ее на лавку в угол под образа. Она сидела молча, скрестив руки на коленях, глядела, как одевали ее сына, как обернули в простыню и понесли.

Высокий мужчина в белом полушубке подошел, обнял за плечи:

— Не плачь, мамаша, мы за нашего Петьку...

Она ничего не сказала и уже не плакала, не пошла закрывать настежь распахнутые двери в сени, откуда тянуло холодом, только вздыхала и молчала, как земля...

Прыйшла яго міла, кітайку адкрыла,
Кітайку адкрыла, правей ручкай абняла
Дый загаласіла:
— Ці ж ты, мілы, упіўся, што з наня зваіўся.
— Я, міла, не упіўся, з наня не зваліўся.
Я па табе, маладзенькай, сільна, замурыўся.

Антосиха почувствовала, что в голове замутилось — в хате было душно, да и уморилась она, пока шла, посидела. Еще чего доброго, упадет в обморок, испортит людям настроение. Она потихоньку встала из-за стола, незаметно вышла в сени.

Надела застывший кожушок, долго застегивала пуговицы натруженными, непослушными руками, завязала платок, взяла свою палку и вышла во двор, в темень ночи, где все гудел и гудел ветер, покуда привыкли к темноте глаза, на ощупь шла вперед, тулилась ближе к забору и думала про Вольку, про ее детей, про свою сиротливую хату.

Андрея после войны осудили. Теперь он отбыл свое, вернулся, живет в Слуцке, ездит по деревням, свиней закупает, — отважился же быть на людях, которых когда-то грабил! Он и к Антосихе как-то приехал с женой, сухонькой мрачноватой женщиной, и хлопчиком, своим сыном.

Приехал на машине с высокими решетчатыми бортами — чтобы свиней возить.

Вечерело, по-летнему тепло, и слегка парило, как часто бывает в самом начале лета, пока еще земля влажная и зелень свежая и молодая, и пахнет зеленой росистой рожью, свежей пашней.

Она с огорода увидела — Андрей шел с улицы в белой рубашке, вытирая платком лоб и лысину, — а уж следом шла жена, держа за руку малого, шла боязно и неуверенно, и Антосихе стало жаль ее.

Она сначала стояла как вкопанная, растерянная и ошарашенная, потом спохватилась, быстро побежала через двор к крыльцу, захлопнула за собой дверь, громко жахнув задвижкой, немного постояла в сенях, вошла в хату и уже через окно смотрела, как Андрей все же дошел до порога, потоптался, даже за щеколду взялся — было слышно, как звякнул язычок, — сошел с крыльца, постоял на дворе, озираясь кругом и все вытирая платком лицо и голову, а потом по-старчески тяжело, малость косолапо, пошел за калитку, где все еще недоуменно стояла жена...

Больше Андрей не приезжал, прислал однажды двадцать рублей, да она отправила их назад, отправила потом еще два раза, и он перестал присылать.

Окна хат уже не светились. В темноте ночи шла одиноко старенькая женщина и вспоминала маленькие красненькие личики малюток, людей, которые не забывали ее, уважали и любили. И будь это днем, можно было б увидеть добрую и чуть печальную улыбку на ее лице и скупые слезы, что текли по морщинкам, — может, и от холодного ветра, который все время дул ей навстречу и наперекор которому она шла с вечною, как жизнь, материнскою добротою.

Перевела с белорусского Т. ЗОЛОТУХИНА

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Домашний экран настойчиво знакомит нас с одними и теми же персонажами, пока однажды не выясняется, что мы просто не можем без них обойтись.

С. МУРАТОВ

ПАРАДОКСЫ МНОГОСЕРИЙНОГО ФИЛЬМА

КТО НЕ ЗНАЕТ, как в свое время читатели заставили Конан Дойля оживить знаменитого сыщика и продолжить цепь его приключений? Им же обязан своей неспокойной биографией комиссар Мегре. Но то, что в истории литературы обычно приводится как курьез, на телевидении — заурядное правило. Зритель не позволит уйти с экрана персонажу, к которому он привязан. И если автор еще вправе сказать герою: «Я тебя породил», то добавить: «Я тебя и убью!» — он уже не властен: судьба героя находится отныне в руках телезрителей.

«УБЬЕТЕ ШУРИКА — ПРОДАЕМ ТЕЛЕВИЗОР!»

Более полугода в драматических программах польского телевидения действовал офицер-разведчик, герой военной приключенческой серии. По расчетам авторов, ему было суждено погибнуть после шестого выпуска. Однако, узнав об этом зловещем умысле, возмущенные до глубины души телезрители засыпали студию телеграммами, заявляя, что если герой погибнет, то они потребуют отозвать из сейма своего депутата, возглавляющего радио и телевидение. Благодаря их вмешательству герой не сходил с экрана на протяжении четырнадцати вечеров, а затем отснятых по ним восемнадцати фильмов. Название этой серии, как и имя разведчика, хорошо знакомо советским зрителям — речь идет о капитане Клоссе и фильме «Ставка больше, чем жизнь».

Подобные примеры в изобилии дает практика вещания самых разных стран. Болгарский фильм «На каждом километре», польский «Четыре танкиста и собака», семейные хроники «Что нового в семье Кооста?» в Эстонии и «Семья Петрайтисов» в Литве, драматические циклы Центрального телевидения «День за днем» и «Следствие ведут Знатоки» — все они были продолжены по настоятельным требованиям телезрителей. После восьмого выпуска «Знатоков», где, по воле авторов цикла О. и А. Лавровых, был смертельно ранен один из героев, студию забросали телеграммами: «Сделайте все возможное спасения жизни майора Томина», «Примите меры предосторожности против Лавровых», «Убьете Шурика — продаем телевизор!»

Драматург, рискнувший замахнуться на телесерию, внезапно обнаруживает себя в трагической роли Шахразады, вынужденной каждую ночь рассказывать шаху все новые сказки и таким образом заплатившей за освобождение выкуп ценою в тысячу и одну историю.

Так осуществляется один из парадоксов великого принципа многосерийности.

Между тем неискушенной аудитории этот принцип стал известен задолго до того, как его открыли авторы пьес и фильмов. Первыми постоянными героями на домашних экранах были дикторы и комментаторы новостей. За ними последовали персонажи из детских рубрик. А вскоре обнаружилось, что членами наших семей становятся и герои совсем иных передач. Домашний экран настойчиво знакомит нас с одними и теми же персонажами, пока однажды не выясняется, что мы просто не можем без них обойтись.

ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА...

Феномен достоверности — еще одна особенность ряда многосерийных фильмов, неизменно привлекающая внимание. Драматурги семейных хроник не устают удивляться тому, что зрители упорно принимают их персонажей за реально существующих лиц. Когда в болгарской телесемье Калинковых бессердечные дети отказались поселить у себя в доме их старую бабушку из села, на студию тут же пришли письма от зрителей, приглашавших бабушку переехать к ним.

«Как вам удается показывать людей таким образом, что они не знают, что их показывают?» — писали на студию поклонники семьи Кооста (эстонская семейная хроника «Что нового в семье Кооста?»). Даже после того как постановочный характер серии стал очевиден и уже начали публиковаться имена исполнителей, зрители упрямо отказывались поверить, что этой семьи не существует в реальной жизни. В праздничном номере центральной эстонской газеты было даже как-то опубликовано «семейное фото» Кооста с поздравлениями от благодарной аудитории.

Право, можно подумать, что в каждом зрителе спрятана неистребимая вера, которая в детстве убеждает нас, что Буратино и папа Карло так же реальны, как собственные родители. И, быть может, отвечая именно этой потребности, создатели серий прибегают к прямым репортажам, живым интервью и другим атрибутам эстетики факта.

Перед тем как начать работу, создатели чехословацкой серии «Три хлопца в хате» выехали в небольшое село, чтобы познакомиться с реальными людьми и проблемами. Подобные поездки они повторяли перед каждым выпуском. Таким образом в центре внимания все время были самые актуальные для деревни жизненные проблемы и характеры. Прототипом семейства Кооста послужила действительно существующая семья смотрителя маяка (профессия эта сохранилась и на экране), а первые темы были просто заимствованы из повседневного круга забот этого реального дома. Даже образы знаменитых польских танкистов и сюжеты серии были «списаны» с двухсот подлинных биографий участников битвы под Студзянкой, а кое-что использовано сценаристом — полковником Я. Пшимановским — и из собственного военного опыта.

Работа автора приближается здесь к таким условиям, когда драматург становится своего рода корреспондентом, а пьеса — драматическим репортажем.

Так, по мере того как мы все более пристально пытаемся рассмотреть особенности этого нового рода драматургии, перед нами раскрываются все новые ее стороны, не имеющие никаких аналогий в прошлом.

АНАЛОГИИ УХОДЯТ В СТАРИНУ

Любопытно, однако, то, что при первом же экскурсе в историю мирового театра и литературы стороны эти начинают внезапно у нас на глазах обретать знакомые очертания. В самом деле, к какой эпохе следует отнести рождение многосерийности? Не есть ли это традиционнейшая из форм искусства? Что такое «Одиссея» в «Илиада»? Многосерийный спектакль, исполнявшийся автором перед живой, реагирующей аудиторией в течение многих встреч. Прочитать «Илиаду» в первоисточнике означало бы в древнюю эпоху прогуляться вдоль свитка папируса длиной в полтораста метров. Современникам Гомера подобный способ знакомства не мог бы прийти и в голову — пройдет еще две тысячи лет, прежде чем литературное произведение отделится от своего исполнителя.

А мистериальный театр средневековья, когда гигантские спектакли, в рукописи равновеликие объему нескольких десятков сегодняшних пьес и насчитывавшие до полутысячи исполнителей, делились не на акты, а на дни представления, отведенные под карнавальные торжества? На них присутствовало все население города, прекращались всякие работы и торговля, запирались городские ворота и переносились часы церковных служб. Не правда ли, аналогия с телевидением здесь напрашивается сама собой?

Но обратимся к литературе нового времени — к Робинзону Крузо, который сыграл такую роль в европейской литературе. Как известно, автор, в то время меньше всего помышлявший о славе «отца романа», писал свою книгу с довольно прозаичной целью — заработать на жизнь. Успех произведения был исключительным. Уже через четыре месяца Дефо выпускает второй том приключений Робинзона, а еще через год на прилавках появляется третий. Вспомним также, что у героя был прототип — шотландский моряк Александр Селькирк, четыре года проживший в одиночестве на острове Хуана Фернандеса. Полагают, что Дефо посетил Селькирка по возвращении того в Англию и даже взял у него интервью. В известном смысле роман представлял собою «драматизированную хронику» (литературоведы обнаруживают в нем родовые признаки современной «деловой прозы», имея в виду обстоятельные описания, как выдолбить лодку, как построить дом, как посеять хлеб). Книга вышла без обозначения имени автора — у читателей не должно было возникать сомнений относительно подлинности записок. Робинзона сочли реально живущим лицом и настаивали на продолжении мемуаров, которое не заставило себя долго ждать. Правда, каждая последующая часть заключала в себе все меньше художественности и все больше дидактики, но нельзя ведь не заметить, что и эту черту иной раз заимствует телевидение.

Первый европейский реалистический роман был откровенно многосерийным произведением со всеми признаками, сопутствующими этому виду творчества.

Многосерийным произведением был и один из первых «романов с продолжением», публиковавшихся на газетных страницах,— «Три мушкетера» Александра Дюма. И цикл рассказов о первом классическом детективе, родившемся под пером Конан Дойля, «Лондон, Бейкер-стрит, 221-б, мистеру Шерлоку Холмсу» — до сих пор сотни писем ежедневно приходят по этому адресу, где волею судеб расположена сегодня мало кому известная строительная контора. К знаменитому сыщику обращаются с предложением заключить контракт на расследование преступления, предлагают выступить с лекцией, один американец попросил предпринять «что-нибудь против тех, кто угоняет самолеты».

А разве не уникальная многосерийная эпопея — «Человеческая комедия» Бальзака с ее постоянными персонажами, и не жанр семейной хроники предугадан хрестоматийным произведением Голсуорси? А многочисленные саги о семейных династиях Сарторисов, Снопсов и Маккаслинов, развернутые в многотомной антологии-панораме Фолкнера?

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА ИЛИ ПУБЛИЦИСТИКА!

Подобно социологам, все чаще прибегающим к «соучаствующему» наблюдению за жизнью так называемых малых групп — школьного класса, рабочей бригады, отдельной семьи, — телевизионные драматурги ведут репортаж о знакомом круге героев, всюду черпая для себя сюжеты, характеры и конфликты.

Вот сторож маяка Александр Кооста — типичный поморянин, понимающий шутку. По любому вопросу имеет мнение, которое не скрывает от окружающих. При случае не откажется от выпивки. Его жена Хильда, привыкшая с детства к несладкой жизни и окончившая всего шесть классов, мечтает дать детям хорошее образование. И поэтому, когда ее старшая дочь Марет внезапно решает бросить учебу в сельскохозяйственной академии, чтобы работать в соседнем колхозе (Марет кажется, что она напрасно выбрала профессию счетовода), дома тотчас вспыхивает скандал. Семейная баталия происходит на кухне — традиционном месте домашних бесед на эстонском хуторе: здесь и прядут, и стирают, и готовят пищу. Существует ли такая семья? Можно сказать и «да», и «нет» — утверждают авторы серии. Разве в десятках и сотнях других домов не возникают подобные же конфликты?

Дочь Петрайтисов Ниеле (литовская серия «Семья Петрайтисов») собирается замуж. Что лучше: устроить пышную свадьбу в духе добрых традиций или потратить студенческие сбережения на путешествие? А вернувшись из путешествия — жить с родителями или приступить к созданию своего домашнего очага? Перед зрителями — пьеса с открытым финалом. Пройдут еще месяцы — Ниеле закончит институт и станет учительницей. В доме появятся новые действующие лица — ученики и родители учеников. Кстати, муж Ниеле — актер, а это приоткрывает завесу над жизнью нового круга героев, причастных к искусству.

Возможность вести наблюдения за действующими лицами из месяца в месяц позволяет воссоздавать бытовую среду с дотошностью, незнакомой никаким другим формам дозкранных искусств. Перед нами своего рода «социологическая» драматургия. И хотя опрометчиво утверждать, что в искусстве количество переходит в качество, но нельзя отрицать и того, что качество подобного рода драматургии (хотя бы масштаб бытовой достоверности) обусловлено и количеством выпусков, и самой протяженностью жизни героев.

Ошибкой было бы думать, что проблемы, которые возникают в семейных хрониках, не выходят за пределы четырех стен. Как раз злободневность и подкупает в лучших из этих выпусков. «Сюжеты», возникающие в семейных хрониках, что называется, висят в воздухе. По существу, эти пьесы — комментарий на темы дня или даже дискуссия в форме драмы.

В семье Петрайтисов вышучивают недавний инцидент — торжественную церемонию по случаю открытия новой бани, дискутируют, надо ли молодому диссертанту продавать последнюю рубашку, чтобы устроить традиционный банкет, обсуждают и экономические проблемы.

Наименее увлекательное занятие подходить к такого рода произведениям с позиций: искусство они или не искусство? Перед нами прежде всего явление публицистики. И не усвоив этого, мы вряд ли в состоянии будем понять, чем объясняется такой ошеломляющий общественный резонанс.

ЭФФЕКТ ДОСТОВЕРНОСТИ

Кто не знает, как в мхатовских постановках на сцену вместо бутафорского реквизита вводились реальные бытовые предметы? Или как многие театральные режиссеры стремились вынести сценическое действие на натуру? Но мы также помним и неудачу, постигшую Станиславского, когда он попытался ввести в спектакль старуху-натурщицу. Достоверность реального поведения вступила в конфликт с условностью театрального действия. Между тем современный кинематограф не только стремится противопоставить «игре под хронику» «хроникальность игры», но и прибегает к прямому репортажному наблюдению («актер в неорганизованной среде»), а то и целиком предоставляет экран непрофессиональным актерам («Умберто Д.»). Та же тенденция находит свое развитие и в ряде телевизионных многосерийных фильмов. Ян Рыбковский, экранизируя «Мужиков» (по Реймонту), снимал не в декорациях, а в подлинных местах действия, использовал не театральный реквизит, а подлинные костюмы прошлого века, приглашал не статистов, а подлинных крестьян.

Обращение к прототипу не только на этапе сценария, но и на стадии постановки становится все более очевидным. Интервью, репортажи, документальные комментарии смело вводятся в теледействие. В «Операции «Трест» о своей судьбе рассказывает единственный из оставшихся в живых активных участников операции. «Рождается какой-то новый профиль творческой работы», — с известным удивлением замечает постановщик «Операции «Трест» С. Колосов.

Герои французской семейной хроники» Марк и Сильвия занимают более чем скромное положение на общественной лестнице: он — официант ресторана, она — домашняя хозяйка. Выступает же в этих ролях семья исполнителей, к тому же сам исполнитель — бывший официант. В известной мере на экране — художественная интерпретация собственной жизни.

Приближение натурщиков на роли постоянных героев усиливает аффект достоверности «хроники» в глазах телезрителей. Сценарии этих программ разочитаны на максимальную степень импровизации. Нередко авторы задают лишь границы темы — остальное «досочиняет» актер, исходя из собственного характера, привычной лексики и личного житейского опыта. «К характеру прототипа добавляется что-то от драматургического и журналистского осмысления материала, — свидетельствует один из авторов эстонской программы, — но и актер добавляет к образу какие-то собственные черты. Он играет и «прототип», и немножко «себя».

На экране не просто исполнители роли, но — что не менее существенно — исполнители собственной роли. Они играют не кого-нибудь, а самих себя.

Впрочем, все чаще они вообще не играют...

«ФЕНОМЕН достоверности» — лишь один из парадоксов многосерийной теледрамы. Не менее любопытный парадокс — «феномен художественности» в документалистике. Но это уже тема для особого разговора.

«Наш Лучо»

Фильм о коммунисте Корвалане

НАЧАТЬ рассказ об этом телевизионном фильме хочется с его последних кадров.

...Толпа чилийцев, окружаемая штыками солдат. Лимузин, провожает в последний путь Пабло Неруду. Скорбные лица. Поднятые аарх кулаки. Слезы. Проклятья убийцам великого поэта. И мелодия «Интернационала», звучащая здесь, а растерянная ухмой Сантьяго.

Так было — говорит этот кинодокумент поразительной драматической силы. И так будет. Ибо народ победить нельзя.

Так будет — говорит нам и сама жизнь человека, которому посвящен фильм, о чем которого с тревогой и надеждой прислушиваются сегодня на всех материках.

* «Его зовут Лучо» — В. Шрагин, [illegible] — Н. Кмит. Производство киностудии [illegible] Центрального телевидения.

Луис Корвалан. Или просто «наш Лучо», как с нежностью называют рабочие Генерального секретаря Коммунистической партии Чили. Сын неграмотной крестьянки и сельского учителя, он с самых ранних лет разделил судьбу своего обездоленного народа. Первые уроки классовой борьбы ему преподали бастующие шахтеры Лоту. [illegible] лагерь Писагуа [illegible] тофагасты. [illegible] лет Луис Корвалан руководит Чилийской компартией.

Кадры кинохроники запечатлели товарища Корвалана на трибуне сената, на съездах и митингах. Заучит призыв и сплочению рабочего класса, к созданию союза всех левых сил страны. Призыв к бдительности — буржуазия на сдаст своих позиций без боя.

Вот он в здании ЦК КПЧ напутствует [illegible], уезжавших руководить национализированными предприятиями. [illegible] в деревнях, где крестьяне [illegible] правительства Народного единства земли помещиков. Встреча с новоселами посреди земли Ленина... День [illegible]. Работа с 5 утра до [illegible]. Работа во имя того, чтобы люди труда жили достойной человека [illegible], чтобы дети их, наконец, познали радость детства.

[illegible] штыки хунты. «Пан Кентавр», [illegible] североамериканскими монополиями совместно с ЦРУ и направленный на свержение правительства Сальвадора Альенде, вступил в действие. Над Чили опустилась ночь фашизма. Пылают костры из книг. Началась [illegible] на людей.

[illegible] сентября солдаты хунты [illegible] квартире [illegible]. Его хотели [illegible] и следствия.

Но возмущение народов мира задержало руку палача...

Кинокамера переносит нас в маленький дом на улице Времен в Сантьяго, где несколько лет назад товарищ Лучо принимал корреспондента Советского телевидения. Знакомимся с его женой Лили, с тестем — 90-летним портовым рабочим Виктором Мартинье. Старшие дети — сын и дочь — коммунисты. Как и [illegible].

На просьбу рассказать о себе отвечает: «Я такой же чилиец, как другие. Коммунист среди других коммунистов».

Скромный, даже застенчивый, но предельно прямой в обращении с людьми, Луис Корвалан всегда найдет добрые слова, поможет в беде. Об этом с фильме тепло и проникновенно вспоминают его соратники — и друзья: — член Политического бюро ЦК КПЧ Володя Тейтельбойм, английский писатель Хосе Варас и Генеральный секретарь Социалистической партии Чили Маркос Альтамирано.

Сейчас товарищ Корвалан брошен в концлагерь на острове Досон, что затерялся в Магеллановом проливе близ Антарктиды. Его жизнь в опасности. Но дух не сломлен. Одно из его последних интервью дано под дулами автоматов. Спокойная, полная достоинства речь, несокрушимая уверенность в правоте своего дела. Эти слова знают сегодня многие: «Моя совесть спокойна. Я люблю свободу, но не боюсь тюрьмы. Я люблю жизнь, но не боюсь смерти, если придется умереть за справедливое дело».

О неистребимом стремлении к свободе и социальной справедливости одного из лучших и благороднейших сынов Чили рассказывает эта яркая публицистическая лента.

М. МАКСИМОВ

Скоро на голубом экране...

АКТЕРЫ И РОЛИ

Скоро на голубых экранах будет показан пятисерийный телефильм «Совесть», в основе сюжета которого — расследования преступления, совершенного в годы войны. Сценарий В. Ардаматского, постановка Ю. Квантарадзе. В картине заняты актеры Д. Щербаков, С. Мартынов, В. Сафонов, Я. Лумина и другие. На снимке: кадр из телефильма «Совесть». Уварда — Всеволод Сафонов.

К 150-летию Малого театра творческое объединение «Экран» готовит в содружестве с театром ряд телефильмов. Идут съемки фильма-спектакля «Старик» по пьесе М. Горького (режиссеры-постановщики М. Царев и В. Иванов). На снимке: кадр из фильма. В ролях — Элина Быстрицкая и Михаил Царев.

Для юных зрителей создается телецикл «Вот моя деревня». Сейчас режиссер Б. Дуров по сценарию Ю. Алешковского работает над четвертым фильмом этого цикла — «Голубые сыроежки». На съемках — артистка Валентина Телегина.

Фото И. и А. АГЕЕВЫХ

На съемках — Аркадий Райкин. Миллионы друзей его таланта, наконец, все без исключения «достанут билеты» и заполнят бескрайний «голубой зал».

Народный артист СССР Аркадий Райкин сказал корреспонденту «ЛГ»:

— Творческое объединение «Экран» Центрального телевидения снимает двухсерийный фильм под условным названием «Люди и манекены».

Это новеллы, монологи, сценки, из которых складываются программы Ленинградского театра миниатюр.

Перед нами стоит трудная, но интересная задача — перевести на язык кино и телевидения то, что мы делаем на эстраде при полном зале, глаза в глаза со зрителем, сохранить этот контакт и веселое настроение. В фильме принимает участие вся труппа театра.

Мы с режиссером Владимиром Храмовым, операторами Евгением Русаковым и Юрием Журавлевым многое пробуем, ищем новую для нас форму. Сплав кино, телевидения и театра миниатюр... Что получится из этого «скрещивания» — судить зрителю.

ВЕРНИСАЖ «ЛГ»

МЫСЛИТЕЛЯМ, БОРЦАМ...

В Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева экспонировалась выставка работ московского художника Юрия Могилевского.

В творчестве Могилевского мы часто встречаемся с образами трибунов революции, борцов, мыслителей. На выставке представлен крупноформатный портрет В. И. Ленина, зритель всматривается в лица Эрнста Тельмана, Мориса Тореза, Пальмиро Тольятти, Хо Ши Мина, Долорес Ибаррури, Джона Рида...

Кому не знаком черно-белый линогравюрный портрет Владимира Маяковского, созданный художником и ставший эмблемой театра, носящего имя поэта! Остропублицистичны, эмоциональны, лаконичны по изобразительной форме портреты Гоголя, Льва Толстого, Достоевского, Брехта. Неварочито и тонко художник применяет своеобразные пластические метафоры. Так, Невский проспект, по которому проходит Гоголь, уподоблен шеренгам солдат со шпицрутенами, казарменным плацам.

Б. БРЕХТ

На выставке показаны и театральные афиши Могилевского к постановкам пьес Маяковского и Брехта.

И. КУПЦОВ

Рис. Ю. МОГИЛЕВСКОГО

ПРОГРАММА МИРА — В ДЕЙСТВИИ!

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ДИАЛОГ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом Франции Ж. Помпиду — в центре внимания мировой прессы. Заявление Л. И. Брежнева для печати, касающееся встречи в Пицунде, а также его ответы на вопросы корреспондентов широко излагаются и комментируются всеми крупнейшими мировыми информационными агентствами, газетами различных стран мира.

Л. И. Брежнев счел своим долгом подчеркнуть, что советский народ всегда питал чувства глубокого уважения к французскому народу и что французский народ испытывал такие же чувства к советским людям.

Л. И. Брежнев уделил большое внимание совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе. Генеральный секретарь ЦК КПСС выразил убеждение, что главное направление работы совещания не подвергается сомнению и что сейчас этой работе нужно придать новый импульс.

«Юманите» (ФРАНЦИЯ)

Беседа Л. И. Брежнева с французскими журналистами свидетельствует о том большом значении, которое придают в Советском Союзе встрече с главой Французского государства.

«Насьон» (ФРАНЦИЯ)

Беседа Л. И. Брежнева с французскими журналистами носила характер свободного диалога.

«Фигаро» (ФРАНЦИЯ)

Новая франко-советская встреча проходит, по мнению информированных наблюдателей, в особенно важный момент международной жизни, и она должна принести пользу каждой из двух сторон. Советский Союз, очевидно, по-прежнему придает первостепенное значение политическому диалогу с Францией. Франция заботится о том, чтобы развивать политику разрядки напряженности с Востоком. Она считает также, что развитие товарообмена с СССР могло бы облегчить бремя дефицита ее платежного баланса, который можно предвидеть. Таким образом, заметно совпадение интересов.

Франс Пресс

Добрые отношения между Францией и Россией являются насущным требованием французской политики.

«Монд» (ФРАНЦИЯ)

Не вызывает никакого сомнения, что русские заинтересованы в поддержании хороших отношений с Францией, и наоборот.

«Орор» (ФРАНЦИЯ)

Встречи между руководителями двух стран стали традиционными. Они являются доказательством того, какие большие возможности раскрывает ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Очередная встреча Л. И. Брежнева и Ж. Помпиду дает реальные основания ожидать дальнейшего расширения и углубления сотрудничества между двумя странами в интересах мира и безопасности в Европе и во всем мире.

«Работническо дело» (БОЛГАРИЯ)

Новая советско-французская встреча в верхах — это продолжение полезного диалога, который принес уже немало конкретных результатов, благоприятных для дела международной разрядки и мирного сотрудничества между народами. Политика развития взаимопонимания и сотрудничества, проводимая этими государствами, представляет собой пример активного мирного сосуществования между великой социалистической державой и одним из крупнейших западноевропейских государств.

«Слово полшахне» (ПОЛЬША)

Нормальные советско-французские отношения, сотрудничество в области политики и других сферах рассматриваются как одно из самых главных направлений советской внешней политики, как один из факторов международной безопасности независимо от того, какие изменения происходят на международной арене.

«Непсабадшаг» (ВЕНГРИЯ)

Советский Союз и Франция показали и продолжают показывать всему миру, как два государства с различным общественным строем могут успешно развивать свои отношения на основе принципов мирного сосуществования и взаимной выгоды, в интересах разрядки напряженности и мира во всем мире.

«Нойес Дойчланд» (ГДР)

Встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с руководителями зарубежных государств всегда находятся в центре внимания мировой общественности. Это в полной мере относится и к нынешней его встрече с Президентом Франции Ж. Помпиду. Можно констатировать, что развитие сотрудничества СССР и Франции в международной области за последние годы принесло целый ряд полезных, положительных результатов. Об этом говорит, в частности, тот факт, что руководители обеих стран активно поддержали идею созыва совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а затем делегации этих стран внесли большой вклад в его успешное проведение. В экономических отношениях между двумя странами существуют многообещающие перспективы. Если имеющиеся возможности будут реализованы, то это пойдет на пользу не только обеим странам, но и всему европейскому континенту, поскольку сотрудничество — это лучшая основа мирного сосуществования.

«Лидова демократие» (ЧЕХОСЛОВАКИЯ)

Советско-французские экономические отношения вошли в последнее время в новую фазу для которой характерна совместная реализация общих проектов, базирующихся на долгосрочном сотрудничестве.

«Трибуна люду» (ПОЛЬША)

Советско-французское сотрудничество на практике доказывает возможность сосуществования государств с различным общественным строем. Это служит важным вкладом в дело укрепления мира на европейском континенте.

«Правда» (ЧЕХОСЛОВАКИЯ)

ЧИЛИЙСКИЙ ФАШИЗМ У ПОЗОРНОГО СТОЛБА

Плакат из журнала «Демократический журналист», издаваемого МОЖ

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

«Это — не краткая история путча и связанных с ним событий, не анализ его. Это — подборка свидетельств о гнусном насилии и страшных зверствах, с помощью которых фашизм завладел Чили. Это — живые показания о начале жестокой и подлой войны, которую, по диктаторскому приказу горстки преступников, военщина объявила стране и невооруженному народу».

Так характеризует содержание книги «Стадион» («Очевидцы о терроре чилийской хунты»), вышедшей недавно в ГДР, ее автор — известный чилийский журналист Серхио Вильегас. Он брал интервью в обстановке террора, преследований, обысков, расстрелов и облав, в дни, когда на улицах Сантьяго лежали горы трупов. По свежим следам событий записывал он взволнованные рассказы своих соотечественников, ставших жертвой кровавого разгула фашизма. И именно эти свидетельства придают книге особую впечатляющую силу, превращают ее в грозный обвинительный документ...

Книга «Стадион» была издана в ГДР в рекордные сроки. В знак солидарности с героическим народом Чили работники молодежного издательства «Нойес лебен» всего лишь за четыре недели перевели рукопись, отредактировали ее, набрали, напечатали и тут же выпустили в продажу. Вся прибыль от продажи книги будет перечислена в фонд солидарности с народом Чили.

Н. ВЕТЛОВА

ПРОДОЛЖАЯ ТЕМУ

«ТВОРЦЫ МНЕНИЙ», СЕЮЩИЕ СОМНЕНИЯ

Нам хочется поддержать еще одно выступление* бывшего видного американского дипломата Чарльза Йоста в пользу разрядки (на этот раз в газете «Балтимор сан»), а заодно и кое в чем ему возразить. Начнем с последнего.

Чарльз Йост аттестует себя как человека, который сладит за развитием советско-американских отношений на протяжении почти сорока лет. Надо думать, отношение советских людей к разрядке уже в силу этого ему прекрасно известно — неизменно позитивное и неизменно заинтересованное, оно продиктовано заботой о мире и безопасности всех народов. Но Йосту (тоже не из вторых рук) известно и другое — атмосфера подозрительности и бесконечные дебаты насчет разрядки у него в стране, частенько носящие откровенно провокационный характер. Рядовых американских «почемучек» он оставляет в стороне. Дабы уяснить, кто же в таком случае «поднимает» и что за «вопросы», вполне достаточно процитировать самого Йоста. Он прямо указывает на «творцов мнений», сомневающихся в том, является ли «реальной» разрядка напряженности, например, задающих вопрос, искренни ли русские или же они используют разрядку напряженности, чтобы замаскировать свои зловещие замыслы».

Мы понимаем, что, высказываясь с оглядкой на «творцов мнений», он все время не упускал из виду, сколь они если не всесильны, то влиятельны. Нам же ничто не мешает расшифровать псевдоним. К «творцам мнений» мы бы конкретно отнесли некоторых пишущих и глаголющих американцев, начиная с обозревателя Джозефа Олсопа, предлагающего заменить разрядку гонкой вооружений, и кончая профессором Гансом Моргентау, академически «солидно» объявляющим Советский Союз «ненадежным партнером» по разрядке. Между тем и другим в списке окажется еще не одна фамилия. Разными будут только амплуа, степени, оттенки, «колибр» — суть одна.

Не удивительно, что таких деятелей, как Йост, тревожат «препятствия, появляющиеся на пути к дальнейшему прогрессу» советско-американских отношений. Да, политика разрядки одержала немалые успехи, но мир еще далеко не спокоен. Правда, одно дело — объективные трудности, возникающие в самом процессе развития, и совсем другое — активное противодействие «творцов мнений», пытающихся не только бросить тень на разрядку, но и сорвать ее. Думается, что Йосту же в последнюю очередь заботят препятствия второго рода.

Он проводит аналогию с молодоженами, весьма отличающимися друг от друга по своим привычкам и темпераменту. «Единственная альтернатива, остающаяся у них: принять другого таким, какой он есть, или пойти на развод». Пример как будто бы не из той оперы. Но, приноравливаясь к мышлению известной части населения США (в чем беды нет, в нужда есть), Йост в такой форме пытается донести до аудитории важную мысль, а именно — нельзя, чтобы одна сторона ставила другой неприемлемые условия, тем более предъявляла и диктовала свои требования. Хотя «семейный пример» и упрощает мысль, вместе с тем он делает ее доступной широкому кругу американских читателей Йоста.

Следующие конкретные предложения Чарльза Йоста заслуживают того, чтобы привести их целиком: «В интересах обеих сторон уменьшить страшные опасности ядерной войны и дорогостоящее бремя вооружений. Взаимовыгодные соглашения по этим пунктам — дело трудное, но вполне осуществимое. В интересах обеих сторон уменьшить напряженность и военную перегрузку в Центральной Европе. Столь же осуществимым делом является взаимовыгодный торговый и научный обмен, если его тщательно спланировать».

Как видим, чем дальше, тем больше отставной посол и бывший делегат в ООН расходится с «творцами мнений». А его окончательный вывод лишь подтверждает это ощущение. «Ни одно из обществ не в состоянии путем военного, политического или экономического нажима... изменить основы другого общества, — подытоживает Йост.—Попытка сделать это означала бы не только конец разрядки напряженности, но и возобновление «холодной войны».

Правильно, господин Йост! Но как раз об «изменении основ» и мечтают «творцы мнений», или, как мы бы еще их назвали, «сеятели сомнений».

Верно, что только движение вперед «сулит прочную надежду» не разрядку. Но на этом пути «благоразумия и терпения» мало — нужна активная защита основных принципов самой разрядки.

От кого? Да прежде всего от тех же самых «творцов мнений», которых Чарльз Йост хотя и помянул, но так и не назвал. Впрочем, они сами что ни день стараются заявлять о себе не только громкими словами, но и кое-какими делами...

Юрий ЯРЦЕВ

* См. «ЛГ», № 3 от 16 января с. г.

СЕМЬ ДНЕЙ В МАРТЕ...

РЕПЛИКА

КОНФУЗ С ИНДИЙСКИМИ МАОИСТАМИ

В период «культурной революции» в Китае широко пропагандировали такой тезис Мао: «Все великие открытия были совершены молодыми малообразованными людьми». И повсюду: Ньютон был молодым и малообразованным, когда он увидел падающее яблоко и открыл закон тяготения. Вывод: прилежная учеба по специальности — буржуазно - ревизионистская выдумка; достаточно иметь правильное мировоззрение.

Очень был популярен этот тезис среди хунвейбинов!

Увы, подобные призывы к невежеству рано или поздно оказываются палкой о двух концах. Поучительный казус произошел недавно с маоистами в Индии. На днях было опубликовано сообщение о съезде их «партии». Начинается оно — с точки зрения «мировоззрения» — в правильных маоистских тонах: съезд, вещают его участники, «проходил под знаком победы учения председателя Мао», который именуется «освободителем всего человечества» (!); учение Мао «всесильно»: так, в Индии оно «стало учением нашего уважаемого руководителя», которому в свою очередь присвоен титул «бессмертного». Главная задача, которую поставил «бессмертный» перед единомышленниками, — «направить острие своего наступления на советский социал-империализм». Словом, все, казалось бы, разыгрывается по маоистским нотам.

И вдруг — о, ужас, трудно поверить своим глазам! — в «сообщении» появляется такая фраза: «Это был съезд победы правильной политики товарища Линь Бяо». Что за наваждение? Спустя два года после низвержения Линь Бяо, через год после публичного разоблачения его кошмарного «заговора против Мао Цзэдуна», к самый разгар безудержной и «всенародной» «критики предателя» — в это самое время появляются слова о «правильной политике» Линь Бяо?!.

Мало того. Характеризуя «программу» маоистской группки в Индии, «сообщение» подчеркивает: она-де является «единственно правильной программой на весь период народно-демократической революции в Индии, поддерживающей правильный тезис товарища Линь Бяо...» А заканчивается «сообщение» громкими звуками литавр: «Красный салют товарищу Линь Бяо! Да здравствует председатель Мао!»

В хорошую же лужу сели «верные последователи Мао» в Индии!

Как же это произошло? Ответ, на наш взгляд, прост. Видимо, организаторы проманиоистского «съезда» в Индии слышали, что в Пекине сейчас много говорят и пишут о Линь Бяо. Слышали они краем уха и о какой-то критике Конфуция. В чем там конкретно дело — разбираться не стали. Главное ясно: Линь Бяо критикует Конфуция... Стало быть — «красный салют товарищу Линь Бяо!».

...Страшно подумать, к каким последствиям для индийских правоверных маоистов может привести это роковое заблуждение. Остается уповать только на то, что в самом Пекине маоисты тоже не утруждают себя слишком долгим изучением того, что выходит из-под пера их «единомышленников» и «верных друзей». Главное — чтобы эти люди числились в их «сторонниках», в «верных последователях идей Мао». А если они говорят о Линь Бяо — это хорошо, это значит — поносят Линь Бяо...

Чтобы избежать впредь подобных конфузов, можно было бы посоветовать больше читать, больше знать. Но ведь тогда маоисты перестанут быть маоистами...

ЗА КУЛИСАМИ СОБЫТИЙ

СЛЕПОЙ В ТУПИКЕ

Если еще нужны были доказательства формальности буржуазной парламентской демократии в Израиле, то их явили нам события самых последних месяцев. Напомним, что срок полномочий кнессета прошлого созыва истек 28 октября 1973 года, а это означало и окончание полномочий утвержденного им правительства. С тех пор и до самых последних дней — то есть четыре с половиной месяца — у кормила власти в Израиле находился кабинет министров, который юридически был некомпетентен решать сколько-нибудь важные вопросы.

Между тем именно в этот период государство Израиль переживало (и продолжает переживать) серьезнейший политический, социальный, экономический и психологический кризис, вызванный крушением военно-стратегических концепций Тель-Авива в результате октябрьской вспышки военных действий на Ближнем Востоке. О глубине этого кризиса свидетельствуют хотя бы несколько приводимых ниже оценок (наудачу отобранных нами среди десятков других).

«Это был не просто удар, но удар из тех, что вызывают крушение всех привычных ценностей и вынуждают страну пересмотреть свое мнение о самой себе... Теперь, после войны, молодое поколение чувствует, что его представления о своем разрушены». (Лондонская «Таймс»).

«Мы были слишком высокого мнения о себе. Переоценивали свое могущество. Были уверены в том, что время работает на нас. Что мы навсегда останемся там, где остановились. Последняя война похоронила эту идею. Догмы рухнули, и под их обломками погребен престиж наших руководителей». (Бывший руководитель ВФТ Израиля «Гистадрут» Бен-Агарон).

«Нас кормили иллюзиями. Но вовсе мы учились драть, арабы научились дражаться... Меир и ее команда истощены, они — конченые люди. Ибо они всегда слушали лишь тех, кто им льстил. Надо выбросить «старые шляпы» и призвать новых людей». (Обозреватель израильской газеты «Маарив», отставной генерал Пелед).

Итак, по логике вещей, люди, политические концепции и расчеты которых столь очевидно провалились, должны уйти, особенно если учесть, что недоверие к ним проявилось и в результате парламентских выборов, проведенных 31 декабря. Не тут-то было! Вот как корреспондент Ассошиэйтед Пресс описывает, что он не войдет в новое правительство из-за критики в рабочей партии его методов ведения октябрьской войны.

20 ФЕВРАЛЯ. Меир умоляет Даяна войти в новый кабинет. Ей дана дополнительная неделя на то, чтобы представить министров кнессету...

23 ФЕВРАЛЯ. Меир отчитывает последовавший за выборами «медико-политический фарс».

1 ЯНВАРЯ. Результаты выборов показали, что рабочая партия Меир получила в парламенте 51 место из 120, потеряв шесть мандатов... Руководство партии признает, что в течение года, возможно, будут проведены новые выборы. Меир заболела.

11 ЯНВАРЯ. У Меир оказался опоясывающий лишай, вирусное заболевание, начавшееся накануне визитов Киссинджера в Израиль и Египет для выработки соглашения о разъединении войск...

30 ЯНВАРЯ. Меир официально начинает формировать новое правительство. Для этого ей отводится три недели.

17 ФЕВРАЛЯ. В Иерусалиме более 5 тысяч человек демонстрируют, требуя отставки Даяна.

18 ФЕВРАЛЯ. Даян сообщает представление своего нового правительства...

3 МАРТА. Меир сообщает, что она уходит в отставку и не будет возглавлять новое правительство...

4 МАРТА. Меир принимает предложение президента Кацира попытаться вновь добиться поддержки ее партией правительства меньшинства...

На этом хроника, составленная корреспондентом Ассошиэйтед Пресс, обрывается. Продолжим ее.

5 МАРТА. Даян заявляет о своем согласии войти в кабинет Меир, поскольку, по словам агентства Рейтер, он «понял, что должен сделать все, чтобы помочь Израилю». По словам израильской газеты «Еднот ахронот», Меир «прослезилась», узнав о решении Даяна, и сказала, что она «получила самый дорогой подарок из всех, которые ей когда-либо преподносили».

6 МАРТА. В формируемом новом правительстве главные министерства будут заняты теми же людьми, что и прежде. Одно из немногих изменений: пост министра юстиции вместо взбунтовавшегося еще в ноябре Шапиро займет Хаим Цадок.

10 МАРТА. Меир представляет новое правительство кнессету и заявляет, что об отводе израильских войск со всех оккупированных арабских территорий «не может быть и речи»...

Итак, все вернулось на круги своя. Закулисные торги, медицинские сводки, драматические заявления об отставках, слезы и «дар божий» в виде пришествия «генерала-мессии» понадобились лишь для того, чтобы убедить израильтян, будто нет иного выхода, как оставить у власти прежних людей и проводить прежнюю политику.

Невольно приходят на ум слова того самого Шапиро, которого Меир не включила в свое новое правительство. Он еще в ноябре прошлого года заявил: «Мира нельзя добиться без реалистического подхода к вопросу о территориях, а реалистический подход невозможен, если нет шансов на то, что с ним согласится другая сторона ближневосточного конфликта».

Сегодня должно быть особенно ясно, что попытки возродить старые методы диктата в отношениях с арабскими странами обречены на провал. Такие попытки, как заявил уже упоминавшийся выше обозреватель газеты «Маарив» Пелед, делают Израиль похожим «на слепого в тупике: он движется на ощупь или стоит в страхе оступиться».

Действия нынешнего руководства Израиля пока действительно напоминают такого «слепого в тупике». Даже по мнению симпатизирующих этому руководству западных обозревателей, выход состоит лишь в том, чтобы снять шоры и увидеть новую реальность.

Способны ли на это нынешние лидеры Израиля? Увы, судя по программному заявлению нового правительства Голды Меир, в этом приходится сильно сомневаться...

Анатолий КУРОВ

Памяти Сола Юрока

Как уже сообщалось, в Нью-Йорке на 84-м году жизни скончался известный американский импрессарио Сол Юрок. Руководитель Ансамбля народного танца СССР, народный артист СССР Игорь Моисеев, хорошо знавший Сола Юрока, снял о беседе с нашим корреспондентом Борисом Бурзиным.

— Весть о кончине Сола Юрока вызвала печаль в сердцах тех деятелей советской культуры, которые знали его как активного сторонника и организатора советско-американских культурных связей. В течение многих десятилетий он знакомил американцев с выдающимися русскими и советскими артистами. Именно он, в частности, первым организовал в Соединенных Штатах гастроли незабвенной Анны Павловой и великого Федора Шаляпина.

Много делал Юрок для укрепления наших культурных связей и во время совместной борьбы советского и американского народов против гитлеровского фашизма, и в послевоенное время. Во многом благодаря ему американские зрители могли рукоплескать в последние годы и балету Большого театра, и Московскому цирку, и таким крупным советским музыкантам, как Давид Ойстрах, Святослав Рихтер, Эмиль Гилельс и многие другие. Шесть раз за океаном с успехом гастролировал и наш ансамбль, причем каждый раз в успех этих гастролей Сол Юрок вкладывал свою лепту.

Противники международной разрядки пытались запугать Юрока своими террористическими актами (в результате одного из них, как известно, погибла секретарша Юрока). Но он твердо заявлял, что никто не сможет заставить его отказаться от благородного дела пропаганды советского искусства и его представителей среди американского народа.

Летом нынешнего года наш ансамбль собирается совершить очередную поездку по Соединенным Штатам. И мы считаем необходимым отдать должное памяти Сола Юрока, памяти человека, деятельность которого способствовала росту взаимопонимания и дружеских чувств между великими советским и американским народами.

ЗОДЧЕСТВО В ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ВЕК

Фото С. Лидова и А. Сутуса

М. БАРХИН,
доктор архитектуры

ГУЛЛИВЕР В ГОРОДЕ ВЕЛИКАНОВ?

РАЗМАХ УЛИЦ, ПРОСТОР ПЛОЩАДЕЙ: УДОБНО ЛИ ЗДЕСЬ ЧЕЛОВЕКУ?

ГОРОДА растут непрерывно и постоянно. Не успеют утвердить перспективный генеральный план, скажем, на 50—80 тысяч жителей, как жизнь тут же обгоняет эти цифры, и статистики регистрируют фактическую численность населения в 150—200 тысяч.

Мерами, которые мы все знаем, остановить этот рост пока не удается. Недостаточным оказывается лимитировать в установленных границах развитие промышленности. Наряду с ней появляются и другие факторы, не в меньшей мере определяющие рост города,— научно - исследовательские институты, организации по управлению народным хозяйством и т. д. И чем дальше, тем больше — в буквальном смысле слова всего в городе становится больше: возрастает норма жилой площади на человека; прибавляется удельная величина зеленых насаждений; увеличивается парк автомашин и, естественно, ширина улиц; неуклонно растет количество зданий общественного назначения... Появляются новые проспекты, площади...

ВЫШЕ, ШИРЕ, БОЛЬШЕ

Растут города. Растут дома в городах, все их параметры — длина, ширина, высота... Дом в двадцать, в двадцать пять секций, ставший обычным, достигает полукилометровой длины. Для «контрастности» архитектуры уже не хватает высоты соседних домов-башен в девять — двенадцать этажей — нужен жилой дом в 75, 100 метров высоты! В Москве, на проспекте Мира, 25-этажное здание все еще считается экспериментальным, а в Набережных Челнах запросто проектируются более высокие.

Растут размеры микрорайонов — с 6 тысяч населения они очень быстро дошли до 12—15 тысяч, а затем и до 20—50 тысяч человек в каждом.

А улицы? Они легко перешагнули привычные нам размеры. Вспомним, что восемнадцатиметровая улица Горького — главная улица столицы — в 1935 году была доведена до необычной тогда ширины — 42 метров. А вместо озелененного Садового кольца с двумя проезжими частями по 18 метров была тогда же создана общая магистраль в 90 метров ширины, которая казалась в те годы пустынным полем. В Москве построен проспект Калинина, шириной 100 м! И что же? Не успели москвичи и приезжие с ним освоиться, как улицы в 100—200 метров шириной сделались рядовыми. Именно такие магистрали появились в новых городах — Тольятти и Набережных Челнах. Какими же должны быть тогда площади — пересечения этих улиц? Эталоны архитектурных и градостроительных качеств—московская Красная площадь, Дворцовая площадь в Ленинграде, в Париже — площадь Согласия, в Риме — площадь перед собором св. Петра. Длина их достигает 300—390 метров при ширине 140—260 метров. Так ведь это величайшие и знаменитейшие площади мира! А в новых городах такие размеры стали поперечными сечениями улиц, соединяющих рядовые жилые районы...

Нужно ли это?

ПЕШЕХОДА НАДО ЛЮБИТЬ!

Предположим, что новые «габариты» улиц вызваны стремлением привести их в общие соотношения с огромными размерами городов, которые сейчас сразу проектируются на полмиллиона жителей, а то и больше. Для этого есть свои резоны — пропорциональность действительно основа основ архитектуры и, естественно, градостроительства. Дело только в одном: город-то строится не сам для себя. А человек, как биологический вид, уже многие сотни тысяч лет сохраняет свои основные размеры: не ниже полутора, не выше двух метров, не тяжелее 150 килограммов. Вся природа близка человеку — и трава, и злаки, и деревья. Даже просторы полей, даже озера и горы. Во всем есть элементы, родные и близкие человеку. Все осталось прежним, как в детстве человечества. И только сделанное им самим, вроде бы для себя самого — здания, улицы, город выросли и выбились из масштаба, стали несоразмерны человеку.

И теряется человек на огромных выровненных пространствах гигантских магистралей, перекрестков, площадей. Задирает голову, чтобы разглядеть не птицу, не звезду, не самолет, не спутник, нет — верх своего же дома, свой балкон, свое окно... С жадностью смотрит на противоположную сторону улицы — никак не перейти ее сквозь потоки машин, лавину транспорта, несущегося по пышущему летним жаром асфальту. Сотня метров отделяла меня в Тольятти от здания кинотеатра, стоящего на противоположной стороне улицы. Не я один, сам театр чувствовал свое одиночество, свою затерянность в этом суперпространстве.

Но, помимо внутренней, якобы необходимой соразмерности частей города (и соответственно ему «под рост» тянущихся домов, проспектов, перекрестков), эти проспекты, магистрали еще и вынужденно расширяются, должны расшириться, чтобы вместить все большее и большее число автомобилей, грузовиков, троллейбусов, автобусов. Уже не хватает старых сечений русла улиц, и надо делать их в два, три, пять раз шире. Улицы занимают непомерно много места, съедая наконец город. В Лос-Анджелесе семьдесят процентов площади города — улицы. Куда уж дальше?..

Количество машин растет, будет расти и впредь.

И тут надо серьезно и не так уж односторонне, как мы пытались сделать только что, разобраться все с тем же человеком. Человечество делится сейчас по признаку отношения его к автомобилю, очень грубо говоря, на две категории — пешеходов и водителей. В зависимости от того, к какой категории принадлежит в данный момент человек, строится и его «уличная» психология. Если он пешеход, то не выносит людей, сидящих в машинах, непрерывно стремящихся мимо него неизвестно куда, не дающих ему перейти эту злосчастную улицу. Но тот же самый человек, сев в машину, не выносит совершенно недисциплинированных пешеходов, не дающих ему возможности спокойно (относительно спокойно) ехать по отведенной ему проезжей части! Человек-пешеход вызывает раздражение и гнев человека-водителя.

Как же все-таки быть? Почти все уже убеждены, что необходимо дифференцировать улицы и площади, выделять в городе пешеходные зоны. Зоны, где человек сможет идти по всей ширине улицы свободно, как «царь природы». У нас в Москве есть издавна (помимо Красной площади) лишь одна доступная человеку мостовая — Столешников переулок... Маловато все же. Их должно быть все больше и больше, и размеры этих улиц следовало бы связать с привычными человеку масштабами.

Ясно, что в городах нужны и улицы другого рода — только транспортного назначения, сквозные магистрали с движением на больших скоростях. Тут — одни машины, идущие по разделенным трассам в одну и другую сторону. Никаких аварий на пересечениях — они делаются на разных уровнях. Никаких наездов на людей, потому что на таких магистралях не должно быть пешеходов. Никаких светофоров — все ясно, просто, безопасно (в каких-то пределах, конечно).

Но будут, наконец, улицы, на которых, хочешь не хочешь, должны встретиться пешеходы и машины. Это улицы парадные, торговые, учрежденческие, театральные и прочие. Как же здесь не спутать обе действующие силы?

Возникает логическая идея разделения движения по вертикали. И как будто правильно: отдать землю, земную поверхность пешеходам, а автомашины спустить под землю, в тоннели. Как раз такую схему предлагал читатель «ЛГ» инженер Гартинг, выступивший на одной из «архитектурных страниц» с полемической статьей «Транспорт — под землю, улицу — человеку!». Создается специальная «подземная урбанистика».

Тут вроде бы достаточно верно все. Кроме одного. Получается, что тот же пешеход, как только он сядет в личную машину или такси, должен спускаться вниз. Здесь для него хотят даже сделать подземные магазины, кафе, кинотеатры (им, дескать, все равно дневной свет не нужен).

Но не дико ли это? Ведь в машинах люди проводят много времени. И не видеть им ни неба, ни зелени, ни для них же сотворенной прекрасной архитектуры? Не слишком ли много берет на себя в ажиотаже молодости и новаторства эта подземная урбанистика? Много. И напрасно так много. Нелогично человека в машине заставлять ехать под землей, лишенным всех благ земной поверхности. Так же нелогично и пешехода заставлять при пересечении улиц и площадей спускаться вниз и пробираться на другую сторону по тоннельному переходу.

Есть, однако, и другие предложения по вертикальному разделению движения: пусть транспорт ходит не под землей, а, наоборот, поднимается над крышами зданий. Таких решений немало уже осуществлено. Надземные железные дороги в Нью-Йорке и Берлине. Надземные автомагистрали в Японии. Имеются подробно разработанные проекты монорельсовых дорог, поднятых на высокие опоры. В свое время английский архитектор Джеллико предложил всю систему транспорта перенести на крыши домов и назвал ее «Мотопией» («моторизованной утопией»). А вся земля для людей.

Сразу может показаться, что и это неплохо. Но думать о том, что вместо чистого неба мы будем видеть над головой сложную систему пересекающихся стальных или железобетонных, сплошных или решетчатых «улиц» с проносящимися по ним грохочущими составами или отдельными вагонами, просто страшно.

Нет. Нужно сделать город «человеческим» вне зависимости от его размеров, от количества автомобилей, от тенденций развития каких-либо иных видов транспорта. Поэтому мне кажется, что лучшим — во-первых, наиболее удобным, во-вторых, наиболее красивым, в-третьих, наиболее экономичным — является предложение, по которому машины остаются на поверхности земли (на улицах и под домами, стоящими на столбах), а пешеходы — на втором уровне, на тротуарах и переходах, поднятых над машинами.

ПОУЧИМСЯ У ПРИРОДЫ

Вернемся, однако, к главному вопросу, собственно, даже смыслу всей статьи.

Чем больше растет город, тем больше возрастает опасность потери им масштабности, соизмеримости с человеком. Но это город человека, и он должен быть человечным! Важно прийти к какому-то решению — что должно здесь сделать? Дома, конечно, не уменьшатся ни по длине, ни по высоте. Завоеванное не отдается обратно. А то, что архитектура завоевала большие длины и высоты, это правильно. И — неизбежно: нужно беречь землю, а для этого существует только один выход (при все возрастающих объемах строительства) — строить дома высокие, длинные и широкие. А земля — свободная, озелененная земля — пусть концентрируется в целостных, не раздробленных массивах.

Итак, что же получается: улицы огромной ширины, дома — огромных размеров, дворы — как площади, площади вырастают до размеров поля. (Лишь только поля сокращаются и сокращаются.) Будто мы смотрим на город в лупу — все пропорционально разрастается. Вроде бы Гулливер бродит по гигантским улицам города великанов, в королевстве Бробдингнега.

Как сохранить связь этого неизбежно нового масштаба города и всех его элементов с человеком? Как вернуть объективно разрастающемуся городу его человеческую сущность? Как прекратить чисто количественное изменение его структуры и образа? Как найти решение, способное дать качественно новое лицо городу, растущему, конечно, но растущему, оставаясь близким человеку?

Два пути видятся сегодня.

Первый заключается в уже давно известном, но мало все еще применяемом методе создания неких промежуточных элементов, стоящих как бы «на полпути» от человека к громадам основных зданий. Это своеобразные ступени к освоению возвышающихся домов-гигантов, как кристаллы, вонзающихся в небо.

Конкретные решения различны. Здесь и давние приемы создания соответствующих горизонтальных членений, своим пропорциональным строем связывающих здание с землей, с окружающей архитектурой, с человеком. Этот способ знали готика и Возрождение, старая русская архитектура колоколен и боевых башен кремлей и крепостей. Знали и использовали наши зодчие, возводившие высотные здания 50-х годов. Ярусность, уступчатость построения несли здесь свою службу масштабности.

Более современным можно бы считать иной вариант решения — наличие рядом с высокими сооружениями других зданий, меньшей этажности. Так сделан центр в городе Зеленограде. Так спроектирован перспективный район столицы Чертаново—Северное. Так великолепно организовано сочетание, соседство крупных зданий со зданиями малых размеров и даже с «малыми формами» — галереями, фонтанами, водоемами и т. д. в городах Навои, Шевченко. Это метод природы. Именно так образует она постепенные переходы от долин к предгорьям, а от них к вершинам горных хребтов и пиков. Элементы, похожие на то, что столь хорошо получилось в малых городах, появятся, надо думать, и в крупных. Я говорил о Навои и о Шевченко потому, что там все возникло целиком, всего за какие-то пять—десять лет. Вместе с зеленью и скульптурами сделано сразу, и это прекрасно.

Переходные элементы к реальному размеру зданий помогают ориентироваться в пространстве, придают человеку чувство собственной значительности, если хотите — героизируют его в собственном сознании.

И есть другой путь. Это метод интеграции городской среды, метод, при котором синтезируются все элементы, образующие город в его широком понимании, как среды обитания. Все то, что мы делаем в городе: и архитектуру, обеспечивающую материальную базу жизни; и цвет этой архитектуры; и дизайн, формирующий качества предметной среды, непосредственно человеком используемой в жизненных процессах; и монументальные скульптуры и росписи — средства в наибольшей степени способные «очеловечить» искусственно созданную окружающую среду; и, конечно, массивы зелени, воду, вообще естественный пейзаж, обеспечивающий необходимую человеку связь с живой природой; и элементы транспорта — не только движущиеся, но и магистрали, и свет, включая ночное освещение, рекламы...

Это путь более широкий, не исключающий первого, но более свободный — путь огромных перспективных возможностей, даже просто незаменимый для социалистического города, обязанного быть гуманистическим от начала до конца.

Как обеспечить задуманную интеграцию?

ДВА МАСШТАБА

Тут потребуется одно уточнение. До сих пор мы говорили о сомасштабности города и человека как индивидуума. Но это еще не все, надо помнить и о человеке — части коллектива.

Поэтому наряду с нормальными, «человеческими» улицами, какой раньше был Арбат старый, а теперь должен бы стать Арбат новый, то есть проспект Калинина, когда с него уберут транспорт и по всей его ширине можно будет ходить людям; наряду с «человеческими» площадями — вроде площади имени Островского в Ленинграде; наряду с такими и подобными им элементами города будут и очень большие, даже огромные проспекты и площади. Они нужны, эти социалистические форумы массового назначения, в том числе и в центрах городов, нужны, когда на улицы и площади выливаются демонстрации, карнавалы, народные гулянья. Здесь возникает новый масштаб, в другой своей сущности: по отношению не к отдельному человеку, а к целому обществу, к человеку в коллективе. И в соответствии с новым масштабом нужны другие соотношения, размеры, другие параметры улиц и площадей.

Нужны, конечно, и новые крупные градостроительные комплексы, и формировать их следует как укрупненные единицы восприятия.

Может быть, надо расшифровать мысль поподробнее. Что это значит — «укрупненная единица восприятия»? Прежде всего, она объединена не формально, а своим целостным содержанием, охватывая элементы жизни, труда, быта, всех других общественных процессов. Вообще-то такое предложение не является новостью: производственно-селитебные комплексные районы именно такую цель социальной суммированности и преследуют. Наоборот, новые единицы должны бы в такой район органически входить. Дело в другом: в том, что нужно всеми мерами выделить не столько их планировочную, сколько их архитектурно - композиционную роль для города. И это могло бы стать второй чертой «укрупненных единиц восприятия» — их композиционное значение, их градостроительная функция для создания образа города. Целостность позволит воспринять такой элемент и извне, и изнутри именно как структурную единицу.

Главное — это индивидуальность структурной единицы и одновременно ее массовость. Она придает городу новое качество, смягчая геометризм архитектуры. Она индивидуализирует город и вносит недостающую ему человеческую масштабность. Такие комплексы должны легко и просто восприниматься целиком и извне, и из их внутреннего пространства.

Почему не представить себе и современную архитектуру, в которой дом уже не самостоятелен, а лишь кусочек комплекса? Большого, сильно развитого, включающего и жилые огромные башни, и жилые же ломаного рисунка в плане ленточные дома; и более низкие, богато разработанные части комплекса общественного характера — театры, кинозалы, рестораны, клубы и т. д.; и производственные элементы «чистой» промышленности, не выделяющей ни малейших вредностей; и школы и детские сады? Все цельно, все живо, все разнообразно во всех направлениях. Такой комплекс вовсе не замкнут. Наоборот, это динамический организм, открытый для дальнейшего развития. Он буквально может «расти». Принесут к нему на вертолете целые большие новые части, потребовавшиеся во время его эксплуатации, части, сделанные из легких материалов, принесут и поставят сразу на нужное место.

Так может быть создана объемно - пространственная, сложная по назначению и по форме, с внутренними дворами, галереями, зелеными партерами и садами на плоских крышах, масштабная структурная единица города.

В этих развитых архитектурных комплексах будут органично, одновременно, совместно задуманные размещаться и комплексы скульптурные, вырастающие на стенах, из стен, на плитах дворов и наружных площадей, из воды бассейнов. Живопись на стенах и на малых формах, цвет самих стен, цвет домов и площадей создадут вместе с великолепной зеленью ту среду обитания, гуманистическую среду, находясь в которой человек поймет, для чего он делает свои города.

И эти комплексы, все волей-неволей, по существу своему разные между собой будут естественно «вырастать» из земли.

А где-то рядом, по прямым и кривым, точно рассчитанным трассам, будут проложены мощные магистрали, с круто завернутыми четырехлистниками развязок.

Но между такими большими новыми комплексами и ранее сложившимися частями города — историческими и современными — будут обычные, человеческие улицы. Обязательно будут и малые, уютные площади и скверы для людей. Но, как я уже говорил, будут и большие, социалистические форумы массового назначения.

Вот тут и возникает самый сложный вопрос. Совместимы ли названные мною два (по крайней мере — два) масштаба друг с другом? Совместимы ли соотношения человека с архитектурой, с произведениями монументальных искусств, сделанными для таких двух, казалось бы, разных целей? Как не подавить одного человека и служить одновременно огромным массам? Удастся ли в городе наложить масштаб человека и масштаб масс один на другой без вреда для каждого? Я думаю, что удастся.

В этом и будет мастерство градостроителя-архитектора, градостроителя-художника и скульптора, градостроителя-дизайнера, которые должны вот-вот возникнуть в этом своем новом качестве, а затем объединиться, чтобы город был одновременно и интимным, и общественным, и человеческим, и машинизированным. Чтобы каждый горожанин в отдельности и все люди вместе нашли для себя в городе жизненную среду, наполненную искусством во всех его проявлениях, нашли бы обстановку, удовлетворяющую всю сумму переплетающихся интересов, вкусов, нужд, потребностей.

И не столь уж и сложно все это сделать (так или как-нибудь иначе), если только решим сделать.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Пенистая влага из разбитой бутылки пролилась на бетонную плиту... Директор театра Н. Л. Дупак шампанским «освятил» первый камень фундамента. В двадцать первый век полетело зарытое в землю письмо; рядом с ним легла афиша с нынешним репертуаром Московского театра на Таганке. Здесь начато строительство нового здания театра. Каким оно будет? Наш корреспондент М. Подгородинков попросил ответить на этот вопрос главного режиссера театра Юрия Петровича ЛЮБИМОВА.

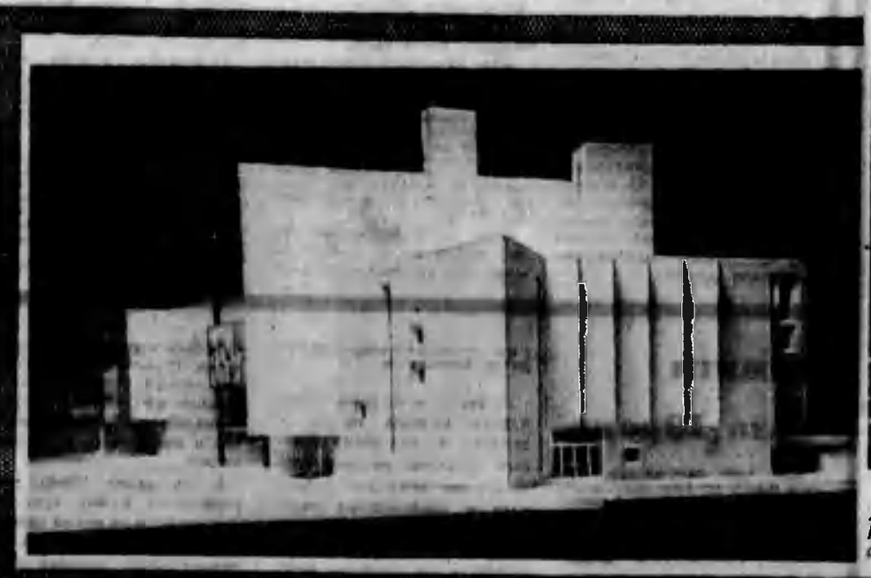
— Больше всего внимания мы уделяем конструкции будущей сценической площадки. Нам хотелось, чтобы она была предельно гибкой, легко трансформируемой, обладала бы широкими постановочными возможностями. Архитекторы вместе с нами нашли такое решение.

Размеры и формы сцены будут меняться с помощью разборных и подъемно-опускных секций-площадок. Сцена может обретать разные формы: охватывать панорамой значительную часть зала, стать своеобразным рингом в центре зала, выступом, ареной со зрительскими креслами на ней. Задняя часть сцены с примыкающими к ней артистическими помещениями может быть вовлечена в действие и создать многовариантный фон для появления актеров на любом этаже, для устройства балконов, лестниц и т. д. Даже внутренний озелененный театральный дворик мы намерены использовать для интермедий. А громадное окно-эркер откроет вид на улицу: городской пейзаж послужит своеобразным фоном для спектакля.

Словом, в новое здание нам хочется перенести все, что нажито театром за 10 лет, что соответствует его творческим, эстетическим принципам и традициям. Так, подвижный занавес на «Гамлета» станет уже конструктивной особенностью новой площадки и придаст ей еще большую мобильность.

Количество зрителей? Семьсот семьдесят девять — оптимальное число. Больше зрителей — меньше контакта. А контакт со зрителями — самое дорогое в театре.

К сезону 1975—1976 года, мы надеемся, новое здание украсит Таганскую площадь.



Авторы проекта: архитекторы А. Анисимов, Ю. Гнедовский, А. Ежеистов, В. Таранцев, С. Ульянова, инженеры Л. Аншин, Н. Герасимов, Н. Маров, Н. Петухова, сценограф В. Ганковский.

А. ЛИКАС,
председатель Верховного суда Литовской ССР

РАСХИТИТЕЛИ И «МОЛЧАЛЬНИКИ»

БОРЬБА ЗА СОХРАННОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ — ЕЩЕ ОДНА ВАЖНАЯ ТЕМА В ДИСКУССИИ «ЭКОНОМИКА И ПРАВО».

ПРИВЛЕКШАЯ к себе широкое читательское внимание дискуссия под рубрикой «Экономика и право» уже обнаружила отсутствие целого ряда правовых норм, которые создали бы надлежащую законную базу для экономического эксперимента, для успешного и оперативного внедрения в жизнь всех достижений научно-технической революции.

Это толкает порой хозяйственников на «обход» закона. Но непреложной должна быть истина: до тех пор пока закон не отменен, он должен неуклонно соблюдаться, и никакие соображения целесообразности, никакие, даже самые благородные, побудительные мотивы не могут оправдать отступление от закона. К тому же — и судебная практика свидетельствует о том достаточно убедительно — нередко обход закона начинается с «целесообразности» и ради «интересов дела», но постепенно, словно бы незаметно, перерастает в заурядное хищение, где «благородная цель» служит ширмой корыстолюбия.

Весь комплекс проблем, встающих за темой, которую в самом общем виде можно сформулировать как «крупное хищение», пока еще не стал предметом обстоятельного, острого, публичного разговора.

Писатели, публицисты, да и юристы, выступающие в массовой печати, обращаясь к теме борьбы с преступностью, проявляют обычно особый интерес к посягательствам на человеческую личность: на жизнь, здоровье, честь... Этот интерес понятен и оправдан: статьи, очерки по материалам соответствующих судебных дел не только привлекают читательское внимание необычностью и остротой сюжета, но — главное — помогают борьбе с отступлениями от норм коммунистической морали, борьбе за неуклонное соблюдение советских законов.

Однако есть такие судебные дела (их, к сожалению, немало), которым «повезло» гораздо меньше: о них пишут намного реже, скучно, без должной глубины и анализа. Потому, возможно, что и сама эта «материя» кажется скучной, для многих — почти недоступной, начисто лишенной «завлекательных» подробностей, захватывающих дух деталей.

А между тем дела о хищениях государственного и общественного имущества, и прежде всего о крупных хищениях, — это дела о наиболее опасных преступлениях, наносящих серьезный урон народному хозяйству и, значит, в конечном счете — каждому из нас.

Высший судебный орган страны уделяет этой категории дел большое внимание, сознавая, сколь велика роль судебных инстанций в борьбе с расхитителями. Дважды на протяжении года пленум Верховного суда СССР анализировал судебную практику по делам о хищениях, с тем чтобы обобщить ее достоинства и недостатки и выработать меры, направленные на большую ее эффективность в борьбе с этим злом.

Неотвратимость наказания — многократно доказанная опытом, надежнейшая гарантия реальной профилактики преступных проявлений. Едва ли где еще действенность этой гарантии была бы столь эффективной, как в сфере борьбы с хищениями. Если бы каждый раз за преступным проникновением в государственный или общественный карман следовала кара, многие попросту не отважились бы на такой шаг, и тем самым мы сохранили бы немалую часть народного добра от набегов хапуг. Это создало бы вместе с тем и такую общественную атмосферу, при которой расхитителям было бы не так-то легко втягивать в свои преступные сети различных пособников и посредников.

Между тем кара порой настигает опасного преступника далеко не сразу. Между началом преступной деятельности и ее закономерным финалом подчас проходит немало времени. Дело даже не в том, что из-за чьей-то «нерасторопности» преступникам иногда удается нанести весьма ощутимый урон, как сказали бы раньше, казне, а в том прежде всего, что порождает у иных неустойчивых людей убежденность в своей безнаказанности и тем самым способствует вовлечению их в преступную деятельность.

Беречь и приумножать социалистическую собственность не просто святой долг, но и конституционная обязанность каждого советского гражданина. Она конкретизируется, в частности, одной правовой нормой, которая, к сожалению, применяется гораздо реже, чем нужно. А между тем значение этой нормы — с точки зрения профилактики преступлений, успешной борьбы с ними, а главное, с точки зрения воспитательной, нравственной — едва ли можно переоценить.

Я имею в виду норму, которая предусматривает строгую ответственность в уголовном порядке каждого, кто, зная о совершении или хотя бы готовящемся крупном хищении народного добра, не сообщит об этом властям. Нужно сказать, что наш закон, щадя известную щепетильность, которая может быть присуща тому или иному гражданину, учитывая традиции и нравственные воззрения, существующие в той или иной среде, не понуждает средствами права к доносительству о любых преступлениях, оставляя решение этого вопроса на совести каждого. Но есть такие преступления, умолчать о которых не просто безнравственно, но и преступно. К их числу как раз и относится крупное, а тем более особо крупное хищение народного добра. Тот, кто знает о таком хищении и молчит, не только вступает в сделку со своей совестью и с господствующими в обществе моральными принципами, но и нарушает закон.

А часто ли таких «молчальников» привлекают к ответственности? Из судебных процессов известно, что путь к активному участию в групповом хищении бывает подчас длительным и как бы многостадийным. Сначала опытные дельцы искусно «обрабатывают» свои жертвы, исподволь раскрывая механизм преступления и суля «заманчивые перспективы» за помощь в «операции». И лишь какое-то время спустя, нравственно растлив новичка, они делают его «полноправным» и активным участником преступления.

Делают, кстати сказать, не всегда. Вовсе не каждый, по счастью, поддается противоправной обработке. Часто вступают в действие охранительные тормоза: страх перед разоблачением, потребность в «спокойной жизни», а то и более высокие мотивы — сознание недопустимости, бесчестности подобных «заработков». Потом, когда преступление раскрывается (а оно рано или поздно неминуемо раскрывается), эти люди предстают перед судом как свидетели, гордясь своей стойкостью, не давшей им пасть перед нажимом и искушением.

Что ж, это хорошо — то, что они не вошли в сговор с расхитителями, не стали участниками группы. Но ведь они тоже преступники! Они знали о совершенном или готовящемся преступлении — и промолчали, хотя обязаны были сообщить о том, что им известно. А часто ли в подобных случаях возбуждают дело, часто ли с достаточной тщательностью ищут и разоблачают всех знавших и промолчавших?

И уж куда опаснее, когда в роли «молчальников», то есть попросту укрывателей, выступают руководители учреждений, предприятий, хозяйств. Сплошь и рядом мы встречаемся со случаями, когда, зная о недостачах материальных ценностей, о различных махинациях и нарушениях, хозяйственные руководители не находят нужным передать материалы следственным органам. Почему не находят? Боятся вынести сор из избы? Или страшатся личной ответственности — общественной, административной? Или радеют «милым», «симпатичным» работникам, которые могут пострадать из-за их сигналов?

Сталкиваясь с подобными случаями, суды выносят особые определения, обращая внимание соответствующих инстанций на условия, способствовавшие совершению такого преступления, на все то, что мешало его своевременному разоблачению. Но достаточны ли меры, которые принимаются после получения таких определений? Не сводятся ли эти меры лишь к наложению взысканий на виновных, точно эти взыскания гарантируют нам впредь неуклонное соблюдение закона?

Могут возразить: сказанное выше — не главный способ борьбы с расхищениями социалистической собственности. Верно, не главный, но очень важный. Ибо все то, что способствует созданию атмосферы нетерпимости к расхитителям, помогает претворению в жизнь важнейшей задачи, поставленной XXIV съездом партии: «Общественное мнение надо более решительно направлять на борьбу с нарушениями трудовой дисциплины, стяжательством, тунеядством, хищениями, взяточничеством, пьянством».

Часто можно услышать: нужны новые — решительные, бескомпромиссные — методы борьбы с расхитителями. Нужны, конечно. Но использованы ли до конца старые, проверенные, бесспорные?

Судебная практика давно уже выявила одну малопочтенную закономерность: в группе расхитителей почти всегда находится один, а то и несколько человек, за плечами которых различного рода злоупотребления, связанные с использованием материальных средств, и даже судимость за корыстные преступления. Об этом так часто уже говорилось в печати, что повторять давно известную истину вроде бы неудобно.

Но приходится! Потому что с удивительным постоянством та же картина повторяется то в одном, то в другом процессе. Вот, к примеру, совсем недавнее дело: за хищения в особо крупных размерах были преданы суду работники бухгалтерии системы Министерства мясо-молочной промышленности Литовской ССР Мишявичене и Лосевичене. За короткое время по предварительному сговору они присвоили несколько тысяч рублей. В суде выяснилось, что обе были раньше судимы за хищение государственного имущества. Самое поразительное заключалось в том, что эта подробность их биографий была известна при приеме обеих преступниц на работу, но, как видно, не оказала ни малейшего влияния на администрацию.

Я далек от мысли ставить на отбывших наказание некое «клеймо» и требовать ограничений в их трудовой правоспособности, если эти ограничения не предусмотрены приговором или погашены давностью. Но если мы хотим всерьез лишить расхитителей благоприятных условий для разверты-вания ими своей преступной деятельности, то надо проявлять особую бдительность и осторожность при подборе кадров, работа которых связана с материальными ценностями. Ведь именно расхитители с опытом создают обыкновенно вокруг себя то «магнитное поле», которое притягивает к себе слабовольных, неустойчивых любителей легкой наживы.

Это, повторяю, давно уже замечено юристами, внимательно вглядывающимися в материалы соответствующих судебных дел, анализирующими эти материалы и делающими из них конкретные выводы. Но что могут судьи? Досконально вскрыть картину преступления, покарать виновных, принять меры к тому, чтобы государству был возмещен нанесенный преступниками ущерб. Наконец обратить внимание компетентных лиц на те недочеты, которые способствовали совершению преступления.

Устранить же сами недочеты судьи не могут. Это дело различных организаций и должностных лиц, которые призваны извлекать практические уроки из судебных дел и процессов — уроки не формальные, а по существу.

Какие же меры можно рассматривать как неформальные? Этот вопрос требует тщательного, всестороннего научного анализа. Рискну предложить две меры, которые заслуживают, на мой взгляд, обсуждения, хотя и не являются, очевидно, единственной панацеей.

Не следует ли ввести за правило организацию периодической аттестации работников, занимающих материально ответственные должности? Аттестационным комиссиям следовало бы, я думаю, обращать особое внимание не только на прошлое аттестуемого, но и на его деятельность по обеспечению сохранности вверенного ему имущества. Такого рода практика оказала бы серьезное дисциплинирующее влияние на работников, она создала бы в коллективе и благоприятную нравственную атмосферу, при которой каждый чувствовал бы свою ответственность перед законом, перед обществом, перед товарищами по работе, необходимость завоевать у них реальный авторитет, основанный на принципиальности, честности и порядочности.

И еще одну меру хотелось бы предложить: создание высококвалифицированного вневедомственного ревизионного аппарата. Практика показала, что ведомственные ревизии не обеспечивают действенного контроля за финансовой и хозяйственной деятельностью подчиненных организаций. Почему не обеспечивают — вопрос особый, но факт остается фактом: очень часто вскрытые следствием и установленные судом недостачи были «просмотрены» ведомственными ревизиями. И это надо учитывать, разрабатывая действенные меры по борьбе с хищениями.

Вероятно, могут быть внесены — и будут внесены! — и другие предложения, направленные на охрану социалистической собственности от посягательств расхитителей. Важно, чтобы эти предложения основывались на реальном анализе существующей практики, чтобы было проведено тщательное исследование экономических, организационных, правовых и иных причин, порождающих хищения и облегчающих расхитителям их преступную деятельность. И чтобы на основе этого анализа были сделаны выводы, обеспечивающие эффективность борьбы с хищениями — будь то «мелкие» или большие.

Потому что от эффективности этих мер в немалой степени зависит торжество норм коммунистической морали, одной из заповедей которой является честность, честность и честность.

Весенний мотив Фото А. КНЯЗЕВА

Майя БОРИСОВА

ПИСАТЕЛЬ ЧИТАЕТ ПОЧТУ

ТАЙНА

ПРИШЛО в редакцию письмо, а в нем — житейская история. Жил-был в одном из поселков Коми АССР тракторист, ну, скажем, Володя. Хорошо работал, жена у него — учительница, растили сына... И вдруг по поселку прошел слух, будто в юности этот Володя отсидел в тюрьме за довольно серьезное преступление. Слух, кстати, правдивый: так было на самом деле. Однако жена Володи, как оказалось, ничего раньше не знала, свое прошлое он от нее скрыл. Ну, а тут коллеги в школе взяли да и спросили однажды, правда ли, что она замужем за бывшим бандитом.

Хуже всего получилось с восьмилетним мальчиком, с сынишкой. Одноклассники устроили небольшой шабаш, прыгая вокруг перепуганного товарища, толкая его и выкрикивая в безудержном азарте, что отец его — убийца. Что его милиция ищет. С собаками. И не сегодня-завтра поймают и посадят.

В конце концов муж и жена вынуждены были уехать из поселка. Нового своего адреса они из предосторожности никому не сообщили.

Можно даже почесть так, что ничего особенно страшного и не случилось: семья не распалась, а переезд на новое место жительства — не бог весть какая катастрофа...

Но представим себе смятение и ужас молодой учительницы, сначала в атмосфере неясных, а потому особенно гнетущих любопытств и подозрений, потом — ошеломленность неожиданным открытием, необходимость отвечать на вопросы, задаваемые без всякого на это права... А мальчишка, внезапно узнавший, что его отца, уважаемого человека, передовика производства, которым сын привык гордиться, на самом деле якобы милиция с собаками ищет... А отъезд, «не сообщая никому нового адреса»... Это ведь рвущиеся живые связи, в том числе и необходимые, радостные, но потерявшие ценность оттого, что внезапно потеряно доверие ко всем людям без исключения. А опасливое, осторожное обживание нового места...

Да нет, что и говорить: беда случилась огромная, и вызвана она не стихийными силами, и естественное чувство справедливости требует определить виновного хотя бы в назидание другим, в предостережение, в урок.

И тут — ошеломляющая деталь. Судя по письму, большинство причастных к этой истории считают виновным самого тракториста Володю: зачем скрывал, почему не рассказал? А шила, как известно, в мешке не утаишь, вот и наказан теперь по заслугам.

Еще одна точка зрения: протрепался-то поначалу один, уж потом слух разнесли по всему поселку. Вот этот один и виноват. Хотя, помнится, никакого зла Володе он и не желал и выразился скорее в смысле положительном, вроде того, что, смотрите, мол, нет безнадежных людей: Володька, к примеру, бандит бандитом был, даже чуть ли не зарезал кого-то, а сейчас любо-дорого посмотреть — не пьет, на Доске почета висит, семья хорошая.

Нет, вряд ли его, протрепавшегося, можно считать главным виновником Володиной беды. На чужой роток, говорят, не накинешь платок, всегда, в любой компании может найтись человек, который не в состоянии представить себе, во что может вылиться его болтовня.

Кто же виноват? Виноваты, конечно, те, кто, услышав новость, не урезонил «информатора», а поспешил распространить сообщенные им сведения. Но ведь и они действовали не по злому умыслу или корыстному расчету...

Поэтому, наверное, точнее будет сказать так: виноват тот микроклимат, то состояние общественного мнения городка или поселка, при котором чужая тайна не уважается, право на нее каждого человека почитается сомнительным, а выдача тайны рисуется поступком не только не предосудительным, но и вполне допустимым и почти благим.

И не думаю, чтобы эта обстановка была исключительной принадлежностью маленького лесного поселка в Коми АССР. Не надо рыться в редакционной почте и организовывать тотальные социологические анкетирования, чтобы почувствовать: ориентиры в нашем отношении к личной тайне, к ее неприкосновенности нередко сбиты, смещены... Утверждение одного поэта: «У каждой женщины есть тайна. По крайней мере, быть должна» — привлекает, пожалуй, именно своей кажущейся парадоксальностью, хотя на самом деле оно просто справедливо. Зато другой поэт, несомненно выражая некое расхожее мнение, так прямо и рубанул по сомнительной моральной подоплеке тютчевских строк: «Молчи, скрывайся и таи...»

«Молчи»...
Зачем же мне молчать?
Я должен другу отвечать,
вся чувства
выражать вполне.
Вывает, возражать жене,
Вывает, спорить
и кричать...
А ты — «молчи!» —
Зачем молчать?..

Но необходимость, притягательность, закономерность тайного, сосуществующего с явным на равных правах, мы постигаем еще в самом раннем, дословном, почти безмысленном младенчестве. Хотя бы в процессе извечной игры в «тю-тю-а!». Помните? «Тю-тю»... — материнское лицо скрыто, спрятано. «А!» — лицо возникает вновь, дитя беззубо улыбается, радуясь неровному присутствию, но именно сочетанию скрытого и явленного. Затем — тайное наряжание елки, тщательно охраняемая до поры тайна подарков, потом и посерьезнее: «Ну, поплакала и хватит, давай подуем, где ушибла, и никому не скажем, а то бабушка расстроится, ей нельзя, она старенькая».

Но дети растут, тайны их взрослеют, и родителях и иных наставниках возникает недоверие, опасение. Им кажется, что в идеале они должны знать о ребенке, о подростке все, а то, что скрыто, скорее всего дурно. Да и потом — разве можно к тайнам детей относиться серьезно? Начинается мелкое, бытовое, неосознанное и оттого еще более опасное развращение сознания:

— Куда пошел Коля, не знаешь?

— Знаю, но я обещал ему, что никому не скажу.

— Ну вот еще, глупости какие! Он, видите ли, Коле обещал. Мама тебя спрашивает, значит, ты должен ей отвечать.

Обычно принято указывать на одну опасность, проистекающую из подобных ситуаций: подросток замыкается в себе, озлобляется, утрачено его доверие и так далее.

Но опасность кроется и в прямо противоположном. Вот сидят на лавочке в городском дворе три пожилые женщины, и голоса их в тихом вечернем воздухе свободно достигают по-летнему распахнутых окон. Двое жалуются на взрослых детей: такие скрытные, такие неоткровенные, зайдут — «да, мама», «все в порядке, мама», ничего о себе толком не расскажут, переведут разговор на что-нибудь другое...

— Ну, нет, моя не такая, — с гордостью заявляет Ольга Петровна. — Моя Люся до сих пор мне все-все рассказывает.

Собеседницы ей завидуют. Но я случайно знаю, как эта идиллия выглядит на деле. Люся — женщина решительная и взбалмошная, постоянно вступает в шумные и сложные конфликты с мужем, с родными мужа, с сослуживцами, с продавщицами, причем с ее молодой жизнерадостной души все эти конфликты в конечном счете — как с гуся вода. Но «отряхиваться» наедине она не умеет и не желает, волнующие перипетии и подробности обрушивает на старенькую свою маму, потом, освобожденная и полностью примиренная с действительностью, уходит. А Ольга Петровна не спит ночами, мысленно перебирает детали, додумывает ситуации, потом сосет валидол и умоляет соседей не говорить дочери о ее недомоганиях, чтобы та не волновалась.

А дочь тем временем становится понемножку опасной не только для собственной матери. Когда ей недосуг навестить старушку, она по привычке откровенничает с посторонними людьми, когда ей не хватает событий своей собственной жизни, она оперирует обстоятельствами жизней чужих. Всякие иные разговоры, не про себя и не про знакомых, кажутся Люсе формальными, не душевными. Если же ей попенять, зачем она выбалтывает чужие секреты, то Люся, пожалуй, обидится и ответит, что секретов она не выдает и то, о чем она говорит, «и так все кругом знают».

Это вот тоже весьма огорчительное свойство людей душевно туповатых, невоспитанных: им кажется, что «известное» и «выраженное в громком слове» — понятия почти тождественные. Я вспоминаю случай. Человек пришел в гости, в семью, глава которой болел тяжко и безнадежно и знал, чем болен. Знал, но скрывал это от жены и сына, жалея их. Они же в свою очередь знали все, но скрывали это от больного. Мало того, все трое подозревали, что страшная тайна — не тайна ни для одного из них. Но существующее положение, негласный уговор избавляли их, по первых, от необходимости вести тяжелые и бесполезные разговоры, а кроме того, дарили каждому пусть иллюзорную надежду: взвалив на себя, и только на себя, тяжесть трагического знания, на какое-то время оградить от него близких, дать им еще хоть немного пожить в относительном покое.

В эту семью пришел гость, поразился, с каким достоинством держат себя все участники приближающейся трагедии и... ляпнул какую-то все проясняющую и называющую «своими словами» фразу. Ответом ему стало молчание, три враз побелевших лица, затем он почувствовал, что пора уходить, а позже понял, что ему мягко, но решительно отказали от дома.

И человек этот ужасно обиделся! Он в недоумении жаловался общим знакомым на то, как несправедливо с ним поступили, ведь он же не выдал никакой тайны, там же и без него все всё знали, но предпочитали притворяться друг перед другом!

...Трудно переоценить нравственную пользу, какую принесли современникам и потомкам исповедальные повести Льва Толстого и Руссо. Но заметим — они сами приоткрывают завесу, сами рассказывают о себе. И не нужно быть специалистом - искусствоведом, чтобы понять: одно дело — смотреть на портрет женщины в ночной сорочке и со свечой в руках, а совсем другое — разглядывать женщину в полночь сквозь замочную скважину, хотя бы и была она в той же сорочке и с той же свечой...

Мне известен случай, когда излишне пристальному вниманию подверглось письмо сугубо личное, мало того — некоторые строки пишущая в свое время тщательно зачеркнула, зачернила. Но теперь появилась возможность отдать письмо в криминалистическую лабораторию и там — слава науке! — просветить инфракрасными или еще какими-то пронзительными и разоблачающими лучами.

Криминалистика — наука уважаемая, могущество ее неоспоримо, методам ее дай бог и далее совершенствоваться. Но давайте все-таки не забывать: раскрываемые ею секреты принадлежат либо людям, которые утратили право на тайну, совершив преступление, либо тем, кого как раз раскрытие секрета может спасти от гораздо худшей беды. Наверное, для пользы науки необходимо читать зачеркнутое, выяснять скрываемое, «вычислять», кто есть чей прототип и кто — истинный адресат любовного послания. Но в многотиражных публикациях подробностей, которые неизбежно выглядят пикантными и удовлетворяющими не научную любознательность, а обывательское любопытство, согласитесь, есть что-то неопрятное...

Что же все-таки побуждает человека выбалтывать чужое сокровенное? Какая сила его, грубо говоря, тянет за язык? Личные наши секреты, кого они могут украсить? А их раскрытие — кому придать вес? Самое забавное, что болтуна, сплетника, переносчика сомнительных новостей даже те, кто слушает его взахлеб, не уважают. Зачастую даже брезгуют им слегка. Но, став обладателями волнующей тайны, спешат сами оказаться в роли такого вот переносчика. Зачем и почему?

Наверное, именно не «зачем», а «почему». Не столько «с целью», сколько «по причине». А причина та, что чужая или даже своя тайна — тяжесть. Откровенная Люся торопится переложить свои тайны на плечи старенькой мамы. Тому, «изначальному» дяденьке из лесного поселка Коми АССР, который непоправимо отягчил жизнь тракториста Володи и Володиной семьи, скорее, всего невмоготу стало носить в себе особое свое «знание», и он выложил его, облегчив себе душу.

— Знаешь, — говорит женщина, — я все-таки скажу сестре своей Елизавете, что ее муж однажды изменил ей с ее же лучшей подругой...

— Зачем ты ей это скажешь?

— А не могу я глядеть на то, как они втроем сидят, разговаривают, будто и не было ничего!

Я не могу глядеть. Мне это тяжело. Мне это ложится грузом на сердце, на память.

А ты не бойся. Не торопись избавляться от ощущений, переживаний, мыслей, лишающих тебя душевной неги, нравственного комфорта. Подумай о тех, на кого собираешься обрушить свою откровенность. Поставь себя на их место. Не жалей на это своего воображения. И могу открыть тебе один секрет: в это самое время дано будет тебе совершать труднейшую, необходимейшую и благороднейшую работу самовоспитания.

Но как же различить ту грань, за которой простое и необходимое сокрытие переходит в злостное укрывательство? Как отличить тот случай, когда чужое вмешательство безнравственно и вредно, от того, когда оно полезно и необходимо? Как поступать в том случае, когда дал обещание хранить чью-то тайну и вдруг чувствуешь, что молчание твое вступает в конфликт с твоей совестью, с теми нравственными устоями, без которых твоя жизнь — не жизнь, а ты сам — уже не личность? Все это так трудно учесть, соразмерить...

Правильно, трудно. Но в том-то и состоит отличие человека душевно богатого, щедрого от человека душевно слепого и примитивного: в том, что он не пугается лишней тяжести для своей души, лишней работы...

Результаты этого труда неизбежно проявятся. Сам процесс: усилия, метания, срывы, заблуждения, преодоление себя во имя себя же — это ведь тоже чаще всего наша тайна...

МНЕНИЯ

НАСУЩНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ДНЯ: УРОКИ ЭСТЕТИКИ — ДЕТЯМ И ВЗРОСЛЫМ!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ — ЭТО БОИ БЕЗЫДЕЙНОСТИ, БЕЗДУХОВНОСТИ И МЕЩАНСТВУ

ИНТЕРВЬЮ ЛГ

АККОРД И УТЮГ

Вся атмосфера нашей жизни насыщена заботой о детях, о формировании разносторонне развитой, гармонической личности. Важную роль играет в этом и эстетическое воспитание. Повсеместно наряду с общеобразовательными школами существуют различные художественные и музыкальные школы и студии, охватывающие миллионы детей. В них шлифуют таланты, учат понимать и любить красоту. С первых же лет существования Советской власти наше общество не жалело усилий на эти благородные цели.

Эпоха научно-технической революции, затронув все области жизни, коснулась и этой. Сегодня можно утверждать, что эстетическое воспитание должно решить новые важные социальные задачи...

Возможно, возникнет вопрос: чувство прекрасного, знание законов эстетики — так ли это уж важно именно сегодня, в эпоху научно-технической революции, когда от человека требуется так много специальных знаний, профессионализма, умение организовывать, управлять, производить!..

Почему с этим вопросом корреспондент «Литературной газеты» обратился не к писателю, или художнику, или музыканту, а к заместителю председателя Госплана СССР, председателю Научного совета по проблеме «Техническая эстетика» Госкомитета Совета Министров СССР по науке и технике Михаилу Евгеньевичу РАКОВСКОМУ, читатель поймет из публикуемой ниже беседы.

М. Раковский. Первый вопрос задаю я сам. Вы приходите в универмаг и в отделе готового платья видите два женских костюма примерно из одного и того же материала: один костюм нашего производственного объединения «Большевичка», другой — польский. Какой вас как покупательницу заинтересует больше?

Корреспондент. Наверное, импортный. Вероятно, он будет элегантнее и более модным.

М. Раковский. Вот это нас и огорчает. На складах скапливаются тысячи непроданных костюмов отечественного производства. Давайте посмотрим, как рождается костюм. Модель предложена художником и одобрена худсоветом. Она поступает в производство, или, как у нас еще нередко говорят, в «массовку». В этом процессе участвуют уже не художники, а люди других специальностей, далекие от эстетики, — технологи, раскройщики, швеи, гладильщики.

Если бы всем технологам с детства специально прививали понятие изящного, они и нитки подобрали бы лучше, и пуговицы красивее.

Если бы все швеи с детства усвоили законы гармонии, то они не искажали бы порой замысла художника-модельера.

Если бы все гладильщицы с ранних лет обладали развитым эстетическим вкусом, то они своей глажкой довели бы этот костюм до совершенства.

Корреспондент. Вы своим ответом предвосхитили первый мой вопрос, который я хотела вам задать: какая связь между эстетическим воспитанием и экономикой, планированием промышленного производства? А эта связь должна, очевидно, быть, раз вы, заместитель председателя Госплана СССР, являетесь одновременно и председателем Совета по эстетике...

М. Раковский. Безусловно, такая связь есть. И я вам уже показал на простейшем примере, что при прочих равных условиях вещь более красивую создадут люди эстетически воспитанные. У нас еще, к сожалению, широко бытует мнение, что эстетическое воспитание не имеет прямого отношения к социальным и профессиональным ролям человека в обществе, а потому дело частное, семейное. Между тем эстетическое воспитание — это проблема общей культуры, отношения человека к людям, к природе, к своему облику и, главное, к труду. Нет такой профессии, где бы чувство прекрасного было ненужным, излишним.

Корреспондент. Но ведь это все же задача не профессионального обучения, а педагогики...

М. Раковский. Да, педагогики раннего, самого раннего возраста. Современные исследования психологии показали, как необычайно важно раннее эстетическое воспитание ребенка. Психологи отметили, что все без исключения дети в возрасте до 5—7 лет необычайно одарены. Именно в этот период закладывается фундамент будущей личности, ребенок в эти годы усваивает все легко и естественно, без особых усилий со стороны взрослых. Позднее же, после семи лет и дальше, многое становится для педагогики именно проблемой.

Психологи отметили, что в детстве и в начальные школьные годы почти все дети хорошо лепят, великолепно рисуют. Все дети поют, танцуют... А потом все это куда-то исчезает. Вы думаете, это естественные, закономерные потери, как говорится, «уходит с возрастом»? Нет, это всегда издержки воспитания. Для педагогики задача не дать «улетучиться», исчезнуть, потеряться тому, что уже было заложено в ребенке самой природой, не менее важна, чем задача что-то в него привнести извне, чему-то научить. Это все знают — и родители, и воспитатели, но на практике часто забывают. Сегодня, в эпоху научно-технической революции, такая забывчивость особенно нежелательна. Ведь в итоге ребенок вырастает эмоционально и эстетически глухим человеком. Мне кажется странным, что реформа начальной школы почти не приняла во внимание предметы эстетического цикла.

Корреспондент. Но ведь в школе введен новый предмет — эстетика. Можно сказать, что «лед тронулся»...

М. Раковский. Лед, конечно, тронулся. Но почему курс эстетики ввели с 7—8-го классов? Ведь детям к этому времени уже 14—15 лет. Слушать курс эстетики будут и те дети, для которых искусство с ранних лет стало потребностью, и те, кого оно вообще не касалось. Наконец, почему, признавая полезность и необходимость такого предмета, как эстетика, его ввели в школе факультативно? Это значит, что посещать занятия по эстетике не обязательно и отметки по этому предмету не выставляются. Лишний урок в школе — это миллионные затраты. Какова же будет от них отдача?

Правда, надо отметить и положительный момент: Институт художественного воспитания Академии педагогических наук только что начал эксперимент в области музыки и изобразительного искусства. Тема эксперимента: как эти предметы надо преподавать в средней школе? В эксперименте участвуют Союз художников СССР, Союз кинематографистов СССР, ВТО, Союз композиторов СССР. Эксперимент завершится к 1980 году. Но как плановик позволю себе заглянуть вперед. Итак, через шесть лет эксперимент будет завершен, будут созданы подробнейшие программы по эстетическому воспитанию и разосланы в школы. Но кто будет их осуществлять? Ни в одном педагогическом вузе нет факультета, который готовил бы учителей, способных работать по этой программе.

Корреспондент. Ну, а если вернуться к сегодняшнему дню?

М. Раковский. Сегодня далеко не обо всех выпускниках школы можно сказать, что они способны глубоко ценить и понимать прекрасное.

Корреспондент. И тогда вчерашние десятиклассники приходят в промышленность...

М. Раковский. Совершенно верно! Тут пробелы в эстетическом воспитании часто и оборачиваются низким качеством выпускаемой продукции...

Полагаю, что не грех внимательно ознакомиться с формами и методами эстетического воспитания подрастающего поколения в других странах. И не вредно перенять все хорошее.

Корреспондент. Может быть, вы приведете примеры?

М. Раковский. Приведу примеры, которые мне кажутся наиболее интересными.

Например, система народных школ искусства в Чехословакии. Таких школ очень много. Они для всех детей. Преподают там только художники-профессионалы. Чешские художники сделали чудеса, преобразив за короткий срок художественную атмосферу в школах. Опыт чехов перенимают в Румынии и Польше.

Мне также кажется интересной работа Югославского педагогического центра развития художественного воспитания в Загребе. Он разрабатывает систему художественного воспитания школьников в связи с большой общей проблемой: «Искусство, труд, окружающая среда». Там тщательно продумывается целый комплекс мероприятий, которые должны сопутствовать учебному процессу по художественному воспитанию: и то, какими должны быть в школе мелки, пеналы, рабочие папки и фактура бумаги, альбомы, мебель...

Или, например, Япония. Японцы стремятся дать на мировой рынок продукцию наивысшего качества, и поэтому они с самых младших классов школы все обучение пронизывают элементами дизайна: в детстве японские школьники тщательно изучают цветовую гамму, искусство пропорции. Кроме того, у Японии следует поучиться созданию материальной базы учебного процесса.

У нас, как я уже говорил, эксперимент по эстетическому воспитанию проводится Институтом художественного воспитания при помощи творческих союзов страны, которые пока и взяли на себя заботы по обеспечению экспериментальных школ всем необходимым. Пройдет несколько лет, и, надеюсь, новая программа станет осуществляться в масштабах всей страны. И окажется, что, во-первых, некому ее осуществлять (Министерство просвещения не начало подготовку кадров учителей эстетики), во-вторых, негде (нет кабинетов художественного воспитания, и они не планируются во вновь строящихся школах), в-третьих, нечем (маломощна материальная база). И здесь я как плановик обращаюсь к Академии педагогических наук и к Министерству просвещения. Давайте вместе продумаем и решим эти проблемы, чтобы важнейший эксперимент не остался только экспериментом!

Корреспондент. Михаил Евгеньевич, что вы думаете по поводу проекта американцев провести всеобщую перепись населения в области художественной подготовки?

М. Раковский. Это будет не перепись. Если перевести поточнее, то проект называется «Национальное обследование и общегосударственное изучение уровня общеобразовательного прогресса». Я считаю, что этот проект заслуживает пристального рассмотрения.

Корреспондент. Может быть, вы расскажете подробнее...

М. Раковский. Решив провести обследование всего населения страны с точки зрения его художественной подготовки, американцы на протяжении последних 8—10 лет разрабатывают подробнейшую социологическую анкету на тему «Каким вы видите художественное образование своих детей?». В комиссии по составлению вопросов этой анкеты участвуют губернаторы штатов, президенты колледжей, главы крупнейших промышленных корпораций, трестов, банков, директора школ, институтов, начальники школьных округов, председатели родительских комитетов, родители. Окончательный вариант социологических анкет будет готов в 1974—1975 гг., и тут же начнется обследование.

Корреспондент. В чем цель этого опроса?

М. Раковский. Цель деловая: определить некий средний уровень потребностей населения США в художественном образовании. Их специалисты по планированию промышленности и экономики также получат важнейшие данные.

Корреспондент. Какие же из всего сказанного вами надо сделать выводы?

М. Раковский. Прежде всего, надо сделать общий стратегический вывод: перестать считать, что эстетическое воспитание — дело, далекое от производства, от развития экономики, а потому второстепенное по сравнению с задачей непосредственной подготовки кадров разных специальностей. Наша стратегия в области эстетического воспитания должна преследовать цель не одного лишь формирования способности чувствовать и понимать прекрасное, но и умения творить прекрасное. Наделенный эстетическим чутьем мастер просто не может плохо, неряшливо «сработать» вещь. Поступить так ему не позволит именно чувство прекрасного.

Кстати, скажу несколько слов о ставшей уже крылатой фразе: «Советское — значит отличное!» В ней не только отражены наши безусловные успехи, но и заложены высокие цели, которые мы перед собою ставим.

Корреспондент. Итак, стратегия в области эстетического воспитания...

М. Раковский. Да, если изменятся стратегия, отношение к этому делу, то многое можно сделать. Я думаю, не так уж трудно будет привлечь к художественному воспитанию всю культурную общественность страны.

В Москве композиторы и музыканты уже включились в это дело. И здесь особенно мы должны быть благодарны композитору Дмитрию Кабалевскому и искусствоведу Светлане Виноградовой. Их лекции о музыке в полной мере формируют эстетическое отношение к миру в самом широком смысле этого слова. Великолепно наши композиторы взялись за музыкальное образование детей! Лекции по музыке проводятся на высочайшем, просто виртуозном профессиональном уровне!

Пример, достойный подражания, распространения!

В Москве, например, свыше тысячи школ и более трех тысяч художников. То есть художников примерно в три раза больше, чем школ. И если бы они почаще, хоть раз в неделю каждый, заходили в школу, то, уверяю вас, в домах появилось бы больше хороших картин, люди лучше стали бы разбираться в живописи и не появлялись бы руководители, подобные тем, которые работают на фабрике «Ростовская финифть».

Корреспондент. Что вы имеете в виду?

М. Раковский. Во всем мире славятся многие наши города красотой древнерусского искусства. Иностранные гости, приезжая в Ростов Великий и любуясь искусством древних художников, собранных в музее города, хотят увезти на память сувениры — финифтяные эмали, которыми издревле славен Ростов. В самом Ростове есть фабрика «Ростовская финифть». Но, к сожалению, мы не можем предложить гостям шедевры древнерусского промысла. Потому что на фабрике «Ростовская финифть» утрачивают искусство древних мастеров.

Много лет из года в год здесь на знаменитых финифтяных эмалях рисуют все один и тот же хохломской цветок. Серьги и ожерелья с этим однообразным цветком заполонили ювелирные магазины страны. Придет в магазин шестнадцатилетняя девушка и вместо сережек и ожерелья, сделанных единственным в мире способом — ростовской финифтью, наденет безвкусные поделки. Кто ей объяснит, что это плохо? Правда, наши девушки уже научились видеть безвкусицу этих дешевых поделок, и эмалевые серьги с хохломским цветком не пользуются спросом. Я здесь не говорю об экономическом ущербе. В случае с ростовской финифтью виден недостаток эстетического воспитания. Руководители фабрики — эстетически недостаточно подготовленные люди.

И тут я хотел бы сказать несколько слов об эстетической подготовке (и, если угодно, переподготовке) взрослых. Конечно, чувство прекрасного в большей или меньшей мере присуще каждому, но сейчас речь идет не о врожденной, стихийной способности воспринимать и творить прекрасное, но о соответствующем систематическом образовании и воспитании — на уровне современного развития эстетики. Эстетическое образование и воспитание, по каким-либо причинам не полученное в детстве, в юные годы, — его можно и нужно получить позднее.

У нас на промышленных предприятиях есть довольно развитая сеть технического обучения. В последние годы значительно улучшилось экономическое просвещение рабочих и инженеров. Не настало ли время поставить в повестку дня развертывание системы, так сказать, эстетического всеобуча? И в первую очередь там, где от такой подготовки зависит репутация продукции, рентабельность производства.

Пусть и кинематографисты примут активное участие в эстетическом воспитании. Нам крайне нужны фильмы — уроки по искусству, по культуре поведения! Конечно, кино, литература, выполняя свою прямую художественную функцию, играют огромную роль в эстетическом воспитании. Но нужно и другое. Нужны и книги-уроки, книги, популярно рассказывающие о прекрасном. Мне кажется странным, что подобные книги выпускаются не часто и — главное — не целеустремленно даже издательством «Детская литература», которому давно пора уделять больше внимания эстетическому воспитанию детей.

Корреспондент. Михаил Евгеньевич, некоторый уклон нашего разговора в практическую, прикладную сторону эстетического воспитания не означает, я думаю, умаления его роли в деле формирования социального, нравственного потенциала личности?

М. Раковский. Разумеется. Сегодня нас интересует не просто человек, способный тонко оценить художественное произведение и при случае мило промузицировать, спеть или станцевать. И не только тот, кто умеет сделать красивую, качественную вещь. Нет! Нас волнует гармонически развитый человек — носитель гражданских ценностей. Когда я стараюсь представить себе образ человека двадцать первого века, члена коммунистического общества, то вижу его необычайно обаятельным, разносторонне развитым. Общение с ним доставляет радость окружающим. Речь идет о развитии эстетической восприимчивости, эстетического отношения к миру в самом широком смысле слова.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

«ЧЕЛОВЕК НА СЛУЖБЕ»

В очерке Георгия Радова «Человек на службе» своевременно и правильно ставился вопрос о лучшем обеспечении мощных тракторов «К-700» прицепами и рациональным их использованием.

При составлении народнохозяйственных планов этому вопросу уделяется большое внимание.

Госпланом СССР совместно с Минсельхозмашем и другими заинтересованными министерствами принимаются меры к созданию специализированных мощностей по производству тракторных прицепов; кроме того, к их изготовлению привлечены предприятия 17 министерств и ведомств. В результате этого выпуск прицепов к тракторам «К-700» ежегодно увеличивается и опережает по своим темпам рост производства тракторов «К-700».

Так, в 1973 году выпуск прицепов к тракторам «К-700» увеличился по сравнению с 1972 годом на 14,3 тысячи штук. В плане на 1974 год предусмотрен выпуск прицепов в количестве 30 тысяч штук против 23 тысяч в 1973 году. По предварительным расчетам на 1975 год, выпуск этих прицепов будет увеличен примерно на 20 процентов и доведен до 35 тысяч штук. Это позволит к концу пятилетки значительно улучшить обеспечение сельского хозяйства тракторными прицепами.

В текущем пятилетии строится также новый завод в городе Орске по изготовлению прицепов большой грузоподъемности, который будет давать по 30 тысяч штук в год.

Н. ДЬЯКОНОВ,
заместитель начальника сводного отдела народнохозяйственного плана Госплана СССР

ОТПИСКА

ГДЕ ЖЕ ОБЕЩАННЫЕ ЛЬГОТЫ?

В апреле 1972 года в редакцию пришло письмо инвалида войны В. Субтельного из Симферополя. Ветеран спрашивал, почему льготы, предоставляемые инвалидам войны при проезде междугородным автобусом, не распространяются также на троллейбус, который курсирует между Симферополем и Ялтой.

Действительно, почему? Мы позвонили в Киев. Тогдашний начальник Главного управления городского электротранспорта А. Карев был щедр на обещания: «Вопрос можно считать решенным. С 1 октября инвалиды войны смогут пользоваться междугородным троллейбусом по льготному тарифу».

Мы, разумеется, проинформировали об этом своих читателей («ЛГ», № 17, 1972) и, признаться, на некоторое время забыли об этой истории, считая свою задачу выполненной.

Но прошло немногим более полугода, и в редакцию снова стали приходить письма от инвалидов. «Где же обещанные льготы?» — спрашивали они.

Признаться, мы не ожидали такого поворота. Снова позвонили в Киев. К телефону подошел новый начальник управления — И. Савченко. Он сообщил, что еще в мае 1972 года в Крымский облисполком было направлено письмо за подписью министра коммунального хозяйства Украины тов. В. Площенко: «...Министерство коммунального хозяйства не возражает против распространения таких льгот и просит исполком Крымского Совета подготовить необходимые расчетные материалы и подать их в Госкомитет цен Совета Министров УССР...» Министерство не возражает, управление поддерживает. Так что это дело нескольких дней. И теперь он, Савченко, возьмет решение вопроса под свой контроль.

Но наступил год 1973-й, а за ним, как и положено, — 1974-й, уже на пост начальника управления вместо И. Савченко заступил новый руководитель — Г. Щербина. Мы поспешили познакомиться с ним и попросили его ответить ясно и вразумительно нашим читателям: почему на автобусе инвалид войны имеет право на 50-процентную скидку, а на троллейбусе по тому же маршруту должен ездить за полную стоимость?

Г. Щербина решил, что хватит играть в прятки. Своим ответом он перечеркнул мнения своих предшественников: «Рассмотрев Ваше письмо о предоставлении 50-процентной скидки для инвалидов Отечественной войны на проезд по междугородной троллейбусной трассе, Главное управление разъясняет, что из-за крайне низкой рентабельности Крымского троллейбусного транспорта введение снижения оплаты за проезд даже части населения не представляется возможным».

Что и говорить, аргумент веский: крымский троллейбусный транспорт нерентабелен, не оправдывает расходов, можно ли еще увеличивать убытки, предоставляя льготы инвалидам?

Но вот как на грех читатель А. Густинц прислал из Симферополя письмо и вложил в него вырезку из газеты «Крымская правда» за 19 декабря 1973 года. А там черным по белому написано: «20 миллионов гостей и жителей перевезли в этом году троллейбусы города-курорта. Годовой план по перевозке пассажиров коллектив троллейбусного парка выполнил 3 декабря... По доходам выполнил в ноябре, по прибыли — в сентябре. Предприятие до конца года даст сверхплановой прибыли 300 тысяч рублей...»

Нам думается, что комментарий к этой странной истории должно бы дать Министерство коммунального хозяйства УССР.

Воскресное утро

Фото В. БОГДАНОВА

ЛЮДИ И ВЕЩИ

Я. КУЧЕРА

«ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»

В последних номерах под рубрикой «Люди и вещи» «Литературная газета» ведет серьезный разговор о роли духовных и материальных ценностей в воспитании человека социалистического общества. Материалы этой рубрики вызвали многочисленные читательские отклики. В них поднимаются вопросы о нравственном облике нашего современника, о воздействии общественного климата нетерпимости к любым проявлениям эгоизма, стяжательства, мещанства.

Проблемы воспитания личности, формирования нового, социалистического образа жизни имеют еще один важный аспект. Они являются предметом острой борьбы идей, областью, в которой буржуазная пропаганда пытается действовать наиболее массированно и настойчиво. Эта тема рассматривается в публикуемой сегодня статье чехословацкого журналиста Ярослава Кучеры.

НА ЧТО РАССЧИТЫВАЕТ ПРОТИВНИК

Мирное сосуществование и связанное с ним расширение международного сотрудничества в различных областях ведут к неизбежному увеличению контактов между странами, к расширению потока информации. Новые возможности обмена информацией создают достижения научно-технической революции, главным образом, радио и телевидение, которые в ближайшем будущем с помощью искусственных спутников практически смогут проникать во все уголки планеты. Научно-техническая революция требует уже сегодня совместного международного решения целого ряда проблем, как экономических, так и научно-технических.

Есть достаточно оснований утверждать, что антикоммунизм стремится использовать эти явления в своих интересах.

Известные антикоммунисты Бжезинский и Хантингтон еще в 1964 году обнажили суть так называемой «теории конвергенции», «сближения между капитализмом и социализмом», заявив, что «большинство теорий конвергенции в действительности предусматривает отнюдь не сближение, а простое поглощение одной системы другой». Современные проповедники антикоммунизма пытаются подновить эту уже разоблаченную «теорию». Они утверждают, что сближение народов в условиях мирного сосуществования и научно-технической революции, необходимость интернационального решения ряда важных проблем, в первую очередь экологических, с неизбежностью приведут к «слиянию» капитализма и социализма. Извращая действительно имеющие место явления, буржуазные теоретики твердят о «единстве целей», об «общности задач» обеих мировых систем.

В наши дни борьба идей все чаще принимает форму конфронтации двух противоположных образов жизни — буржуазного и социалистического. Буржуазные идеологи рассчитывают на то, что неуклонный рост жизненного уровня и потребления в социалистических странах со временем заставит людей видеть в потреблении основной смысл существования. А это, в свою очередь, приведет якобы к сближению социалистического общества с буржуазным, с его идеологией. Они уповают на перерождение социализма в «потребительское общество», на разложение его изнутри. Особую надежду западные идеологи возлагают на разложение молодого поколения, которое, стремясь как можно больше потреблять, со временем утратит классовый, первопроходческий дух, свойственный социализму.

Потерпевшие поражение чехословацкие правые вслед за теоретиками антикоммунизма рассчитывают на возникновение новой разновидности мелкобуржуазной идеологии, которую отличает потребительский подход к социализму.

В своих выводах они, как и их вдохновители из зарубежных антикоммунистических центров, основываются на том, что ныне в социалистических странах материальные потребности населения удовлетворяются на достаточно высоком уровне. Перед некоторыми людьми, не задумывавшимися ранее над общественно мотивированным смыслом труда, действительно может встать вопрос: а что же дальше, в чем смысл их дальнейшей деятельности? Вот этот-то момент и поджидают правые, чтобы заменить одну «модель социализма» другой.

«СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА»

Чтобы поддержать несоциалистические представления об образе жизни, буржуазные идеологи прибегают к так называемой «социологической пропаганде», или «социологическому воздействию». Это наиболее типичная форма идеологической диверсии. Она направлена главным образом на молодежь социалистических стран. Именно нашей молодежи в первую очередь адресовано восхваление западного образа жизни, причем главный упор делается на изобилие потребительских товаров, на комфорт, которым могут пользоваться определенные слои населения западных стран, на свободу передвижения по западному миру. Естественно, буржуазная пропаганда замалчивает тот факт, что это «благополучие», как широко известно, касается далеко не всех.

Цель «социологической пропаганды» — вызвать у людей неудовлетворенность нашей действительностью, безразличие к целям социалистического развития, к идеям и ценностям научного коммунизма и социалистической морали. Все это, по замыслу западных пропагандистов, должно тормозить процесс строительства нашего общества и развитие социалистического самосознания.

«Социологическое воздействие» на социалистические страны осуществляется не только с помощью средств массовой информации, радио, вещающего на иностранных языках, книг и т. д. В настоящее время буржуазная пропаганда придает большое значение воздействию на наш образ жизни посредством расширения туризма из стран Запада.

Каналами влияния «социологической пропаганды» могут быть также брос

Публикуется с сокращениями.

МИЛЛИОНЫ РАБОЧИХ ЧАСОВ, ТОННЫ БУМАГИ МОЖНО БЫЛО БЫ СБЕРЕЧЬ, ЕСЛИ БЫ ВСЕ ПИШУЩИЕ ОВЛАДЕЛИ СТЕНОГРАФИЕЙ...

ПРАВА КЛИЕНТА, ЗАКАЗЧИКА, ПОКУПАТЕЛЯ. НАДЕЖНО ЛИ ЗАЩИЩАЮТ ИХ ВЕДОМСТВЕННЫЕ ИНСТРУКЦИИ?

МНЕНИЯ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ПИШИТЕ БЫСТРО, ПИШИТЕ ЕЩЕ БЫСТРЕЕ!

Обычно человек пишет со скоростью 15—20 слов в минуту. А если увеличить эту скорость до 100—140 слов?

В последнее время социологи подробно изучают различные аспекты труда. Они подсчитали, сколько времени, бумаги, сил мы тратим при обычном письме и какие выгоды сулит нам введение скорописи. Оказалось, что перспективы исключительно благоприятные. В масштабе страны — это сэкономленные миллионы рабочих часов в сутки, сотни тонн бумаги.

Впрочем, преимущество стенографического письма доказано минувшим опытом.

В 1937 году стенографы разных стран, собравшиеся на конгресс в Лондоне, отметили своеобразный юбилей: 2000 лет со времени публичного применения скоростного письма. У нас, на Руси, в XV веке в древнем Новгороде скорописцы записывали собрания народного веча. В 1820 году вышла в свет одна из первых книг по русской стенографии М. А. Корфа, соученика А. С. Пушкина по лицею. Великие русские писатели Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский пользовались услугами стенографов. Фундаментальные труды Д. И. Менделеева и Н. Е. Жуковского были подготовлены по стенограммам прочитанных ими лекций.

...В 1933 году в РСФСР была введена Единая государственная система стенографии. Сейчас она усовершенствована и приспособлена к украинскому, грузинскому, татарскому, чувашскому, казахскому и другим языкам национальных республик. Стенографическое письмо получило общественное признание. Но многие ли студенты, научные работники, люди интеллектуального труда пользуются им в своей повседневной работе? К сожалению, очень и очень немногие.

Почему же знания скорописи распространяются медленно?

Стенографию невозможно изучить устно (даже в совершенстве зная ноты, нельзя стать музыкантом). Необходимо систематически тренироваться в письме и чтении, нужна большая практика. Скоропись — работа не только умственная, но и физическая. Умение сосредоточиться на голосе говорящего — это выдержка. Здесь и секунда дорога, поскольку каждую секунду произносится одно-два слова. А время нам все более дорого. Значит, стенография — письмо будущего. Бурное развитие народного хозяйства СССР, повышение общеобразовательного и культурного уровня советских людей предопределяют все большее развитие, настойчивое проникновение скорописи в труд и быт широкого круга людей.

Это подтверждается и опытом многих социалистических и других зарубежных стран. Так, в ГДР приняты три ступени письма: так называемая общепись, низшая ступень речеписи и высшая ступень речеписи. Обучение стенографии в школе ведется факультативно. В 1953 году в Польше была введена единая система стенографии (кстати, на основе нашей, русской, ГЕСС). В Англии стенография преподается во многих частных и профессиональных школах, а также является составной частью так называемого «коммерческого курса» гай-скул (средней школы). В этот курс входит стенография, машинопись, делопроизводство, бухгалтерия...

Мы не можем сейчас ставить вопрос о том, чтобы ввести курс стенографии как обязательную дисциплину во все школы, институты. В то же время стенографическое письмо надо изучать — это ясно. Как?

Некоторый опыт накоплен и у нас. Например, в Чусовской средней школе № 9 (Пермская область) в течение длительного времени работал кружок стенографии. Многие учащиеся школы овладели основами стенографического письма (не в профессиональной форме) или перешли к письму смешанному. Некоторые из них продолжили свое образование заочно на Государственных заочных курсах (Москва) и овладели стенографией в совершенстве. Среди них и мужчины: Николай Трегубов (ныне сотрудник одного из научно-исследовательских институтов Москвы), Александр Ардышев (после окончания школы, а затем Пермского сельхозинститута — специалист сельского хозяйства), Владимир Малых (после окончания Пермского политехнического института работает инженером).

В Пермской школе № 36 для девочек 9—10-х классов обязательным является курс машинописи и делопроизводства, а в индивидуальном порядке некоторые изучают стенографию.

Нужно отметить, что организация подобных кружков по изучению стенографии в школах или введение ее факультативно благотворно действует на весь учебно-воспитательный процесс. Острее ощущаются «больные места», пробелы в других дисциплинах — низкая грамотность учащихся, плохое владение ими стилем речи и отсутствие у них навыков конспектирования, недостаточная эрудиция. Члены кружка начинают систематически конспектировать уроки. Это способствует не только развитию стенографических навыков, но и прочному закреплению изучаемых в школе дисциплин.

Видимо, есть смысл организовать кружки (или курсы) по изучению стенографии при техникумах, вузах, в профсоюзных клубах, при институтах усовершенствования учителей, дворцах культуры, детских секторах клубов, при библиотеках и т. д. Есть же у нас в клубах кружки баянистов (платные и бесплатные), кройки и шитья, гитаристов (как правило, платные) и многие другие. Очень много найдется желающих изучать и стенографию. Правда, есть одна серьезная трудность: учебник стенографии — редкость и в библиотеках, а в книжных магазинах его вообще нет. Необходимо подумать об издании хорошего, популярного учебника (может быть, в форме самоучителя), при этом — массовым тиражом.

Попутно с изучением стенографии в кружках, на курсах можно давать, хотя бы очень кратко, основы делопроизводства и там, где это возможно, — машинопись. Ведь грамотный (не в русском языке, а в знании дела), квалифицированный секретарь-делопроизводитель, владеющий стенографией и машинописью, — сейчас одна из самых дефицитных профессий.

Знание стенографии способствует формированию личности с большим кругозором, широкой эрудицией, чувством времени, что так необходимо в наш стремительный век.

В. ГАШЕВА,
преподаватель стенографии;
И. СВИСТУНОВ,
методист Министерства просвещения РСФСР;
А. СКАЧКОВ,
кандидат философских наук

— Вы правы, но...

Фото В. ИВАНОВА

ИЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ?

кая западная реклама, призванная вызывать и поддерживать преклонение перед заграничными изделиями и товарами, наконец, музыка, телепрограммы, развлекательные западные фильмы и т. д.

Обычно такие фильмы озвучены определенной музыкой, герои этих картин определенным образом одеты, они курят особые сигареты. Так возникает ассоциация представлений: шикарный автомобиль — западная музыка — сверхмоднейший костюм — золоченая сигарета с длиннейшим фильтром... И все это, вместе взятое, формируется в понятие определенного образа жизни, связывается с определенными идейными и моральными ценностями буржуазного мира. А отсюда — лишь один шаг до стремления именно к такому образу жизни.

Здесь уместно напомнить, например, что в свое время английское правительство считало ансамбль «Битлз», который оказывал огромное влияние на английскую молодежь, более важным в пропаганде буржуазных взглядов и «ценностей», чем политические передачи по радио или политические статьи в молодежных изданиях.

Некоторые люди в социалистических странах и даже отдельные группы людей, зараженные мелкобуржуазными предрассудками, тяготеют к теним вот западным «образцам», которые они видят в западных боевиках. Они не отдают себе отчета в том, что эти кинодетективы и комедии отнюдь не отражают подлинной жизни в капиталистических странах. Именно поэтому невинная, на первый взгляд, развлекательная продукция с Запада, так или иначе пропагандирующая несоциалистический образ жизни и несоциалистического человека, может иметь больший пропагандистский эффект, чем, скажем, старомодные передачи той же радиостанции «Свободная Европа». Что касается таких людей и групп, то в данном случае пропаганда несоциалистического образа жизни попадает на благодатную почву, подготовленную потребительским отношением к социализму, культом вещей и стремлением прежде всего к личному обогащению. Мелкобуржуазный стяжатель и индивидуалист готов поддержать какое угодно политическое течение, если оно обещает обеспечить ему столь желанное мелкобуржуазное существование.

ПОТРЕБЛЕНИЕ — НЕ ЦЕЛЬ, А СРЕДСТВО

Необходимо подчеркнуть, что сам по себе рост потребления, в том числе и потребления любых материальных благ, не представляет собой при социализме никакого «греха», как это пытаются утверждать маоисты. Напротив, в условиях социализма он есть не что иное, как необходимое условие перехода к коммунизму. Однако с достижением высочайшего уровня потребления развитие общества не кончается. Такой уровень в новом социалистическом обществе является не конечной целью, а лишь условием и средством для коммунистических преобразований и полного освобождения человека. Да, стремление к повышению уровня материального потребления пока еще остается существенным стимулом деятельности людей. Однако в социалистическом обществе это стремление уже не является единственным, а со временем вообще перестанет быть главным стимулом деятельности и поведения личности.

Концепция «потребительского социализма» означает в действительности не что иное, как «потребление ради потребления». Идти подобным путем — значит попросту копировать такие черты буржуазного «потребительского общества», как погоня за материальным изобилием, превращение культуры в объект коммерции и т. д. В этом случае смыслом жизни становится потребление, а смыслом потребления — еще большее потребление. Однако наше общество имеет достаточно сил и средств для того, чтобы в корне изменить не только структуру, но и общественные функции потребления, не допустить, чтобы оно превратилось когда-нибудь из средства в самоцель.

Новый, социалистический человек не имеет ничего общего с восхваляемым буржуазной пропагандой идеалом «человека-потребителя», как развитый социализм не имеет ничего общего с мелкобуржуазными представлениями о так называемом «обществе потребителей», в котором автомобиль или дача предстают главным жизненным идеалом.

Однако именно такого рода «идеалы» пропагандировали правые и антисоциалистические силы в период чехословацкого кризиса. Они приукрашивали западный образ жизни, выдавали его потребительские стороны за черты какого-то «социализма нового типа». При этом замалчивались коренные различия в образе жизни буржуазии и трудящихся в странах капитала. А ведь подлинная жизнь эксплуатируемого труженика в буржуазном государстве делится между интенсивным, изнурительным трудом и однообразно проводимым свободным временем, между постоянной заботой о добывании средств к существованию и невозможностью удовлетворить свои как материальные, так и культурные запросы. За любое, даже небольшое улучшение такого положения трудящимся на Западе приходится решительно бороться.

В условиях социализма формирование новой личности и нового образа жизни вытекает из самой основы нашего строя, который никогда не ограничивался одним лишь отрицанием и критикой капиталистических общественных отношений. В социалистическом человеке, в социалистическом образе жизни воплощены новые общественные ценности такого масштаба и значимости, каких не смогла достичь ни одна общественно-экономическая формация до социализма. Таким образом социализм обладает еще одним и, быть может, самым убедительным аргументом в свою пользу в ходе исторического соревнования с капитализмом.

«Живот страны»
(ПРАГА)

А. ВЕЛИКАНОВА

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

ПОСЛЕДНЯЯ ЖАЛОБА

Мы становимся все более привередливы ми. Чем быстрее растет сфера услуг, тем выше наши к ней требования, тем сложнее вопросы, на которые нам хотелось бы получить исчерпывающие ответы.

Ворошиловградец Михаил Зиновьевич Буров ждал посылку. Извещение, которое направило ему багажное отделение, тащилось по городу девять дней и лишь на десятый попало в квартиру назначения. Хотя Михаил Зиновьевич тут же помчался за своим грузом, железная дорога взыскала с него 4 рубля 20 копеек за девятидневное хранение багажа. Естественно, М. З. Бурову это не понравилось. Но и спорить он не стал, рассудив, в общем-то, логично: «Перед железной дорогой виноват как бы я, вот я и уплачу; а передо мной виновато почтовое отделение — оно со мной и рассчитается».

Обо всем происшествии Михаил Зиновьевич написал директору Ворошиловградского почтамта, не забыв вложить в конверт извещение, оснащенное двумя печатями двух городских отделений связи, а также квитанцию об уплате штрафа, и попросил возместить ему убытки, понесенные по чужой вине. Наивный человек! Ему и в голову не пришло, «что согласно Уставу связи СССР за замедление доставки корреспонденции органы связи материальной ответственности не несут». Да и получив с почтамта это, поразившее его известие, он не только не успокоился, но, напротив, начал волноваться еще больше. Конечно, не только из-за четырех пропавших рублей. «Как же так? — возмутился он. — Значит, я, человек невиновный, несу ни за что ни про что материальную ответственность, а с тех, кто передо мной виноват, почему-то спросить той же монетой не могу. Где же тут логика?»

Логики и в самом деле мало. Особенно, если продолжить рассуждение тов. Бурова и представить себе обратную ситуацию. Человек должен приехать из Новосибирска в Москву утром, но поезд опоздал на 8 часов (и так бывает). День прошел в пути. Именно тот последний день, до которого почтовое отделение должно было хранить пришедшую «до востребования» на имя этого человека корреспонденцию. Все. Завтра ее отправят туда, откуда она прибыла, и никто, кроме ни в чем не повинного адресата, не пострадает.

Выходит, так: один раз перед железной дорогой виновата почта (она задержала извещение) — расплачивается клиент. Другой раз перед почтовым отделением провинилась железная дорога (вовремя не доставила пассажира) — снова страдает клиент. Отчего же?

Казалось бы, на это достаточно четко отвечала статья «...В одни ворота» («ЛГ», № 41, 1973): неуважительное отношение к нам тех, кто по долгу службы обязан облегчать нашу жизнь, предопределено их материальной и юридической перед нами безответственностью. Зачем же понадобилось вновь ставить тот же вопрос? Затем, что, как только на редакционный стол легли официальные ответы двух заинтересованных ведомств — Министерства торговли СССР и Министерства бытового обслуживания населения Российской Федерации, стало ясно: разговор о правах потребителя не окончен, придется вернуться к теме еще раз.

Не буду сейчас полностью приводить эти документы и даже обильно их цитировать. Скажу только, что всю проблему должностные лица свели к «отдельным недостаткам», которые легко устраняются с помощью либо «соответствующих» (Министерство торговли СССР), либо «действенных» (Министерство бытового обслуживания населения РСФСР) мер.

Законы отражают нравственные устои общества, но и сами параграфы водексов оказывают на общественную мораль немалое влияние. Представим себе, что закон, запрещая любую форму посягательства на чужую собственность, гарантировал бы этот запрет всего только душеспасительными беседами с участковыми уполномоченными или даже начальниками районных отделений милиции. К каким последствиям привела бы такая гуманность по отношению к тем, кто меньше всего ее достоин? Естественно, [illegible]ого за[illegible] допустить не может. [illegible] же то, [illegible]чено [illegible] определенным [illegible]ственности человека [illegible] личной или социалистической собственности, считается чуть ли не само собой разумеющимся при [illegible] его контак[illegible] сферой обслуживания?

Отыскать [illegible] эти, по существу [illegible] вопрос мне помог официальный представитель третьего ведомства — заместитель министра жилищно-коммунального хозяйства РСФСР В. Н. Ладыгин.

«Существующая ныне практика, — сообщил он редакции, — сложилась вследствие узковедомс[illegible] и выработки [illegible] типовых [illegible]ров, правил и инструкций. В данное время образован Госкомитет цен при Совете Министров СССР с широкими правами, в обязанности которого входит упорядочение этих вопросов».

С заместителем министра полностью солидаризируются многочисленные читатели, с той только разницей, что к поставленной проблеме они подходят более конкретно. Именно в письмах читателей впервые появилось слово «неустойка», то есть определен материальный стимул, который способен помочь решению древней задачи о курице и яйце: кто для кого — мы для сферы обслуживания или она для нас. Один из читателей не поленился заглянуть в три толковых словаря, чтобы установить не только экономический, но и социальный смысл предлагаемой меры.

Итак, неустойка — это неустойные в слове, неисполненье обещания, условия, обязательства (В. Даль); штраф при невыполнении договорного обязательства (С. Ожегов); «невыгода, которая, в силу договора, постигает неисправного контрагента» (Брокгауз и Ефрон). Неустойка используется с древних времен. По канонам римского права положительное ее значение заключается в том, что заказчик избавляется от обязанности напоминать должнику о своем требовании. Механизм неустойки должен действовать самостоятельно, автоматически реализуя обратную связь потребителя с исполнителем. Именно это освободило бы нас — клиентов, заказчиков, покупателей — от унизительной роли просителей, а предприятия, нас обслуживающие, перестали бы наконец разговаривать с нами «с позиции силы». Надо добиться, считают читатели, чтобы при заказе предприятие получало от клиента только часть стоимости работ (но не более 50 процентов), а когда работа окончена, клиент вносил бы остальную сумму, имея право сократить оплату на какой-то, твердо установленный процент за каждый просроченный исполнителем день. Эти два пункта должны быть обязательно напечатаны на бланке заказа, выдаваемого клиентам. Если такой порядок не будет введен, все останется по-прежнему.

Попытка «проиграть» предложенную модель в компетентном органе — Государственном комитете цен Совета Министров СССР — показала: не надо изобретать изобретенное. Лучше поехать в Латвию и посмотреть, как данная модель, вернее — уже не модель, а система, разработанная по всем правилам науки, занимающейся культурой обслуживания, показывает себя в действии.

И вот мы сидим в кабинете Василия Кузьмича Ситчихина — председателя Государственного комитета цен Совета Министров Латвийской ССР и вместе с Леонидом Павловичем Носковым, начальником отдела тарифов на услуги, обсуждаем единственный в своем роде документ (хотя и выглядит он обыденно, и называется так же скучно, как и тысячи других, — «Дополнительный прейскурант № Б 01-10/19 на изготовление швейных изделий по индивидуальным заказам населения»). В чем же его особенность?

В последнее время появились ателье, которые шьют платье не за 25 дней, как положено по нормам, а за неделю, — надо только уплатить за скорость 40 процентов надбавки к обычной цене. Удобно? Безусловно. Однако не только заказчику. «Литературная газета» уже писала — эта выгодная, с точки зрения плановых цифр, форма услуг получила настолько широкое распространение, что как бы невзначай охватила и тех, кому некуда торопиться и у кого нет лишних денег. Повторяется старая история: ни инструкции, правила, прейскуранта, в которых не было бы категорически запрещено принимать срочные заказы в принудительном порядке, только запреты эти, подобно доброму льву из «Волшебника Изумрудного города», способны напугать разве что малых детей. Взрослые же дяди и тети знают, что за выполнение и перевыполнение плана, чему 40-процентная надбавка немало способствует, они получают премию, в то время как нарушив инструкцию, могут максимум «схлопотать» выговор, который, как известно, механически снимается через полгода. Естественно, премия перевешивает.

Все это было учтено при составлении прейскуранта № Б 01-10/19.

Вам нужно новое платье не через месяц, а спустя неделю? Будьте любезны, заказывайте. И надбавку платите. Только не сразу, а потом, когда придете в назначенный день и убедитесь, что платье не только готово, но и хорошо сшито, и его не надо возвращать на переделку. Заведомо, ратуя за систему «деньги потом» вместо ныне действующей «деньги вперед», откровенно говоря, я все-таки не представляла себе, насколько серьезно она способна облегчить наше общение со сферой быта.

В декабре 1972 года рижане проверили несколько мастерских, где деньги за срочное выполнение заказов брали досрочно, или, как говорит известный конферансье, «до того, как...» Выяснилось, что только в одной из них за три дня 208 клиентов совершили зряшную прогулку за своими вещами: к назначенному часу они не были ни вычищены, ни отутюжены. Ни одному из двухсот восьми не были возвращены выплаченные авансом надбавки.

Немногим более чем через год комиссия, в которую вошли работники Госкомитета цен и Министерства бытового обслуживания населения республики, тщательнейшим образом проверила регистрационную книгу одного из ателье, на которое распространяет свое действие необычный, по сравнению с обычными, прейскурант. И что же? За полгода — ни одного просроченного дня, ни единого «придите завтра» (кроме случая, когда, ввиду крайней нужды, заказчица попросила сшить ей платье за сутки).

Новый прейскурант берет под свою опеку и «невыгодных» клиентов, предпочитающих подождать и воспользоваться обычным тарифом. Не гневными «должны», «обязаны», «необходимо», а сугубо деловым пунктом правил, по которому такому заказчику «...предоставляется скидка в размере:

а) за просрочку в течение 14 календарных дней — 5%;

б) за просрочку от 15 дней до 2-х месяцев — 10%;

в) за просрочку свыше 2-х месяцев — 20%».

Правда, ни комиссии, ни мне не удалось найти случая, когда неустойка была бы выплачена. Но не потому, что работники ателье [illegible] нарушили установленный поряд[illegible] зу [illegible] заказ[illegible].

Е[illegible] систему [illegible] механически перенести на предприятия торговли, связи или путей сообщения. Я остановилась на ней так подробно с единственной целью — раскрыть принцип, по которому [illegible] вещей [illegible] но [illegible] ограждающие права человека в сфере обслуживания; [illegible] это требует[illegible] — возвращение ему денег, если виноваты сами. Не пришел вовремя тов. Буров за багажом — пусть платит штраф; не вручили ему своевременно извещение — возместите убытки.

Но у ведомств, издающих инструкции, которые регулируют наши с ними взаимоотношения, своя логика. И потому даже [illegible] прейскурант, которому я посвятила столько восторженных слов, действует лишь в шести рижских ателье. Попытка применить принцип «берешь — плати» для защиты прав клиента в целом по республике закончилась полным крахом.

«...Не готовы к применению правил, предусматривающих материальную ответственность за несоблюдение сроков выполнения заказов, поскольку выполнять заказ в срок не имеем возможности» (Комбинат бытового обслуживания Краславского района); «...наши производственные мощности весьма ограничены, поэтому в настоящее время мы не можем выдерживать установленные сроки...» (Вентспилсский горкомбинат бытового обслуживания); «просим отменить новый прейскурант, так как не хватает ни кадров, ни мощностей для своевременного выполнения заказов» (Стучкинский комбинат бытового обслуживания).

Чем больше я читала писем-протестов, поступивших в республиканский Комитет цен, тем меньше у меня оставалось сомнений в своевременности поднятой проблемы. В самом деле, можно ли получить более убедительные доказательства того, что речь идет не об «отдельных случаях», которые можно рассмотреть на месте и устранить «в установленном порядке», а о массовом явлении? Теперь не нужно проводить специального эксперимента, чтобы утвердиться в мысли: только в отдельных случаях, при каком-то особо счастливом стечении неведомых обстоятельств обозначенный в квитанции день — ну, допустим, примерки — может и в самом деле превратиться в день примерки. Если же все будет складываться нормально, лучше всего в этот день вовсе не беспокоиться, а через неделю наведаться, чтобы уточнить, когда зайти в следующий раз. Тем не менее этот безнадежно скомпрометировавший себя порядок в Латвийской ССР вынуждены были восстановить.

Как же быть дальше?

С одной стороны, сфера обслуживания охватила нас столь плотным кольцом, что мы без нее и дня прожить не можем. С другой — нам приходится постоянно вступать в контакты с предприятиями, организациями, конторами, находящимися в подчинении различных министерств, у каждого из которых свои правила, свои приказы, свои инструкции, касающиеся нас. Как в них разобраться? На что ориентироваться в этом море не связанных между собой ведомственных правопорядков? С чем сопоставлять то или иное положение, изданное тем или иным министерством, чтобы установить, правомерно ли оно?

В последние годы издан целый ряд важных законодательных актов: о семье и браке; об охране природы; о народном образовании. Не настало ли время разработать и единый механизм, который обеспечивал бы соблюдение законов, защищающих права клиента, заказчика, покупателя? Этот механизм должен действовать так, чтобы любая инструкция и любой устав, которые не соответствуют тому или иному параграфу Гражданского кодекса — скажем, назначающие штрафной удар лишь в «одни ворота», — автоматически оказывались бы вне закона и их нельзя было бы утвердить.

Конечно, внедрять новые методы всегда трудно. Куда легче, как это сделало большинство ведомств (в том числе и Министерство бытового обслуживания населения Латвийской ССР), ограничиться старым добрым советом: «В случае чего — требуйте жалобную книгу». Советом, которым мы не хотим больше пользоваться, поскольку «случаев» слишком много, а большинство из нас в принципе терпеть не может жаловаться. Когда же нас к этому принуждают, мы приходим в себя дольше и труднее, чем нами наказанные.

Так стоит ли продолжать спор у ведомственного порога? Не лучше ли подключить к нему юридические органы, [illegible] Министерства [illegible] быть, [illegible] со[illegible] законодательство о правах потребителя и добиться, чтобы система «заказчик — исполнитель» работала по принципу: нажал на выключатель — свет зажегся. Без нервотрепки, без потерь рабочего времени, без книги жалоб. [illegible] будет [illegible].

ФРГ-74: ВПЕРЕД ИЛИ НАЗАД?

6. ГЛАВНЫЙ КАПИТАЛ КОАЛИЦИИ

В первой статье мы говорили о трудностях, которые переживает социал-демократическая партия. Правые силы пытаются создать впечатление, что эти трудности носят роковой характер. Мы придерживаемся иного мнения. Да, положение социал-демократов сейчас непростое, но у них, безусловно, есть силы, есть неизрасходованные резервы и реальные перспективы.

В условиях буржуазной парламентской системы часто бывает, что после победы на выборах правящая партия — или партии — теряет симпатии части избирателей, во всяком случае — в первое время. Избиратель нетерпеливо ждет выполнения предвыборных обещаний, и его постигают неизбежные разочарования. Проигравшие, те, что ушли в оппозицию, ни за что не отвечают. А победитель должен платить по векселям...

ХДС/ХСС, воспользовавшись экономическими трудностями, беззастенчиво валят на правительство все и вся — и собственные его грешки, и грехи капитализма, монополистической системы в целом: инфляцию, рост цен, безработицу, энергетический кризис. Растущее недовольство масс оппозиция пытается направить в выгодное ей русло.

Но, кроме демагогии, правым партиям противопоставить социал-демократам и свободным демократам нечего. Конструктивной программы у ХДС/ХСС нет. А правящая коалиция имеет немало в своем активе, накопленном за последние годы. Есть у нее и планы, определенные наметки, отвечающие интересам широких слоев населения страны. Коалиционные партии готовят ряд решений внутриполитического характера. И, конечно, это не по душе политикам из ХДС/ХСС. Отсюда новые спекуляции и атаки на правительство. Думается, что ход событий позволит избирателям разобраться в этих демагогических наскоках.

Но важнейшим капиталом СДПГ и СвДП была и остается восточная политика, улучшение отношений с Советским Союзом и другими странами социализма. Надо сказать прямо: ни одно из правительств ФРГ не сделало столько в плане упрочения внешнеполитических позиций страны, в плане укрепления здоровых тенденций в ее политике, свободных от наследия тяжелого прошлого, сколько сделало правительство канцлера Брандта.

Нам вспоминается интервью, которое мы получили сразу же после выборов 1972 года у федерального канцлера. На вопрос о причинах успеха правительства Willи Брандт ответил: «...подобный исход выборов объясняется прежде всего тем, что политика мира, взаимопонимания и разрядки напряженности оказалась для избирателей более важным фактором, чем некоторые внутриполитические трудности, которые мы переживали и переживаем. Рост цен никогда не бывает популярен, даже если в других странах он происходит еще более интенсивно. ...Но куда большее значение, чем проблема цен, имеет обеспечение мира».

Если избиратель не всегда мог разобраться в смысле социально-экономических обещаний противоборствующих партий, не всегда ясно видел, в чем тут различие между их программами, то в области внешней политики водораздел был четким: ХДС/ХСС тянули назад, к «холодной войне», СДПГ и СвДП обещали длительный мир и активное сотрудничество с социалистическими соседями на Востоке. И большинство избирателей решительно высказалось за курс коалиции. Курс, который продолжается и сейчас, о чем свидетельствуют переговоры федерального министра Э. Бара в Москве и другие конкретные шаги.

7. ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ И ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ

Кажется, что такие факторы, как мир, разрядка, имеют непреходящее значение, то есть должны оказывать постоянное воздействие на умы масс. В общем это верно, но не все здесь так просто и однозначно.

Позади период заключения весьма важных и даже, в известной мере, сенсационных для западногерманского обывателя договоров ФРГ с Советским Союзом, Польшей, ГДР, Чехословакией, установление дипломатических отношений с Венгрией и Болгарией. Настало время повседневной, кропотливой работы по наполнению договоров жизнью. А это дело длительное и не такое эффектное, с точки зрения воздействия на избирателя.

ФРГ переживает сейчас весьма важный период в развитии ее внешнеполитической доктрины. В одном клубке смешались и переплелись вчерашний, сегодняшний и завтрашний день, новое смотрит вперед, а старое тянет назад.

У нас состоялась интересная беседа с руководителем близкого к правительству Института международной политики и безопасности, видным западногерманским историком, профессором Риттером. Для него, уже немолодого человека, участника движения Сопротивления, идеи милитаризма, реванша — это вчерашний день политики.

— Когда-то военная профессия была модна и популярна в Германии, — рассказывал Риттер. — Это идет еще от прусских традиций. Теперь к бундесверу отношение иное. Военная форма не вызывает положительных эмоций. Для милитаризма в стране нет сейчас серьезной почвы.

Нам тоже хотелось бы так думать. Но на ум невольно приходят мысли о НАТО, о том, что ФРГ продолжает быть одной из самых верных и сильных, с военной точки зрения, участниц этого блока, что ее военные расходы продолжают из года в год увеличиваться, несмотря ни на что.

Профессор Риттер настроен оптимистично. Он считает, что завтрашний день — это не противостояние военных блоков, а экономическое, научно-техническое и иное сотрудничество капиталистических и социалистических стран. Он верит в успех переговоров по вопросам европейской безопасности и сотрудничества, переговоров по сокращению вооружений, которые идут в Вене. Как трезвый аналитик, профессор Риттер не ждет, что эти сложные проблемы будут решены с ходу, одним «большим скачком». Нужно время и терпение. Нужно преодолеть серьезные психологические барьеры, которые разделяли нас вчера и лишь теперь начали постепенно устраняться.

Силы вчерашнего дня, силы «холодной войны», шпрингеры и штраусы по-прежнему оказывают заметное воздействие на жизнь страны и, видимо, не исчезнут с политической арены и завтра. Правые на широком фронте ожесточенно атакуют шаги правительства в сторону дальнейшей разрядки и нормализации отношений с социалистическими странами. Они резко критикуют переговоры между правительствами ФРГ и ГДР, подвергли нападкам переговоры министра Э. Бара в Москве. Мотив всегда один: правительство, мол, идет на неоправданные уступки Востоку за счет интересов ФРГ.

8. СТАРЫЕ ПЕСНИ НА СТАРЫЙ ЛАД

«Аргументы» правых не отличаются новизной и давно уже биты жизнью.

Помнится, в 1970 году, уже после подписания Московского договора, приехав в Западную Германию, мы натолкнулись в правой печати на целые серии выступлений, доказывавших недоказуемое: мол, от развития экономических отношений между ФРГ и СССР выиграет только Советский Союз. Шпрингеровская «Вельт» заявляла тогда, что предоставление долгосрочных кредитов СССР означало бы... «косвенное освобождение советского военного бюджета» от части расходов. Штраусовская «Байернкурир» заклинала не оказывать «экономической помощи» Советам, которая-де позволит им «осилить гонку стратегических вооружений с Соединенными Штатами».

С тех пор обе страны прошли немалый путь взаимовыгодного делового сотрудничества. В прошлом году, как известно, объем советско-западногерманской торговли увеличился почти на сорок процентов и превысил четыре миллиарда марок ФРГ. В январе этого года в Бонне состоялась уже третья сессия смешанной комиссии СССР и ФРГ по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Результаты ее были весьма обнадеживающими. По мнению большинства западногерманских комментаторов, ныне создались возможности для воплощения в жизнь тех грандиозных перспектив крупномасштабного и долгосрочного экономического партнерства, о которых говорил Л. И. Брежнев во время своего визита в Федеративную Республику.

Обе стороны выразили готовность развивать не только традиционные внешнеторговые связи, но и производственную кооперацию, совместно осуществлять крупные проекты в области энергетики, металлургии, добычи и переработки полезных ископаемых, нефтехимии, машиностроения.

Разумеется, для осуществления проектов больших масштабов необходимо долгосрочное кредитование. Одно дело, когда ты покупаешь партию товаров ширпотреба и сразу за них платишь; совсем другое — когда закупается оборудование для целых заводов, комбинатов, электростанций, газопроводов, на строительство которых уйдет не один год. В таких случаях любой партнер предпочитает расплачиваться после ввода предприятия в строй и предлагает заключить сделку на условиях кредита. Это обычная, широко распространенная форма продажи комплектного оборудования — мы об этом уже писали: если же фирма — или фирмы — не в состоянии предоставить кредит на приемлемых условиях — значит, она неконкурентоспособна.

Кажется, ясно каждому школьнику. Но политические отравители колодцев заводят все ту же старую песню. «Байернкурир» в одном из февральских номеров помещает статью о том, что Советский Союз... стремится, мол, «поставить ФРГ в экономическую зависимость от себя»; «такова реальность восточной политики разрядки», — саркастически резюмирует рупор Штрауса. «Вельт» открыто призывает: поскольку СССР якобы нуждается в «экономической помощи», нужно «не упустить своих шансов» и «потребовать за свою помощь соответствующей политической награды».

Много спекуляций и вокруг процентов на кредиты: мол, СССР хочет слишком дешевых кредитов, из расчета примерно шести процентов годовых. Простой человек-де не поймет, говорили нам, почему он должен платить за кредит в банке на строительство своего дома 10—12 процентов, а СССР — чуть не в два раза меньше. Люди, казавшиеся серьезными, убеждали нас: избиратель, человек с улицы будет против, его надо вначале подготовить к таким соглашениям. «Давать им дешевые кредиты, чтобы они развивали свою промышленность, вооружались, а потом угрожали Западной Европе?!» — якобы рассуждает он.

Так объясните же этому человеку, что, во-первых, другие западные страны — Англия, Франция, Италия, США — при заключении крупных сделок предоставляют СССР кредиты именно из расчета 6—6,5 процента, и это взаимовыгодно. И, во-вторых, что надо смотреть в завтрашний день, сегодняшняя близорукость завтра может обернуться прямыми убытками.

Скажем, если будет осуществлен крупнейший Курский проект — строительство с участием западногерманских фирм огромного комбината по методу прямого восстановления железа из руды, — что это принесет ФРГ? Когда комбинат войдет в строй, СССР начнет погашать кредиты ежегодными поставками его продукции. Вспомним: ФРГ железной рудой не богата. Сырьевая проблема во всем мире обостряется с каждым годом. Наконец, сколько энергии сэкономит благодаря таким поставкам Западная Германия?

Человек с улицы все сам поймет, если не забивать ему голову выдумками об «укреплении Советского Союза за счет западногерманского налогоплательщика» о «скрытых репарациях» и прочем в том же духе, если не разжигать антисоветских страстей.

Канцлер и члены его правительства неоднократно отмечали взаимовыгодный характер отношений ФРГ с СССР. Эта реалистическая позиция и подвергается постоянным нападкам справа.

9. СНОВА «КРАСНЫЙ ВЕНТИЛЬ»

Три опасности, не говоря уже о глобальных факторах, подстерегают западногерманскую экономику, тормозят дальнейший ее рост: нехватка энергии, ограниченность рабочих ресурсов, разрушение природной среды. И с годами эти «пороки» будут только усугубляться. Долгосрочное крупномасштабное сотрудничество с советской экономикой — стабильной, быстро развивающейся, не подверженной ни экономическим, ни валютным кризисам, — это, конечно, не панацея от всех зол, но залог успешного разрешения многих жизненно важных для ФРГ хозяйственных проблем.

...Приходят на память — все из того же 1970 года — слова руководителя концерна «Крупп», известного промышленно-финансового деятеля Б. Байца. В начале того года было подписано ставшее ныне «классическим» соглашение о поставке в СССР, на условиях кредита, крупной партии труб большого диаметра с погашением долга поставками советского природного газа. Правая пресса сразу же подняла крик: «вентиль»-то будет в руках Москвы, в любой момент она сможет перекрыть газ! А ведь соглашение — на 20 лет, значит, 20 лет Западная Германия будет зависеть от «красного вентиля»!

Высмеяв эти разговоры как нелепые, Байц сказал:

— Нам необходимо разделение труда с социалистическими государствами: для ФРГ было бы гораздо выгоднее покупать там то, чего у нас нет или не хватает, вместо того чтобы самим развивать соответствующее производство, привлекая сотни тысяч иностранных рабочих...

Обо всем этом мы в свое время писали на страницах «ЛГ». Но вот теперь, в 1974 году, когда миллиарды кубометров советского природного газа уже поступили в ФРГ, мы снова услышали разговоры о... «красном вентиле».

Ныне идут серьезные переговоры о совместном строительстве крупных атомных электростанций, которые будут давать часть электроэнергии и Западной Германии. Уже сам факт переговоров о совместном сооружении объектов такого рода — тоже на условиях кредита — свидетельствует о растущем доверии в отношениях между двумя странами. Кстати, недавно заключено соглашение об обогащении на советских предприятиях урана для строящихся атомных электростанций в Мюльгейме и Библисе (прежде ФРГ получала обогащенный уран только из США).

Начинается, таким образом, советско-западногерманское сотрудничество в области мирного использования атома. Надо ли говорить, насколько это важно и с политической, и с экономической точек зрения! Надо ли разъяснять, как заинтересована ФРГ в получении электроэнергии! И что же? Как писал «Шпигель», «ведущие русские промышленники побаиваются, как бы поставки электроэнергии с Востока не обернулись для потребителей этой электроэнергии в Западной Германии роковой зависимостью».

Вот так!

Здесь уместно привести мнение посла ФРГ в СССР г-на Зама. В конце прошлого года, выступая во Франкфурте-на-Майне перед представителями фирм, входящих в торгово-промышленную палату, он отметил, что еще «не использованы все возможности» для увеличения экономического сотрудничества между нашими двумя странами. По словам посла, западногерманские фирмы должны, однако, быстро обеспечить себе позиции в Советском Союзе, поскольку также и другие страны уже давно оценили шансы торговли с СССР.

Трезвый подход! Отставший всегда проигрывает...

10. ОТВЕТ ОДНОЗНАЧЕН

У нас, пожалуй, не было ни одной беседы на политическую тему, в которой так или иначе не всплывал бы вопрос об отношениях между двумя германскими государствами.

Это бывало и раньше. Мы помним времена, когда в ФРГ ставили этот вопрос примерно так: перестаньте поддерживать ГДР, дайте нам воссоединиться (естественно, на капиталистической основе, при ликвидации тех завоеваний, которых достигли трудящиеся ГДР в условиях социализма) — и все будет в порядке, в центре Европы воцарятся мир и тишина. И так мыслили не только откровенно правые, реваншистские круги.

Многое изменилось в отношениях между ФРГ и ГДР в последние годы. Подписан договор об основах отношений, транспортное и ряд других двусторонних соглашений. На днях достигнута договоренность между ФРГ и ГДР об обмене постоянными официальными представительствами. Создана неплохая договорная основа, позволяющая мирно сосуществовать и развивать взаимовыгодное сотрудничество. Кстати, рост популярности правительственных партий, принесший им победу на выборах 1972 года, в значительной мере был обусловлен именно этим фактором.

Казалось, разум и реализм торжествуют. Но это не совсем так. ГДР продолжает оставаться объектом массированных и фактически непрерывных атак в Западной Германии. Конечно, не таких оголтелых, как раньше, но достаточно резких и настойчивых. Шпрингеровская и штраусовская печать, например, до сих пор еще берёт наименование социалистического немецкого государства в кавычки, демонстрируя его непризнание.

Ну, а те, кто оказался вынужденным признать суверенитет ГДР, ее государственность, ведут сейчас такой мотив: да, конечно, многое урегулировано, кое-что сделано, но все же ГДР... продолжает быть тормозом в деле разрядки напряженности.

— Почему?

— Для нас, немцев, важны прежде всего человеческие контакты, а ГДР тормозит их развитие.

— Позвольте, позвольте, но после заключения договоров произошел серьезный сдвиг. Давайте обратимся к официальным данным: в 1973 году в ГДР побывало свыше восьми миллионов человек из капиталистических стран, в том числе более семи миллионов граждан ФРГ и жителей Западного Берлина. Это что же — не человеческие контакты?

— Да, конечно, — признают наши собеседники, — это немало, сейчас тот, кто хочет, практически всегда может навестить своих родственников или знакомых в ГДР.

— Тогда в чем же дело?

— Видите ли, власти ГДР уж очень тщательно контролируют въезжающих и выезжающих, на автобанах очереди, поезда задерживаются...

Начинаем разбираться с этим вопросом. Смотрим в наши собственные паспорта. Действительно, при проезде через территорию ГДР нам поставили по три штемпеля, то есть контролировали трижды. Правда, поезд пришел в Кёльн вовремя.

Не потребовалось особых усилий, чтобы установить, что пограничники и таможенники ГДР вовсе не противники человеческих контактов, что у них есть весьма веские основания для тщательного контроля.

В Западной Германии издавна существовали организации, специализировавшиеся на переманивании людей из ГДР, главным образом — специалистов с высшим образованием. Дело было поставлено на широкую ногу. Социалистическое государство тратит огромные средства на образование, на подготовку инженеров, врачей, а в ФРГ предпочитают получить их без особых затрат, пустив в ход соответствующие соблазны.

После августа 1961 года, когда были приняты меры по охране границы ГДР с Западным Берлином, этот бешефт порядком захирел. А теперь, при столь широких контактах, о нем вновь вспомнили. Появились целые бандитские организации, которые установили определенную таксу за кражу людей в ГДР (особенно высока плата за врачей: в ФРГ их не хватает). Они оборудовали тайниками легковые и грузовые автомобили, разработали целую систему провоза живой контрабанды.

Ну, а как к этому относятся западногерманские власти? Ведь они договорно обязались не злоупотреблять транзитными путями, которые предоставляет ГДР для поездок граждан ФРГ.

Из Бонна последовало заявление, что там не планируют каких-либо мер против торговцев людьми...

Что ж, с ними будут бороться пограничники ГДР, пусть им придется ставить хоть десять штампов в паспорте каждого человека, пересекающего границу социалистической республики!

В ноябре прошлого года власти ГДР ввели новый порядок обязательного обмена западногерманских денег на марки ГДР для посетителей из ФРГ и Западного Берлина: вместо 10 марок в день на одного человека была установлена норма в 20 марок по официальному курсу — одна марка ГДР примерно за одну марку ФРГ.

Сколько мы наслушались сетований по этому поводу во время нашей поездки! Нам говорили, что это бьет по карману простого человека, ставит преграды человеческим контактам и т. д.

Однако и здесь нетрудно разобраться, если обратиться к цифрам. Простой расчет необходимых трат для приезжего показывает, что он никак не обойдется в ГДР без 20 марок в день: если и сэкономит на еде, то все равно потребуются расходы на услуги, транспорт, развлечения, покупки, наконец.

Но дело не только в этом. После того как поездки в ГДР начали исчисляться миллионами, в ФРГ и Западном Берлине, как грибы, стали появляться обменные пункты, где 1 марку ФРГ обменивали чуть ли не на 4 марки ГДР.

И наступило раздолье для финансовых и иных спекулянтов. В ГДР скупались продукты, обувь, детские вещи, пластинки, книги и т. д. и т. п. Причем в числе прочих покупались и те товары, которые производились в ФРГ и поступали в ГДР в порядке межгосударственной торговли: ведь они обходились намного дешевле.

Пожалуй, есть смысл привести небольшую таблицу цен на некоторые продукты и товары розничной торговли в ГДР и ФРГ. Вот она:

	ГДР	ФРГ
Филе на вырезки	13.20	30.00 за кг
Свинина	10.20	13.01 » »
Ливерная колбаса	8.10	11.30 » »
Хлеб серый	0.32	1.44 » »
Детские ботинки	18.18	37.80
Мужские ботинки импортные	70	71.50
Грампластинки	13.10	19

Все это, разумеется, сравнивается на товарах одного и того же качества. А теперь попробуем и без того более низкие цены ГДР разделить на четыре, и тогда совсем станет ясно, какие огромные возможности открылись для спекулянтов.

К сожалению, стремление к незаконному обмену денег захватывает не только спекулянтов-профессионалов, но и просто домохозяек, пенсионеров и другие категории лиц, направляющихся в ГДР. Уж очень велик соблазн! Ведь на вокзалах, в аэропортах — всюду они могут поменять марки ФРГ на марки ГДР из расчета один к трем-четырем (напомним: при официальном курсе примерно 1 : 1).

И начинается работа теперь уже для таможенников ГДР. Они обнаруживают незаконно ввозимые марки в специально оборудованных тайниках в сумочках и чемоданах, в нательном белье, даже в бутербродах. Иногда это сотни, а иногда и многие тысячи марок.

Когда к западноберлинскому бургомистру Шюцу в телевизионном интервью обратились с вопросом, не думают ли власти Западного Берлина закрыть обменные пункты, занимающиеся контрабандной торговлей деньгами, он ответил четким «нет».

Так кто же препятствует человеческим контактам: пограничники и таможенники ГДР, охраняющие законные интересы республики, или те, кто содействует торговле людьми и валютным махинациям? Ответ однозначен.

Искусственные трудности в отношениях двух стран создаются в тот момент, когда обе стороны ведут большую работу по решению крупных межгосударственных вопросов. ГДР не раз демонстрировала выдержку и добрую волю. Она вправе рассчитывать на уважение ее суверенитета и законных интересов.

Страны социализма умеют ценить политический реализм, честное стремление к миру и сотрудничеству, умеют отделять плевелы от пшеницы. Именно этим определяется подход стран социализма к правительству Брандта — Шееля, их готовность и дальше развивать отношения с ФРГ в интересах мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества.

В. ЕЖОВ,
В. СЫРОКОМСКИЙ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

Элизабет МАНЬЯН,
французская журналистка

ВИТРИНА НА ЕЛИСЕЙСКИХ ПОЛЯХ

ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

НА ЕЖЕГОДНОЙ выставке «Художники — свидетели своего времени», открывшейся недавно, как всегда, в музее Галлиера, я долго стояла перед картиной Жоржа Спиро. В этом году участникам выставки в качестве основной темы была предложена «Улица». Жорж Спиро подошел к решению весьма оригинально. На его улице собрались герои полотен художников разных времен и народов, начиная от Леонардо да Винчи и кончая Пикассо. Те там, то здесь в этой пестрой праздничной толпе можно увидеть и самих творцов прославленных шедевров. Весь передний план картины, включая дома, в окнах которых тоже знакомые нам лица, представляет собой свободный полет фантазии; на заднем же плане, на улице, как бы впадающей в эту, праздничную, открывается перспектива самая будничная: мостовая разворочена для каких-то очередных строительных работ, неуклюжий самосвал подвез кирпичи, их груда кажется баррикадой, перед которой остановились теснящиеся в самой глубине картины автобусы и автомашины.

В отличие от переднего, задний план абсолютно безлюден.

Но хотел ли этим художник сказать, что в мире машин, завладевших улицей, человеку и его творческой фантазии не остается никакого места? Может быть, именно таков был его замысел, и тогда, при всей своей фантастичности, это полотно приобретает очень актуальный смысл. Ведь не случайно парижский еженедельник «Нувель литерер» посвятил недавно проблеме улицы почти целый номер. Здесь опубликован даже манифест, озаглавленный «Улица должна быть завоевана вновь». «Улица умирает,— читаем мы в нем, — а ведь она является естественным продолжением дома, жилища человека... Жизнь должна вернуться на улицу, если человек не хочет оказаться в роли изгнанника в своем собственном городе».

Как же совершить это возвращение?

Андре Фужерон, участник нынешней выставки в музее Галлиера и лауреат одной из прошлых, говорит: «Улица одевается в свет и песни 14 июля, но ее современные краски даны ей Фернаном Лежэ». И я как-то сразу подумала о том, что строители, люди в рабочих комбинезонах, любимые персонажи Лежэ, сразу же внесли бы реалистическую ноту в фантастическую симфонию Спиро, о которой я говорю. Нет, не так уж безотрадны перспективы реальности! Совместными усилиями архитекторов и художников немало делается для того, чтобы улицам Парижа было что сказать глазам и сердцу современного человека.

Не последнее слово принадлежит здесь «огням большого города» — рекламам, витринам, которые, когда за их выполнение берутся подлинные мастера, именно и придают городу ту современную праздничность, о которой говорит Фужерон.

Последние три года муниципалитет Парижа проводит конкурсы на лучшие витрины. Это делается для того, чтобы вознаградить их владельцев за оригинальное архитектурное и декоративное оформление, не только украшающее собой само зданию, но и органически вписывающееся в окружающий пейзаж.

И когда награды удостаиваются работы, отражающие действительно «творческие силы нашего века» — если воспользоваться словами из манифеста в «Нувель литерер», — то это не может не радовать.

Вот почему мне особенно приятно написать, что в начале этого года жюри конкурса на лучшие парижские витрины присудило советскому агентству Аэрофлот, расположенному в доме № 33 на авеню Елисейские поля, премию за одну из лучших витрин города. В информационной справке, составленной в связи с этим для журналистов, говорится: «В этой витрине заключен большой заряд энергии, чему она во многом обязана установленной в глубине помещения превосходной светящейся диораме, представляющей собой Московский Кремль. Уличный фасад выполнен в белом мраморе, а белая вывеска с золотой каймой — очень высокого класса».

Действительно, созданная фотографами Дзанни и Вальтер девятиметровая светящаяся диорама, находящаяся, если смотреть с улицы, в левой части помещения, превосходна. И она приобретает особую символичность благодаря установленной справа огромной мозаике работы художницы Нади Лежэ. Это — Ленин. Ленин и советская авиация. Ленин и космос.

Весь в целом ансамбль агентства и витрин осуществлен по проекту архитекторов Готье Делая.

Жюри отметило красоту белых линий вывески, но есть и еще совсем особая красота тех неброских линий, которые мы видим на карте мира. Как много они способны рассказать тому, кто посмотрит на них внимательно! Это — линии международных рейсов Аэрофлота. И, глядя на них, как не подумать о том, что присуждение Аэрофлоту премии 1973 года за оформление парижской витрины — своеобразная и знаменательная веха в его истории: ведь 50 лет тому назад, в 1923 году, декретом Советского правительства был учрежден Совет гражданской авиации и открыта первая авиалиния, связывавшая Москву с Нижним Новгородом. Ее длина была 420 километров. За год было перевезено 229 пассажиров и 1900 килограммов груза...

Среди новых линий на карте парижской витрины — открытая в 1973 году еще одна линия связи с Францией: Марсель — Милан — Москва. Ее обслуживает 164-местный «ТУ-154».

Эти линии, которые самолеты Аэрофлота прочерчивают в небе, служат делу укрепления экономических и дружеских связей на земле.

При вручении премии в Парижской ратуше были сказаны слова о том, что агентство Аэрофлот было открыто на Елисейских полях, «одной из самых знаменитых и прекрасных авеню в мире, благодаря франко-советскому сотрудничеству». И то, что это сотрудничество способствовало украшению Елисейских полей — как было отмечено там же, — еще раз показывает, как много дают и как много еще смогут дать обеим странам, и Франции и Советскому Союзу, крепнущие с каждым днем экономические и культурные контакты.

Будем же надеяться, что на авеню советско-французской дружбы будет еще много таких праздников. Ее успешное развитие вселяет в сердце радость и уверенность. И — поскольку я начала это письмо с проблемы улицы — не будем забывать о том, что радостные и спокойные лица людей — самое лучшее украшение любого города, его улиц, площадей, бульваров и парков.

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

В ОДИН из дней раннего лета 1971 года я и Дмитрий Благой приехали на дачу Георгия Караславова под Софией. Нам показалось, что мы чудом попали на праздник самой красоты — так все сияло, цвело, благоухало в причудливом и гармоническом сочетании разнообразных красок, линий, форм, запахов. Запомнились волны сиреневых, розовато-белых, желтых, сине-голубых цветов. Необычные деревья, мощные, торжествующие. Какие-то шелковые, легкие травы, похожие на ковыль.

— Откуда у вас такая красота? — спросил Благой.

— Я и моя жена — агрономы. Все, что вы здесь видите, — дело наших рук, — ответил хозяин.

Сад Георгия Караславова — тоже своего рода символ творческих достижений этого большого болгарского художника слова. Революционер-коммунист, он в течение пятидесяти лет борется за Красоту жизни, неустанно извлекая ее из глубин народного характера и воплощая в чеканно строгие, динамично страстные образы классической художественной прозы.

Книги его давно пересекли границы Болгарии и прославляют болгарскую литературу и у нас, и в других странах.

Роман «Сноха» (1942) — первое произведение Караславова, которое я прочла на русском языке. В этом романе на фоне волшебной болгарской природы, с музыкой ее ручейков, родников и рек, с причудливыми очертаниями ее горных вершин, с прелестью ее лесов, полей и нив, происходят тяжелые жизненные драмы. Самой трагической оказалась судьба Севды: «Десять лет она мучилась в кулацком доме, десять лет работала, как скотина, унижаясь перед свекром и свекровью, и все для того, чтобы они в конце концов ее выгнали...»

Но через все испытания Севда пронесла любовь к труду и святую мечту о вольной волюшке. В узловой сцене романа она поет народную песню о легендарной Грозданке, очаровывая всех прелестью своего голоса. Прекрасная и смелая Грозданка, не убоявшись отца с матерью, не страшась суда людского, сама выбрала себе любимого, сама решила свою судьбу — ушла в гайдуцкую дружину:

Пойду посмотрю, кто играет,
На медовых играет свирелях.
Если любимый с дружиной —
С ними я там и останусь...

Злая черная доля и неиссякаемый внутренний свет. Враги трудового народа, вроде кулака Юрталана («раскрыл пасть, как змей, кабы мог, все поля проглотил бы»), и те, лучшие, в сердцах которых горит святой огонь протеста, любви к свободе. На этих контрастах построены почти все произведения Георгия Караславова.

В повестях «Танго» (1948), «Фома неверный» (1950), «Отцовский грех» (1961), написанных уже в социалистической Болгарии, рядом с песнью о Грозданке звучат слова «Интернационала»:

Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской!..

Здесь — героическая, самоотверженная борьба деревенских коммунистов с фашистско-капиталистическим режимом в годы второй мировой войны, с гитлеровской Германией.

Социально-политические проблемы у Караславова неразрывно связаны с проблемами этическими. Остро драматический сюжет, построенный на динамике контрастов, всегда раскрывает моральную красоту, достоинство, силу духа коммунистов-революционеров, обнажая историческую обреченность, аморальность представителей фашистско-буржуазной верхушки Болгарии.

Те же высокие эстетические принципы, соответствующие высота социально-эстетического и политического идеала, и в многотомном романе-эпопее Георгия Караславова «Простые люди», который охватывает историю роста революционного сознания болгарского народа, начиная с десятых годов нашего века и кончая победным сентябрем 1944 года. В настоящее время завершен последний том этой замечательной эпопеи, пронизанной пафосом, музыкой революционной борьбы.

Болгарская общественность широко праздновала семидесятый юбилей Георгия Караславова. Председатель Государственного Совета НРБ Тодор Живков вручил ему Золотую звезду Героя Народной Республики Болгарии и орден Георгия Димитрова. «Твоя жизнь коммуниста-гражданина и твое большое литературное дело, — сказал Тодор Живков, — одно из ярких доказательств великой истины, что только слияние судьбы художника с судьбой борца за коммунизм в единую органическую личность — основное условие воплощения природного таланта в высокоидейные и высокохудожественные произведения».

Эта великая общечеловеческая истина совпадает с лучшими чертами болгарского национального характера, в котором революция и поэзия, революционный подвиг и красота — понятия неразрывные.

Б. БРАЙНИНА

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ БОГАТСТВО

В КОНЦЕ прошлого года в Банской-Быстрице и Оломоуце (ЧССР) прошли обсуждения актуальных проблем социалистического реализма.

Вот уже много лет философский факультет Оломоуцкого университета имени Ф. Палацкого является центром по изучению наследия выдающегося чешского критика-марксиста Б. Вацлавека. Здесь ежегодно проводятся научные конференции «Вацлавеков Оломоуц», посвященные проблемам эстетики и марксистской критики. В работе последней конференции приняли участие представители чешских и словацких академических институтов и высших учебных заведений, делегации литературоведов из СССР и ГДР.

К конференции «Вацлавеков Оломоуц» непосредственно примыкала состоявшаяся в Банской-Быстрице конференция «Социалистический реализм — 73», организованная Институтом литературоведения Словацкой академии наук совместно с Союзом словацких писателей.

Обе конференции удачно дополняли друг друга. В Оломоуце главный акцент был сделан на некоторых общих вопросах теории социалистического реализма и на традициях чехословацкой марксистской критики 30-х годов. Здесь работала также специальная секция советской литературы (руководитель М. Заградка).

Живой отклик у участников конференции вызвал доклад члена-корреспондента АН СССР Д. Маркова, посвященный эстетическому богатству и многообразию форм в искусстве социалистического реализма, соотношению социалистического реализма с другими художественными течениями. С. Шабоук, директор Института теории и истории искусства ЧСАН в Праге, подробно рассматривал в своем докладе проблему правдивости искусства социалистического реализма и особенности его воздействия на преобразование мира и человека.

Опыт марксистской критики 30-х годов анализировали Я. Дворжак, Ш. Влашин (ЧССР), С. Шерлаимова и др.

Принципу партийности как эстетической категории посвятила свое выступление И. Зеехазе, критике буржуазных фальсификаций социалистического реализма — Э. Хексельшнайдер (ГДР). Различные аспекты метода социалистического реализма и его конкретного воплощения в чешской и советской литературах и критике освещали в своих выступлениях чехословацкие литературоведы М. Заградка, М. Благинка, Э. Петру, П. Пешта, Й. Йодас и др., литературоведы ГДР — Р. Опитц, М. Дирш, Х. Конрад и СССР — С. Никольский, В. Тимофеева, Р. Кузнецова.

На конференции в Банской-Быстрице в центре внимания были проблемы современного этапа в развитии литературы социалистического реализма, связь словацкой литературы с литературами советской и чешской, а также диалектика национального и интернационального. Под углом зрения сегодняшних задач анализировалась проблематика межвоенного периода (К. Розенбаум, Б. Тругларж, Д. Окали, Ш. Влашин, В. Черевка). Развитию литературы после 1945 года были посвящены доклады Я. Шкамлы, О. Марушьяка, С. Шматлака, выступления Г. Грзаловой и др. С интересом было встречено выступление члена-корреспондента АН СССР Г. Ломидзе об изучении многонациональной советской литературы в СССР и некоторых теоретических аспектах этой проблематики. Актуальным вопросам теории социалистического реализма были посвящены доклады Д. Маркова и С. Шабоука, выступления В. Ковалева, Я. Штевчика, Д. Дюришина, М. Мольнара и др. Выступивший на конференции заведующий отделом науки и культуры ЦК КПС М. Грушковиц обратил внимание на настоятельную необходимость детального анализа ошибок и заблуждений прошлого, ибо без учета уроков трудных лет кризиса вообще невозможно движение вперед. С. Шматлак отметил успехи сегодняшней словацкой литературы, особенно поэзии, свидетельствующие о животворности принципов социалистического реализма.

За последние три-четыре года Компартией Чехословакии была проделана сложная и трудоемкая работа по устранению последствий кризиса во всех областях жизни, во всех отраслях науки.

Конференции в Оломоуце и Банской-Быстрице свидетельствуют о решительном укреплении в чехословацком литературоведении марксистских позиций.

С. ШЕРЛАИМОВА, доктор филологических наук

Энцо РАВА, итальянский публицист

ПАСТОРАЛИ НА ВУЛКАНЕ

В КАКОЙ МЕРЕ литература помогает нам жить? А точнее, в какой мере она помогает понять и, следовательно, пережить ситуацию — по правде говоря, довольно трудную, — в которой мы, итальянцы, оказались к началу 1974 года? Если рассматривать литературу как мерило, как средство познания действительности, то оценка истекшего литературного года в Италии, увы, будет негативной: ни один роман не помог нам даже вообразить, что наступит день, когда мы в нашем «обществе благоденствия» окажемся лишенными не только превозносившихся и рекламировавшихся на каждом углу «излишеств», но и столь презренного «необходимого». Правда, если бы мы — как это ни абсурдно — признали неистребимую, как сорная трава, теорию, в соответствии с которой от литературы мы должны ждать лишь утешения (а те, кто в утешениях не нуждается, — развлечения), положение вряд ли намного улучшилось, ибо нет такого романа, который мог бы утешить нас и отвлечь от печальных мыслей о том, как случилось, что сегодня мы вынуждены мерзнуть, отказаться от автомобиля и скучать без развлечений, отучивших нас от здорового отдыха.

В Италии существует своего рода книжная индустрия, а для индустрии вопрос о прибыли, разумеется, играет главную роль и все себе подчиняет. И вот, исходя из расчетов, проделанных на уровне административных советов, было, видимо, решено, что настало время провозгласить новую моду. На щит подняли «романтизм». Держа нос по ветру (а на нашем книжном рынке ветер дует обычно из-за Атлантического океана), многие итальянские издатели решили, что следует несколько ослабить интеллектуальную напряженность последних лет и сделать ставку на чувства. Было учтено стремление современного человека к естественной простоте, отнятой у него обществом, которое превратило пляжи и леса в свалки, оглушило всех ревом моторов, отравило воздух выхлопными газами. Вот тут-то и показалось рентабельным вернуться к «внутреннему миру» читателя, по возможности потешить его взор картинками цветущих лужаек где-то вдали от вавилонского столпотворения больших городов.

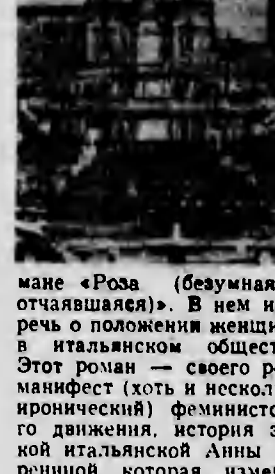
Однако такой способ подменить одну действительность другой ничуть не помогает понять реальную жизнь, полную острых, «вулканических» проблем.

Как бы там ни было, а постепенно в нашей литературе место бунтующих интеллектуалов, девиц с взвинченными эротикой нервами и молодых людей, восставших против все и вся, заняли пасторальные герои, вытащенные из домов призрения, и посаженные на почетное кресло.

В такой обстановке одна из самых крупных и важных литературных премий — «Премия Виареджо», которая нередко присуждалась поистине замечательным произведениям, отличающимся высокими художественными достоинствами и гражданским пафосом, в нынешнем сезоне оказалась врученной писателю-юмористу Акиле Кампанниле, который начал смешить итальянцев еще в тридцатые годы. Однако именно эта последняя его книга — «Пособие по ведению беседы», — удостоенная премии, страдает самым большим недостатком, каким только может страдать произведение подобного жанра: она не вызывает у читателя даже улыбки.

В то же время премия «Стрега», самой «светской» из всех присуждаемых ежегодно в Италии, удостоен роман Манлио Канконьи «Веселее, молодежь» — этакий выдержанный в стиле «наив» балет бодрящихся старичков. Роман написан с претензией если не на развлекательность, то по крайней мере на необычность. Но герои его, старички-бодрячки, почему-то и недостоверны, и скучны. Несколько больше повезло читателям романа Пьеро Кьяры — конкурента Канконьи: его книга «Претор из Кувио» — забавная любовная история — так щедро была расхвалена рекламой, что попала в число произведений, которые «обязательно» нужно прочитать. Не менее широковещательная реклама гарантировала большой успех и солидные тиражи и роману Карло Сторлона «Деревянный трон», уводящему читателя в давно исчезнувшую сельскую цивилизацию.

Зато вся критика единодушно признала малоинтересным «Монте Марио», последний роман Карло Кассолы — писателя, блестяще владеющего пером, человека, много лет тому назад подарившего нам отличный роман о партизанах «Невеста Бубе». Все последующие годы, однако, он только и делал, что открещивался от этого произведения, которое назвал «слишком идейным», и писал новые, все менее «идейные». Действие в его романах происходит обычно где-нибудь в деревенской глуши. А вот «Монте Марио» (так называется квартал в Риме) переносит нас наконец в городскую среду (правда, «столичного» в нем только и есть, что интерьер городской квартиры). Проблема, которую автор поднимает в романе, вполне конкретна (нечего и говорить, что это секс), а герой романа — весьма внушительная личность — офицер карабинеров. На протяжении всего повествования его мучает неразрешимая дилемма: если ему удастся заманить в постель любимую девушку, он не сможет ее уважать, так как девушка уже будет обесчещена; если же он не уговорит ее на этот шаг, девушка не познает радости любви, а только она одна и может заставить девушку выйти за него замуж. Как ни печально, все заканчивается ничем.



Среди названий в списке книг, пользующихся наибольшим спросом, мы видим также «Вертикальное море» Серджо Савиане, необычное для нашей литературы произведение — «антропологический роман», в котором человек, ставший невропатом из-за шума компрессора, работающего под окнами его дома, оказывается отброшенным в своем сознании на тысячи и даже на миллионы лет назад. Из того исторического далека он постепенно проходит филогенез живого существа через все историко-биологические кризисы. Роман в целом является чуть ли не призывом к «биологическому обновлению» человека перед лицом смертельной опасности, которую несут в себе всеобщая механизация и моторизация.

Типичные для нашей литературы проблемы подняты Энцо Сичилиано в романе «Роза (безумная и отчаявшаяся)». В нем идет речь о положении женщины в итальянском обществе. Этот роман — своего рода манифест (хоть и несколько иронический) феминистского движения, история этакой итальянской Анны Карениной, которая, изменив мужу, обнаруживает, что он сам толкнул ее на путь измены, чтобы иметь повод постоянно ее третировать и прощать. Надо сказать, что художественные достоинства книги свидетельствуют о подлинном мастерстве ее автора.

К несомненным удачам года следует отнести книги «Дворец скрещивающихся судеб» Итало Кальвино и «Другая жизнь» Альберто Моравиа. Первая из них явилась результатом переосмысления и переработки старой повести, в результате чего получилось новое, сложное, тонкое и пронизанное духом высокого гуманизма произведение. Альберто Моравиа же своей новой книгой еще доказал, что он был и остается крупнейшим романистом в итальянской литературе, которая после недавней кончины Карло Эмилио Гадды (выдающегося писателя, чьи произведения практически непереводимы, так как написаны очень сложно, вобрав в себя элементы диалекта и литературного языка) заметно оскудела.

В литературной панораме нынешнего года блистает своим отсутствием некогда нашумевший «авангард». «Группа-63», еще не так давно подогревавшая литературные страсти, практически распалась.

Нечем похвастать и поэтам: в основном в этом году переиздавались стихи прежних лет, принадлежащие перу опытных, известных авторов. К числу лучших можно отнести сборники Марио Лузи, Витторио Серени, Альберто Бевилакуа. (Этот последний уже широко известен как романист и кинорежиссер, теперь же он утвердился и как поэт.) Явную усталость обнаруживает Эудженио Монтале, все еще считающийся самым крупным поэтом последних трех-четырех десятилетий.

Больше повезло эссеистике. Такие стоящие на грани политики и литературы произведения, как «Дневник 1913—43 гг.» писательницы-коммунистки Камиллы Раверы и «Письма из Милана» Джорджо Амендолы, пользуются большим успехом у читателей. Чистая же эссеистика и в нынешнем году продолжала трактовать наболевшие и весьма актуальные для нашей страны темы — фашизм, проблема Юга, крестьянская цивилизация, женский вопрос, положение трудящихся, школьная реформа, медицинское обслуживание населения, положение стариков в обществе и т. д. Работ этих много, и трудно отдать предпочтение какой-то одной, но все же нельзя не отметить «Полусвободную Европу» Гуидо Пьовене, четвертый том «Истории ИКП» Паоло Сприано и «Наши нравы» Умберто Эко. Книга Эко — подборка статей о вырождении нравов, о культуре и субкультуре. Автор, между прочим, пытается ответить на вопрос, почему после того, как, наконец, и в Италии родился роман (по ряду сложных причин считалось, что роман и итальянская литература несовместимы), после того, как он успешно начал развиваться и приобретать серьезную социальную значимость, многие романисты вдруг скатились до роли рядовых ремесленников. Надолго ли затянется этот кризис? Ответ нам сможет дать только будущее.

РИМ

КТО, ГДЕ, КОГДА

«Мельница Левина»

На снимке — сцена из оперы «Мельница Левина», поставленной Дрезденским государственным оперным театром. Это — третья опера молодого композитора Удо Циммермана. Либретто написано по одноименной повести известного писателя ГДР Иоганнеса Бобровского, которая хорошо знакома советским читателям. Действие ее происходит в 1874 году в Западной Пруссии, и рассказывает она о неравной борьбе бедняка Левина с местным деревенским богатеем.

Пресса ГДР дает высокую оценку опере, автор которой сумел удачно использовать в музыке народные мелодии.

«Отелло» в стиле китча

Новый киновариант бессмертной трагедии Шекспира «Отелло» — фильм молодого режиссера Патрика Мангуэна «Пойми мою душу» — вызвал крайне отрицательную реакцию даже у английского журнала «Филмз энд филминг».

Действие фильма происходит в наши дни в Рио-Гранде (Нью-Мексико, США). Отелло волей сценариста Джека Гуда превратился в хиппи-странника, посвятившего себя спасению погрязших в грехах бездомных юродивых. Дездемона являет собой образец коротко стриженой «девочки-модняги» в огромных очках.

«Действие фильма развивается медленно, — пишет рецензент Симон Григ, — создавая утомительное, чрезмерное напряжение. Дездемона, наконец, умирает, и по залу проходит вздох облегчения. Я даже удивился, что в зале не началось хихиканье, когда Отелло поднял тело умирающей Дездемоны и положил его на протянутые к нему руки распятого Христа...»

Перенесение сюжетов произведений классиков в современность — явление не новое в западной драматургии. Но подобный «новаторский подход» к наследию Шекспира, в результате которого великая трагедия превратилась в зрелище, выдержанное в духе китча, не принес успеха создателям фильма.

КТО, ГДЕ, КОГДА

С аукциона...

В начале апреля на аукционе Соутби в Лондоне будет продаваться одна из редчайших коллекций французских импрессионистов. Более ценного собрания, отмечает лондонская «Таймс», знатоки не встречали в продаже за последние десять лет. Среди картин, которые предлагает латиноамериканский коллекционер, — полотна Мане, Ренуара, Писарро, Сислея, Дега, Тулуз-Лотрека, Руссо. Эти работы относятся к раннему периоду творчества знаменитых художников. Особенно интересен, по мнению специалистов, групповой портрет Ренуара 1878 г., который тогда еще молодой и безвестный художник продал за небольшие деньги, чтобы добыть средства на оплату квартиры. Пейзаж работы Писарро — первое полотно, написанное художником после бегства в Англию во время франко-прусской войны, когда все его работы, оставшиеся на родине, погибли.

Бесценные шедевры мировой живописи после торгов попадут не в музей, а будут собственностью частных лиц.

Пятилетний дирижер

Юный дирижер Раду Поставару из Румынии. Ему пять лет, он дирижирует оркестром, который исполняет произведения Визе, Гайдна, Листа и Чайковского.

Так карикатурист журнала «Лектюр пур тус» проиллюстрировал фельетон К. Арноти.

Кристина АРНОТИ

ФЕЛЬЕТОН

ГЛАЗАМИ СОБАКИ

ИНОГДА, когда я вхожу в свою комнату, меня охватывает ужас — топорщатся волосы, по коже пробегает дрожь, зуб на зуб не попадает, в ушах звенит, глаза широко раскрываются от испуга: меня гонят из дома книги. На помощь! Теперь все пишут!

Можно подумать, что большая часть населения охвачена приступом истерии. Люди пытаются все выведать обо всех, следят друг за другом [illegible] какое-то безумие! Не[illegible] время тому назад [illegible]альные личности без малейшей скромности и стыда уже рассказывали о себе всю подноготную, берегитесь «собственном опыте». Сейчас эта эпидемия «исповедальности» достигла опасного уровня.

Но это еще далеко не все. Если бы эти люди писали только для ящиков своих письменных столов, это было бы прекрасно. Настоящая психическая драма для нации наступает в тот момент, когда все эти рукописи начинают издаваться. Похоже, однако, что эти рукописи проходят «серьезный» отбор. Легко представить, какие перлы оказываются за бортом!

Будучи литературным критиком, я получаю всю, без исключения, подобную продукцию. Роюсь в груде этих книг, и взгляд мой падает на «Мемуары делателя ангелов». Свой опус этот «делатель» написал в тюрьме. По случаю его выхода на свободу издатель организовал сеанс подписания автографов у входа на ближайшую от места заключения станцию метро. В книгу было вложено приглашение на это празднество. Я прочла в нем, что к этому торжественному случаю создали даже новый рецепт коктейля, который окрестили «райским питьем».

Рядом с мемуарами «делателя» — книга с многозначительным названием «Как я благодаря баранам выучился говорить». На титульном листе — адресованный мне автограф: изображенный с помощью печатки баран и нацарапанный от руки крестик. В книгу вложено уведомление от издателя, где сообщается, что, хотя автор и выучился говорить благодаря баранам — его наставникам, писать он не умеет, а посему подписывает предназначенный мне экземпляр простым крестиком. Но его исповедь, записанная «человеком пера», передана абсолютно точно, заверяет уведомление.

Я замечаю также книгу, на обложке которой «изящно» нарисовано некое подобие женской головы: глаза у женщины закрыты, рот полуоткрыт, и под этим скорбным ликом — название, чьи буквы составлены из слезинок: «Покинутая». Ищу разгадку заголовка и вижу следующий текст: «Впервые без ханжества и стыда женщина описывает крестные муки, которыми была для нее жизнь с мужем. Будучи способной получать наслаждение лишь при звуках органной музыки, она так и не смогла утешиться там, что вышла замуж за скрипача». Сочинение сие рекомендуется всем женщинам, которым предстоит сделать в жизни выбор.

Открываю этот плотный том на первой попавшейся странице и читаю: «Я долго смотрела на него, он долго смотрел на меня, мы смотрели друг на друга, а чужие люди смотрели на нас. Я чувствовала, как слезы заливают мне грудь. О горе! Я еще любила его, этого жестокого и беспощадного человека, этого жалкого Дон-Жуана, который ни разу не пожелал доказать мне своей истинной любви, обратившись к органной музыке и выбросив в мусорный ящик свою скрипку... Разве этим не сказано всё?!»

С отвращением захлопнула эту «исповедь», продолжаю поиски: мне ведь необходимо к будущей неделе написать статью. Я ищу писателей, а нахожу лишь неуклюжих эксгибиционистов. В этой горе книг с еще непросохшей типографской краской мне попадается бог знает что: рассказы о приключениях какого-то спелеолога, который во время жизни под землей почему-то выбросил свою лампу и установил какие-то бредовые отношения с семейством крота, заблудившимся потому, что оно зарылось слишком глубоко; повествование о массажисте, который, слишком усердно массируя какого-то подверженного судорогам писателя, сам заболел той же болезнью и вылечился только тогда, когда поведал миру о своем «опыте»; нелепый лепет некоей светской дамы, у которой почему-то долго дымил камин. После многих месяцев «глубоких» раздумий и угаров она—наконец-то! — поняла, что камин, оказывается, символизировал мужчину, а дым — его любовное томление.

Мне попадается томик, где объясняется, как надо худеть, и еще один — из той же серии,— пытающийся убедить вас потолстеть. Книги с рецептами блюд без применения сахара, «исследования» о женатых священниках и монахинях, ищущих любовных связей.

Однако самое тягостное впечатление производят книги, в которых какой-нибудь серьезный, зрелых-перезрелых лет господин вспоминает, как он потерял невинность. Если он совсем старик (лет эдак под 80), то «событие» это непременно происходит с помощью лучшей подруги его матери. Если этому господину под пятьдесят, то вариант такой: «Она была моей подружкой. Ее считали девушкой слишком вольных нравов. Я, как мотылек, летел на огонь. Недавно я снова встретил Клотильду. Она постарела. Мы притворялись, будто обо всем забыли. Но вдруг она хриплым голосом спросила: «Помнишь, как мы впервые пробовали жвачку?»

Как же это все скучно!

Скромность исчезает. Не имея тем и исчерпав самих себя, эти бумагомараки подстерегают теперь других людей. Ваша коллега по службе, быть может, записывает каждую вашу фразу, каждый жест, каждое восклицание. Вы думаете, что говорите с ней наедине, а у нее в кармане мини-магнитофон, который фиксирует все ваши признания. Ну, а если вы ее уволите? Она напишет обо всем, что видела или слышала у вас, от вас или о вас.

Если же вы сам служащий, то какая у вас гарантия, что патрон не держит в приоткрытом ящике письменного стола магнитофон? Быть может, он уже записывает все подряд, чтобы иметь возможность, выйдя на пенсию, написать свои мемуары.

На помощь! Каждый хочет все знать и пишет обо всем, что ему удалось разузнать.

Всего несколько дней назад я с удовольствием любовалась своим песиком по кличке Янки. Какое чудесное существо! Милое, доброе, красивое и — о счастье! — лишенное дара речи. С ним чувствуешь себя в полной безопасности. Он может видеть, как я припудриваю нос, работаю над рукописью, он не подсчитывает, сколько чашек кофе я выпиваю. Да это просто чудесно! Но в один прекрасный день я споткнулась о его подстилку и—о горе!—увидела тетрадку! Она вся была исписана какими-то значками, напоминающими с виду обглоданные кости.

— Это еще что такое? — с упреком спросила я. Меня охватил испуг.

И вдруг он... ответил:

— Это мой дневник. В нем я описываю твои движения, жесты, слова. Один молодой издатель заключил со мной договор на книжку для его новой серии «Интимная жизнь известных писателей глазами их собак».

Чтобы помириться со мной, он согласился зарыть свой дневник в саду. К несчастью, он воткнул в землю обглоданную кость, чтобы потом опознать место, где спрятаны его мемуары. Теперь я в его власти.

«ОХ» «КЛУБА ДС»

Андрей БУЧАЕВ

ПРОКОПОВ

ВЕСОВЩИК Прокопов вернулся с работы домой, как обычно, в семь двадцать.

Жена Прокопова возвращалась из управления раньше: вот и сегодня она ждала Прокопова с разогретым ужином.

Ужинали молча.

После еды жена Прокопова собрала посуду, ушла с ней в кухню, долго гремела там у мойки, а когда вернулась, Прокопов как сидел за столом, накрытым поверх тяжелой тканьевой скатерти яркой импортной клеенкой, так и оставался сидеть истуканом.

Спрашивать его ни о чем супруга не стала, тихо откинула край скатерти, положила на полированную доску стола байковое одеяло и включила электроутюг. На стуле появился ворох свежевыстиранной одежды, чистой и пахучей.

Нагрелся утюг, жена Прокопова принялась гладить, глухо стукая утюгом по столу через сложенное одеяло; за какой-нибудь час—полтора ворох белья превратился в аккуратно отутюженную стопку, которую расторопная женщина снесла в трехстворчатый зеркальный шифоньер. Прокопов же сиднем сидел с другой стороны стола и за все время не шелохнулся.

Стараясь не тревожить хозяина, жена Прокопова привела в порядок стол, протерла сервант с жалобно поющим хрусталем, телевизор на тумбе и саму тумбу, стулья, кресла, аквариум на подоконнике. Потом хозяйственная женщина замочила в стиральной машине новую порцию стирки, прокипятила и поставила в холодильник бульон, завела стенные часы, отплела косу, застелила свежим цветным бельем двуспальную кровать под орех, переоделась в ванной ко сну, вернулась в комнату, а Прокопов все продолжал сидеть пень пнем.

— Свет гасить? — тихо спросила жена и, не получив ответа, погасила люстру чешского хрусталя и включила декоративный ночник: две розы и анемон из стекла в вазе.

Через минуту она затихла.

На плисовом ковре с изображением жаркого полдня в Бухаре, на атласном одеяле, под которым улеглась уставшая за день женщина, на потолке пролегла темная тень насупившегося за столом хозяина.

Неизвестно, сколько прошло времени.

Стих шум улицы за окном; отстучали лотками и затихли в угловой булочной, принимая ночной хлеб; и раз, и два пробили в отдаленной квартире часы с кукушкой.

Наконец стул под Прокоповым натужно заскрипел. Прокопов встал, пошел, заплескался в ванной. Вернувшись, хозяин с кряхтеньем разделся и тоже лег.

— Ни грамма для себя сегодня. Все им! Девятый день пошел.

И сразу послышался горячий, быстрый шепот женщины:

— Вот и умник, вот и хорошо. И не надо пока! Другие как хотят — а ты не надо!

— Ладно кудахтать, у самого варит, — забубнил с притворной сердитостью муж.

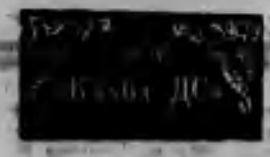
— Милый ты мой, потерпи, знаешь ведь, как сейчас с этим...

— Знаю, только с непривычки все одно тяжело... — Прокопов вздохнул.

— Кто ж спорит, радость моя, — утешала жена. — Только ведь должна она кончиться, кампания эта против хищений, не век ей длиться, тогда опять помаленьку начнешь в свой карман!

— Так-то оно так, — уже зевая, сказал Прокопов. — Кампания-то, конечно, кончится, только какую следующую объявят — вот в чем вопрос.

Спустя короткое время супруги крепко спали в цветных сумерках комнаты.



Е. ЗАГДАНСКИЙ

ТРИ КЛЮЧА

БЫЛО время, когда чудаки украшали мир. Один искал точку опоры... Хотел что-то там перевернуть. Другой бегал по городу голый и кричал «эврика». Третий воевал с ветряными мельницами...

Мы с моим Васей — люди другого склада. Знаем, чего хотим. И своего добьемся. Вообще-то сейчас чудаков поубавилось. Однако любят некоторые оригиналов из себя строить. Индивидуальность свою показывать.

Мы вот с Васей мебель финскую оторвали. Три месяца за ней бегали. А соседка по лестничной площадке вместе с мужем и двумя детьми на байдарках по Уралу в отпуск укатила.

Мы, скажем, как все люди, в очередь на «Жигули» записались. Ходим. Отмечаемся. А эти по выходным пешком с рюкзаками за город шествуют. Я по их глазам вижу: хочется им и мебель полированную, и дубленку модерную. А они—нет, не последние деньги билеты на концерты покупают... Да еще и детей приучают. Притворство все это!

У нас с Васей есть цель. Есть свой, так сказать, идеал. Три ключа. Ключ от квартиры. Ключ от дачи. Ключ от гаража. Два ключа мы уже добыли.

А эти... Чем они-то гордятся? Ах, Рихтер!.. Ах, Бетховен!.. Знаем мы эти штучки. Неудачники... Про нас эта дамочка сказала: «Не жизнь у них, а крысиные бега».

А еще культурную особу из себя строит. Сами жить не умеют. Вот и выдумывают...

Меня, правда, одно беспокоит. Ну, будут у нас эти три ключа. Скоро уж будут. А что дальше? Как по-вашему?

КИЕВ

ИРОНИЧЕСКАЯ БЫЛЬ

Олег ДМИТРИЕВ

Жестокий романс

Пишет лирик аккуратно
В поэтический блокнот:
«Не зови меня обратно!»
(А никто и не зовет.)

Лирик вновь страстей
кручей,
Ясным пламенем горит:
«Не корми меня,
не мучай!»
(А никто и не кормит.)

Бродит лирик,
Лик угрюмый,
Пряча в воротник пальто:
«Обо мне теперь
не думай!»
(И не думает никто.)

«Не вернуть былые ласки!»
(А кому они нужны!)
Видит лирик на терраске
Профиль миленькой жены.

«Не воротишь дня
былого!»
— Дорогой, готов обед!
— И элегия готова! —
Улыбается поэт.

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

Администрация «Клуба ДС» напоминает всем заинтересованным лицам и организациям, что до первоапрельского Дня смеха, Дня сатиры и юмора осталось чуть более двух недель.

Просьба сообщать, что, где и когда будет.

Встретим понедельник 1 апреля 1974 года организованно и весело. Будем смеяться! И не только в специально отведенных для этого местах.

ФРАЗЫ

● *Зачем флюгеру знать, откуда дует ветер?*

● *Как много приходится говорить, когда нечего сказать.*

● *Учеба учебой, а думать тоже надо.*

● *Чтоб не понимать Шекспира, надо быть Толстым.*

● *Как правило, человек обладает именно теми пороками, в которых он не нуждается.*

● *И падающая звезда была восходящей.*

● *По-видимому, древо познания ядовито: все, вкусившие от него, рано или поздно умирают.*

М. ГЕНИН

Арт БУХВАЛЬД

ПЕРЕВОДЫ

ИСПОРЧЕННЫЕ КАНИКУЛЫ

Фото А. КОВАЛЕВА.

В НАШЕЙ стране вы почти не замечаете разницы между поколениями, пока ваш сын или дочь не приедет домой из колледжа на рождественские каникулы. Тогда-то вы и убеждаетесь, насколько далеки от своих детей.

Вероятно, в эти дни во всей Америке услышишь такой разговор:

— Нанси, ты дома уже целых три дня. Почему же ты не убираешь свою комнату?

— А в колледже мы этого не делаем, мама.

— Великолепно, что ты посещаешь столь вольное заведение. Но нам с папой хотелось бы, чтобы у себя дома ты убирала свою комнату.

— Какая разница? Это же моя комната.

— Знаю, дорогая, для меня это действительно не так важно. Но папа очень боится чумы. Сегодня утром он сказал, что если она появится где-то, так это именно у тебя в комнате.

— Мама, промышленные предприятия загрязняют нашу среду еще больше.

— Нас это очень волнует. Но сейчас мы больше обеспокоены загрязнением в твоей спальне. С тех пор, как ты дома, ты ни разу не убрала постель.

— В колледже я ее никогда не убираю.

— Понимаю и не сомневаюсь, что сэкономленное время ты тратишь только на образование. Но, по нашим старомодным представлениям, постель необходимо убирать каждое утро, и мы никак не можем отделаться от этой привычки. Ты ведь надолго пробудешь дома, так почему бы тебе не побаловать нас?

— Боже мой, я ведь уже взрослая. Почему вы относитесь ко мне, как к младенцу?

— Мы не обращаемся с тобой, как с ребенком. Но нам трудно представить, что ты не дитя, когда ты бросаешь всю свою одежду на пол.

— На пол я бросаю не всю одежду.

— Прости меня. Я преувеличила. А как насчет грязной посуды и пустых банок на твоем столе?

— Мама, вы не понимаете нас, потому что воспитаны по-другому: для вас главное — чистые комнаты. А мы не заботимся об этом. Для нас ценно то, что у человека в голове.

— Никто так не чтит образование, как мы с твоим отцом, особенно если иметь в виду плату, которую с нас взимают. Но мы не понимаем, как грязь может способствовать умственному развитию.

— Это потому, что вы старше. Скорее всего вам бы хотелось, чтобы я стелила постель и подбирала одежду, чем стала свободно мыслящей личностью.

— Мы и не думаем подавлять твою свободную натуру. Просто у нас кончилось действие прививки от брюшного тифа.

— Хорошо, я уберу в своей комнате, если это для вас так важно, но знай, ты испортила мне каникулы.

Перевела с английского Татьяна ИЛЬИНА

ФОТОАТЕЛЬЕ

Прежде всего, администрация «Клуба ДС» должна с огорчением констатировать, что фотография Л. Якубовской («ЛГ», № 7) не вызвала желаемого оживления в читательских рядах. Всего получено 311 откликов на снимок. Не густо, что и говорить! Администрация отдает себе отчет что фотография не из тех, что позволяют изощряться в остроумии, и все-таки...

Социологическое исследование, проведенное администрацией, свидетельствует о значительном количестве женщин, принявших участие в работе этого «Фотоателье». Одна девушка из Киева прислала выкройки семи фасонов трусов на все дни недели. Спасибо. Наиболее многочисленны вариации на тему «Берегите мужчин!». Остальные подписи, которые с грехом пополам удалось отобрать администрации, такие:

«Неделька как неделька» (Евг. Клетинич, Кишинев). «Сервис для командированных» (семья Егоровых, гор. Курган). «Последствия эмансипации женщин и феминизации мужчин» (семья Рябцевых, Москва). «Срочно пришлите выкройку на трусы «воскресенье»» (Г. Воров, Киев). «Срочные заказы выполняются в присутствии заказчика» (В. Грачев, гор. Дрезна Московской обл.). «Ох, уж эти мужчины!» (П. Данилюк, Ленинград). «Даешь изячную жизнь!» (А. Гамм, Новосибирск). «Доживем до понедельника» (О. Казарина, Москва). «Равноправие» (Ольга Темчук, гор. Червоноград Львовской обл.). «В мужчине все должно быть прекрасно...» (некто из Кишинева). «Пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает» (И. и М. Ромины, гор. Рубежное Ворошиловградской обл.). «Информация к размышлению» (Каров, Москва). «Конец матриархата» (Ю. Фомин, Киев). «А я все гляжу, слов не нахожу» (В. Овсянников, Омск).

В заключение администрация нашла слова и мужество, чтобы сказать:

— Грустно, товарищи клиенты «Фотоателье». Если судить ответы по пятибалльной системе, то среди перечисленных нет ни одного «четверочного». Просьба подтянуться. И еще просьба: уважайте труд администрации! Присылайте ответы только на открытках!

А пока новая работа. Что бы это значило?

Ю. КОТЛЯРСКИЙ

ПОВОД ДЛЯ ТОРЖЕСТВА

— ТОВАРИЩИ, — сказал Коля Смихов, — а ведь назревает повод для торжества.

— Какой? — все повернули головы в его сторону.

— Неужели не знаете? — удивился Коля. — Ровно через два месяца исполняется двадцать лет работы Федора Евгеньевича в нашем отделе. Чем не причина?

— Безусловно, — поддержала его Нина Аркадьевна.— Я первая голосую «за». Федор Евгеньевич — один из старожилов отдела. И к тому же он очень милый и славный человек.

— Да, — согласился техник Церквушкин, — очень отзывчивый товарищ. Идет в магазин — обязательно спросит, не надо ли чего купить.

— А в столовой всегда пропустит впереди себя. Другие так не делают, — вставила чертежница Люся.

— Утром обязательно спросит, как спалось, как детишки, все ли здоровы, — добавила Нина Аркадьевна. — Нет, право, он такой душка!

— Добрейшая личность, — кивнул головой инженер Хрулев. — У других рубля не вымолишь, а он беспрекословно по два одалживал. А какой мастер анекдоты рассказывать! Скинемся, братцы, ей-богу, почествуем юбиляра!

— Голосую обеими руками, — чуть напыщенно произнес Гриша Рюмин. — Мне лично он в свое время достал такой японский свитер — закачаешься, а главное — без всякой приплаты.

— А мне — хрустальную вазу, — призналась Люся.

— А мне — мохер, — добавил Коля Смихов.

— Словом, юбилей он заслужил, — резюмировала Нина Аркадьевна. — Между прочим, вношу предложение организовать его в общеинститутском масштабе. Поговорим в профкоме, сходим к директору...

Затем еще в течение десяти минут отдельцы расхваливали Федора Евгеньевича и выбирали депутацию в профком и директорат.

— Товарищи, а если спросят о его деловых качествах? — осторожно произнес Хрулев.

— Перестаньте! Ну что вы за несносный человек! — недовольно упрекнула его Нина Аркадьевна. — При чем тут деловые качества, когда у человека юбилей!

И все сошлись во мнении, что это очень правильно.

ЧУ- ДА- КИ

В. ПЕСКОВ

В. КОЛЕЧИЦКИЙ

И. КОГАН (КИЕВ)

М. ЗЛАТКОВСКИЙ

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● **ЭКОЛОГИЯ**

Не плюй в колодец!

● **КОММУНИКАБЕЛЬНОСТЬ**

Слышь, друг, дай закурить!

● **ПРОИСШЕСТВИЕ**

Это случилось зимним морозным вечером. Двое несовершеннолетних подростков вошли в «Гастроном» № 5 перед самым закрытием. Оглядевшись по сторонам, один из них быстро подошел к продавцу Т. Сидоровой и негромко потребовал:

— Дайте мне, пожалуйста, торт «Гвоздика»...

Продавцу ничего не оставалось, как подчиниться требованию подростка. Схватив торт, подростки расплатились и быстро скрылись в неизвестном направлении.

● **КАЧЕСТВО — ЭТО ЖИЗНЬ**

Житель города Новодбруевска слесарь Дубов, находясь в нетрезвом состоянии, выпал с балкона, но чудом зацепился подтяжками за балконные перила и провисел так до прихода своей жены. Она-то и дала высокую оценку продукции местной галантерейной фабрики.

Владлен ВАХНОВ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НАШЕЛ СЕБЯ

РАССКАЗ

АХ, КАК переживал старший товаровед Филимон Петрович Грозодоев! То есть он не то чтобы страшно переживал, он просто чувствовал себя каким-то неполноценным. И происходило это потому, что у него не было своего настоящего индивидуального хобби.

И, главное, почти у всех сослуживцев это проклятое дело имелось. Например, Жирафченко конструировал из всяких отходов шикарные канделябры. Купарский реставрировал старинные утюги всех времен и народов и, зная об утюгах практически все, слыл авторитетным утюговедом. А Полилуев? Уж на что малоинтересный человек, а и тот имел оригинальное пристрастие. Он вытачивал из деревянных брусков шаржи на своих знакомых. И хоть такое занятие Полилуеву ничего хорошего, кроме неприятностей, не приносило, он самозабвенно продолжал изводить кубометры древесины, занимаясь своим деревообделочным творчеством.

Я уж не говорю про инженера Элегия Люблютникова! Его легендарное увлечение прорезалось тогда еще, когда и словечка такого — хобби — не было и просто говорили: «Этот Элегий совсем сошел с ума: его хлебом не корми — дай только шашлык кому-нибудь приготовить».

Неустанно совершенствуя и оттачивая свое искусство, он достиг таких высот мастерства, что стал хоббистом городского значения. К нему повара из шашлычных приезжали перенимать опыт. Да только где им! Они ж, повара, свои шашлыки для плана делали, а Элегий — для души!

И Филимону Петровичу тоже хотелось, чтоб про него говорили: «Это тот Грозодоев, который утюги...», или «Тот, который канделябры...», или еще что-нибудь в этом роде...

Однако пока что он прозябал в неизвестности, а слава о таких людях, как Элегий, разносилась по всему городу.

И все, к примеру, знали, что есть сапожник Лолабаев, который обожает чинить и совершенствовать телевизоры, превращая обыкновенные в цветные и наоборот.

Знали, что есть заведующий рыбным магазином Допотопов — непревзойденный мастер лирического фотопортрета. У завмага мечтали сняться первые красавицы города. Но привередливый Допотопов фотографировал только тех людей, которых считал фотогеничными, да еще работников ОБХСС — и все!

Было известно также, что где-то на окраине проживает засекреченный физик Подошьян. Засекречен же он был не потому, что физик, а потому, что в свободное от физики время имел неосторожность делать потрясающие клипсы. Украшения эти быстро вошли в моду, и сразу появилось множество клипсоманок, желавших любой ценой заиметь клипсы от Подошьяна. Вот почему супруге умельца пришлось срочно засекретить своего физика.

Ну, а те мужчины, которые любили модно одеться и желали щеголять в самых современных брюках, те знали, что скроить их может только один человек — талантливейший по части брюк кинорежиссер Нейхин: уж что этот режиссер умел, то умел!

Все хорошо? Нет, не хорошо! Все было гораздо сложней и упиралось в одно деликатное обстоятельство: эти бескорыстные умельцы не брали за свои труды денег. Так что незнакомым людям обращаться с просьбами к хоббистам было крайне затруднительно.

И вот однажды позвонил Грозодоеву не то дальний родственник его бывшей жены, не то бывший муж грозодоевской нынешней супруги— словом, позвонил некий Закаляйский.

— Тут такое дело, — сказал дальний муж. — У моего шефа юбилей. Дата некруглая, так что отмечать будем скромно, в дачной обстановке. И я, понимаешь, сгоряча пообещал шефу, что шашлык нам соорудит твой знаменитый Люблютиков. Выручай! Сосватай мне Люблютикова!

Грозодоев от такой наглости даже опешил:

— Интересно, как ты себе это мыслишь? По-твоему, Люблютиков потащится, как идиот, за город для чужой компании шашлыки делать?

— А ты не горячись! Я слыхал, Люблютиков в новую квартиру въезжает?

— Ну и что?

— А ты Фунтикова знаешь?

Еще бы! О Фунтикове знали все. Это был известный психиатр. Психиатр, известный тем, что гениально умел оклеивать стены обоями и даже изобрел для этого специальный клей «фунтикин». Клей отличался фантастическими свойствами: смазанные им обои не коробились и не отклеивались.

— Так вот, — сказал Закаляйский, — этот Фунтиков — двоюродный брат шефа. И есть договоренность: если Люблютиков соорудит на тридцать персон шашлык, Фунтиков оклеит его новую квартиру. Ну как?

— Не знаю. Я, конечно, передам Элегию твое предложение. Но надо посоветоваться... — важно пообещал Грозодоев.

Однако о чем тут было советоваться? Люблютиков обрадовался возможности соорудить такой масштабный шашлык. А жена его — так та просто расцеловала Грозодоева, когда узнала, что их квартирой займется сам прославленный психиатр! И старшему товароведу тоже, между прочим, было приятно выступать в роли бескорыстного благодетеля.

И стали через Филимона Петровича сыпаться заказы на Люблютикова. И каждый раз Элегию в благодарность за его шашлычную услугу оказывалась какая-нибудь ответная услуга другого, заслуженного хоббиста. Вскоре у него было все необходимое... И теперь за его шашлыки незнакомые люди предлагали такие услуги, которые для Элегия не представляли никакого интереса.

И вот в этих трудных случаях, когда отсутствовал обоюдный интерес и стороны не могли договориться, за дело брался старший товаровед Грозодоев, и с его помощью разрозненные звенья самобытных умельцев образовывали единую непрерывную цепь взаимных услуг.

У Люблютикова не работает лифт? Очень хорошо!

Грозодоев каким-то образом раздобывал дамского парикмахера, который увлекался ремонтом подъемных устройств и в то же время страстно мечтал о брюках от Нейхина. Грозодоев все согласовывал, и парикмахер, отремонтировав Элегию лифт, зарабатывал право на брюки.

Кинорежиссер же, сделав парикмахеру брюки, получал теоретика-кибернетика, который со вкусом подстригал любимую собаку Нейхина и за это [illegible] с сапожником Лолабаевым.

Сапожник доводил до совершенства телевизор теоретика и за это, согласно договоренности, осуществлял свою заветную мечту, а именно: фотографировал у Допотопова супругу.

А Допотопов тоже не оставался в накладе. Он получал браслет и клипсы, сделанные физиком, который защитил диссертацию и потому нуждался в шашлыках Люблютикова.

И Люблютиков сооружал для физика потрясающие шашлыки, не прекращая радоваться тому, что дамский парикмахер так здорово отремонтировал его лифт и теперь не нужно подниматься пешком на девятый этаж.

Чувствуете, как все удачно получалось?

А ведь это нужно было организовать, согласовать, утрясти. И занималось этим хлопотным делом не учреждение, а всего один человек — Грозодоев. В квартире у него не смолкал телефон. Филимон Петрович кого-то с кем-то соединял, что-то уточнял, на кого-то покрикивал...

И теперь в городе знали, что если вам, например, нужно выложить ванну кафелем, а вы умеете только вязать варежки — обратитесь к Филимону Петровичу. Он вам скажет, что предпринять. Это ведь тот самый Грозодоев, который...

И когда приятели спрашивали у Грозодоева, какой интерес ему заниматься этими чужими делами, старший товаровед скромно отвечал:

— А что делать, если у меня увлечение такое? Меня хлебом не корми, дай [illegible] после службы [illegible] поруководить, [illegible]вать... Ничего не [illegible] — хобби!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 10 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ 103654 ГСП Москва И-51 Цветной бульвар 30 Телефон для справок 295 00 00 доб 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. [illegible], С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—01016 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Зак. 220 ИНДЕКС [illegible]